БИБЛІОТЕКА „ПРОСВѢЩЕНІЯ"

32

ИСТОРІЯ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

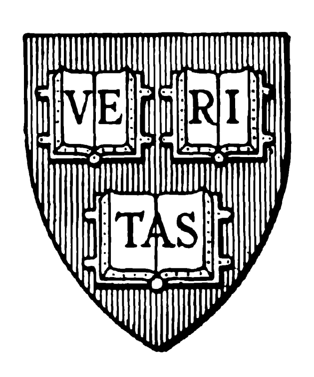
СОЧ. ФРАНЦА МЕРИНГА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМ. Я. Г. А—ОНА

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

Цѣна 62 коп.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе".
С.-Петербургъ, 7-ая рота, собств. домъ № [illegible]


VE RI
TAS

Изданія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе"
С.-Петербургъ, 7 рота, соб. д. № 20.

Библіотека „Просвѣщенія".

№ 1. **Карлъ Марксъ.** Нищета философіи. Цѣна 39 к.
№ 2. **В. Зомбартъ.** Рабочій вопросъ. Цѣна 27 к.
№ 3. **Н. Сувировъ.** Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. Цѣна 49 к.
№ 4. **Большіе города,** ихъ обществ., полит. и эконом. значеніе. Сборникъ статей проф. К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля и др. Цѣна 44 к.
№ 5. **А. Менгеръ.** Право на полный продуктъ труда. Цѣна 30 к.
№ 6. **Ф. Мерингъ.** Объ историческомъ матеріализмѣ. Цѣна 15 к.
№ 7. **П. Гере.** Какъ священникъ сталъ соц.-демократомъ. Цѣна 6 к.
№ 8. **Т. Куртн.** Всенародн. голосованіе въ Швейцаріи. Цѣна 7 к.
№ 9. **Грейлихъ.** Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса. Цѣна 8 коп.
№ 10. **Э. Зелигманъ.** Экономическое пониманіе исторіи. Цѣна 17 к.
№ 11. **А. Менгеръ.** Гражданское право и неимущіе классы. Цѣна 45 к.
№ 12. **А. Бебель.** Шарль Фурье, его жизнь и ученіе. Цѣна 42 коп.
№ 13. **Ш. Боржо.** Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ; вып. I. Цѣна 35 коп.
№ 14. **Ш. Боржо.** Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ; вып. II. Цѣна 35 коп.
№ 15. **П. Стрѣльскій.** Самоорганизація рабочаго класса. Цѣна 50 к.
№ 16. **Фр. Мерингъ.** Исторія германской соціалъ-демократіи; вып. I. Цѣна 35 коп.
№ 17. **Э. Виллей.** Какъ производятся въ Западной Европѣ выборы въ парламентъ. Цѣна 15 коп.
№ 18. **Карлъ Марксъ.** Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 гг. Цѣна 25 к.
№ 19. **В. Вейтлингъ.** Человѣчество, каково оно есть и какимъ оно должно быть. Цѣна 12 коп.
№ 20. **Л. Мовифъ.** Великое Учредительное Собраніе 1789 г. Цѣна 45 к.
№ 21. **А. Шеффле.** Квинтъ-эссенція соціализма. Цѣна 18 коп.
№ 22. **Лиссагарэ.** Исторія Коммуны; вып. I. Цѣна 60 коп.
№ 23. **Лиссагарэ.** Исторія Коммуны; вып. II. Цѣна 65 коп.
№ 24. **Г. Роландъ-Гольстъ.** Всеобщая стачка и соціалъ-демократія. Цѣна 45 коп.
№ 25. **В. Либкнехтъ.** Робертъ Блюмъ и революція 1848 г. въ Германіи, вып. I. Цѣна 40 коп.
№ 26. **В. Либкнехтъ.** Робертъ Блюмъ и революція 1848 г. въ Германіи, вып. II. Цѣна 40 коп.
№ 27. **В. Зомбартъ.** Политическая экономія промышленности. Цѣна 50 коп.
№ 28. **А. Менгеръ.** Новое ученіе о нравственности. Цѣна 20 коп.
№ 29. **Шарль Жидъ.** Соціально-экономическіе итоги XIX столѣтія. Цѣна 55 коп.
№ 30. **Г. Грейлихъ.** О матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Цѣна 7 коп.
№ 31. **В. Либкнехтъ.** Обоснованіе Эрфуртской программы. Цѣна 10 коп.
№ 32. **Фр. Мерингъ.** Исторія германской соціалъ-демократіи, вып. II. Цѣна 50 коп.
№ 33. **За**[redacted]іемъ *П. Гере*. Цѣна 55 коп.
№ 34. **Г**[redacted]иція. Цѣна 55 коп.
№ 35. **К**[redacted]ика? Цѣна 1 руб.

Вы[redacted]**ніе на 12 коп. дороже.**

Библіотека „Просвѣщенія“.

Исторія германской соціалъ-демократіи.

Со́ч. Фр. Меринга.

Переводъ съ нѣмецкаго Я. Г. А—она.

Выпускъ второй.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“,
7 рота, 20.

Типографія Товарищества „Просвѣщеніе“.
С.-Петербургъ, 7 рота, с. д. № 20.

Оглавленіе.

Глава девятая.

„Нѣмецко-французскіе Ежегодники“.

Вскорѣ послѣ выступленія изъ редакціи „Рейнской Газеты“, Марксъ писалъ Руге: „нарядный мундиръ либерализма сброшенъ, отвратительнѣйшій деспотизмъ обнаружилъ себя во всей своей наготѣ“. Руге же въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату раскрываетъ корни деспотизма въ такихъ выраженіяхъ: „во всей Германіи прессу угнетаетъ не пара чиновниковъ, ни даже король; она стѣснена по волѣ и во имя народа, писателей, ученыхъ, буржуа, солдатъ, крестьянъ“. Публицистической оппозиціи не оставалось другого выхода, какъ обосноваться за границей, и этой необходимостью объясняется возникновеніе „Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ“.

1. Основаніе и прекращеніе этого журнала.

Матеріальныя и литературныя приготовленія къ выпуску „Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ“ поглотили почти цѣлый годъ. Уже немедленно по закрытіи „Германскихъ Ежегодниковъ“ у Руге возникъ планъ возобновить ихъ совмѣстно съ Марксомъ за границей. Съ шестью тысячами талеровъ вступилъ онъ въ качествѣ пайщика въ „Литературную Контору“ Фребеля, хотя новый органъ не предполагалось, подобно „Анекдотамъ“, печатать въ Швейцаріи. Марксъ говорилъ, что Цюрихъ находится въ распоряженіи Берлина. Гервегъ уже въ февралѣ былъ принесенъ въ жертву страху передъ монархической реакціей и высланъ изъ Цюриха. Ему пришлось отказаться отъ проектированнаго имъ журнала; оставшійся у него матеріалъ, статьи для первыхъ номеровъ, онъ собралъ

въ „Двадцать одинъ листъ изъ Швейцаріи"; только такимъ образомъ онъ могъ воспользовкться свободой печати, распространявшейся лишь на книги свыше двадцати печатныхъ листовъ.

Марксъ и Руге направились въ Парижъ не только для того, чтобъ быть вполнѣ независимыми отъ германской цензуры. Практическая борьба заставила обоихъ перейти изъ области религіи въ область политики; въ полемикѣ Гервега и Руге съ школой Бауэра Марксъ въ „Рейнской газетѣ" сильно поддерживалъ первыхъ и безпощадно обрушился на „свободныхъ" за ихъ фривольность, берлинскіе литературные пріемы, политическій романтизмъ и геніальничаніе, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ. И вотъ, какъ разъ въ это время какая бы то ни было политическая борьба становится въ Германіи невозможной, между тѣмъ какъ во Франціи она достигаетъ полнаго разгара. Кромѣ того, нигдѣ бы Марксъ не могъ такъ основательно изучить французскій соціализмъ, какъ на родинѣ его. Что же касается Руге, то онъ носился съ идей нѣмецко-французскаго духовнаго союза. По его мнѣнію, быть противъ Франціи значило быть противъ политики, а быть противъ политики для него значило быть противъ свободы. Во Франціи, притомъ исключительно во Франціи, Руге видѣлъ олицетвореніе политическаго принципа, чистое воплощеніе принципа человѣческой свободы въ Европѣ. Вкладомъ Германіи въ этотъ новый союзъ должна была явиться проницательность гегелевской философіи, надежный компасъ для странствованій въ области метафизики и фантазіи; по мнѣнію Руге, французы, даже Ламенэ и Прудонъ, не говоря уже о сенъ-симонистахъ и фурьеристахъ, давно уже выпустили руль и носились въ этихъ областяхъ по волѣ волнъ и вѣтра. Руге думалъ привлечь въ качествѣ сотрудниковъ Ламартина, Ламенэ, Луи Блана, Леру и Прудона.

Осенью 1843 года онъ отправился на пару мѣсяцевъ въ Парижъ позондировать почву. Обстоятельства показались ему благопріятными, и къ концу года и онъ, и Марксъ окончательно переселились въ Парижъ. Но уже черезъ три мѣсяца послѣ этого Руге писалъ матери своей, что первые два выпуска „Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ", правда, уже вышли въ свѣтъ но что на этомъ изданіе и кончится.

Причину этой неудачи нельзя видѣть только въ томъ, что распространеніе этого органа въ Германіи было весьма затруднительно, и что финансы „Литературной Конторы" скоро истощились. Съ этими затрудненіями еще можно было бы какъ-нибудь справиться; то же можно сказать и о холодномъ безучастіи французскихъ писателей, которые не дали ни одной статьи для „Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ". Одни изъ нихъ обѣщали, но ничего не дали, другіе прямо отказали и не всегда достаточно деликатно. Ламенэ, напр., два часа развивалъ передъ издателями свою религіозную казуистику и въ заключеніе заявилъ, что не можетъ принять участія въ журналѣ, пока не увидитъ, какъ они работаютъ. Ламартинъ выступилъ съ печатнымъ опроверженіемъ газетнаго извѣстія, что онъ взялъ на себя сотрудничество въ журналѣ гг. Руге и Маркса вмѣстѣ съ еретикомъ (!) Ламенэ; на это Марксъ и Энгельсъ отвѣтили въ „Мирной Демократіи", что Ламартинъ имъ далъ основаніе надѣяться на свое сотрудничество въ журналѣ. Совсѣмъ некрасиво было отношеніе Луи Блана. Онъ, правда, видѣлъ прогрессъ для Германіи въ томъ, что ея молодежь начинаетъ интересоваться практической жизнью, но, говорилъ онъ, эта молодежь должна умѣрить свой пылъ: въ противномъ случаѣ это можетъ привести только къ атеизму въ философіи и къ анархизму въ политикѣ. Онъ порицалъ германскую молодежь и за то еще, что она открыто заявила себя послѣдовательницей французскаго матеріализма, Дидро, Гольбаха и энциклопедистовъ; вѣдь это значило уйти

назадъ на цѣлое столѣтіе, и потому онъ величественно заклиналъ ее: „Не забывайте, что Руссо — представитель демократіи, основанной на единеніи и братской любви! Не забывайте, что одно и то же перо написало и „Общественный договоръ“, и „Исповѣдь савойскаго священника!“ Этотъ трусливый мѣщанинъ не могъ отдѣлаться отъ жалкой привычки придавать религіозный характеръ всѣмъ боямъ практической жизни и затруднять самому себѣ глубокое пониманіе ихъ. Но воздвигнутое Руге и Марксомъ зданіе не должно было рушиться отъ этого перваго удара; издатели „Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ“ съ легкимъ сердцемъ могли принять отказъ сотрудничества отъ французскихъ писателей; располагая штабомъ такихъ нѣмецкихъ сотрудниковъ, какъ Гейне, Гервегъ, Іоганнъ Якоби, Фридрихъ Энгельсъ и другіе, они смѣло могли выступить сами.

Если что-нибудь безнадежно расшатало это предпріятіе, то это былъ разрывъ между самими издателями. Въ нашемъ распоряженіи имѣется только разсказъ Руге о внѣшнемъ поводѣ къ этому разрыву; онъ весь дышитъ смертельною ненавистью къ Марксу, и принять его на вѣру тоже не представляется возможнымъ. По этому разсказу выходитъ, что Марксъ разссорился съ Руге изъ-за „негодяя“ Гервега; Гервегъ, повидимому, въ увлеченіи парижской жизнью сдѣлалъ какую-то глупость, и это дало Руге поводъ сказать, что изъ Гервега ничего не выйдетъ. Можетъ быть, что въ нѣкоторой степени все это правда. Марксъ относился къ истиннымъ поэтамъ съ чутьемъ родственной натуры; будь онъ, а не Руге вмѣстѣ съ Гервегомъ въ Берлинѣ, то онъ бы не отнесся къ аудіенціи поэта у короля съ такимъ скрытымъ довольствомъ, какъ Руге, онъ приложилъ бы всѣ усилія къ тому, чтобъ эта аудіенція не состоялась; теперь же, когда Гервегъ такъ жестоко страдалъ отъ послѣдсвтій этой юношеской ошибки, Марксъ, можетъ быть, спра-

ведливѣе, а, слѣдовательно, мягче судилъ о его предполагаемой или дѣйствительной винѣ. Можетъ быть, Маркса вывела, наконецъ, изъ терпѣнія неискоренимая филистерская мораль Руге. Вѣдь даже такому поэту, какъ Гейне, Руге не переставалъ читать мораль, хотя онъ теперь уже цѣнилъ его выше, чѣмъ во время пребыванія въ Галле; много лѣтъ прошло, а Руге не переставалъ хвастать тѣмъ, что онъ съ Марксомъ вдохновили Гейне къ его безсмертнымъ сатирамъ, какъ, напр., къ его Зимней сказкѣ. Впрочемъ, совсѣмъ не такъ важно, что привело Маркса и Руге къ личному разрыву; историческое значеніе имѣетъ только ихъ политическій разрывъ, причины же его гораздо болѣе глубокія, чѣмъ случайный споръ о Гейне или Гервегѣ.

Только близорукость романтической реакціи могла привести къ тому, что такой человѣкъ, какъ Руге, перешелъ въ ряды крайней оппозиціи. Оставили бы ему прежнюю свободу заниматься философіей, съ которой мирился и старый ограниченный король, и онъ удовлетворился бы вполнѣ героической ролью галльскаго городского гласнаго. О томъ, какъ хорошо онъ чувствовалъ себя въ этомъ пошехоньѣ, можно судить по тому, съ какимъ удовольствіемъ онъ черезъ цѣлыя двадцать лѣтъ вспоминаетъ о немъ въ своихъ мемуарахъ. Принять ли во вниманіе интересы извозчиковъ и носильщиковъ и построить вокзалъ на лѣвомъ берегу Эльбы, или же, въ интересахъ проѣзжающихъ, построить его на правомъ; въ правѣ ли берлинскіе евреи пріѣзжать на дрезденскую ярмарку съ фальшивыми брилліантами; можно ли запретить грубіяну-англичанину класть въ читальнѣ ноги на столъ, — вотъ вопросы, среди которыхъ Руге себя чувствовалъ очень хорошо. Какъ безгранично далеко отъ этихъ вопросовъ до тѣхъ матеріальныхъ конфликтовъ, которые сбили Маркса, какъ сотрудника „Рейнской газеты“ съ точки зрѣнія молодого гегельянца! То были: борьба между буржуазнымъ и феодальнымъ обществомъ, ан-

тагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ и, наконецъ, споръ свободной торговли съ протекціонизмомъ, возбужденный южно-германскими фабрикантами во главѣ съ Листомъ изъ-за низкаго тарифа таможеннаго союза. Когда Марксъ и Руге окунулись во французскую жизнь, Марксъ поплылъ по волнамъ, какъ крѣпкій корабль, вышедшій, наконецъ, въ открытое море, орѣховая же скорлупка Руге боязливо пятилась назадъ къ прибрежнымъ отмелямъ. Чтобъ познакомиться съ жизнью и дѣятельностью коммунистическихъ рабочихъ кружковъ, Марксъ охотно поддерживалъ знакомство съ Эвербекомъ изъ Данцига, руководившимъ тогда парижскими общинами Союза Справедливыхъ; когда же Эвербекъ попросилъ Руге пожертвовать пару франковъ на напечатаніе сочиненій Вейтлинга, простодушно прибавивъ при этомъ, что Руге на то ихъ и имѣетъ, то дрезденскій городской гласный произнесъ передъ нимъ „гнѣвную рѣчь“; впослѣдствіи онъ даже нашелъ, что она заслуживаетъ быть переданной потомству въ самомъ точномъ видѣ: онъ запрещаетъ кому бы то ни было интересоваться его частными дѣлами; не для того онъ бѣжалъ отъ надзора нѣмецкой полиціи и цензуры, чтобъ позволить какому-нибудь Эвербеку контролировать себя и т. д. и т. д. въ томъ же стилѣ. При первой его встрѣчѣ съ соціализмомъ, подъ философской оболочкой обнаружился буржуа; Руге сталъ менѣе подозрителенъ по отношенію „къ прусскимъ живодерамъ“, чѣмъ къ „ужаснымъ жидовинамъ“—коммунистамъ.

Въ ретроспективномъ свѣтѣ пятидесятилѣтняго періода нашей исторіи отличіе между Руге и Марксомъ, между топчущимся на одномъ мѣстѣ мѣщаниномъ и революціонеромъ мысли, выступаетъ уже вполнѣ ясно въ перепискѣ между ними, Бакунинымъ и Фейербахомъ, которой начинаются „Нѣмецко-французскіе Ежегодники“. Впослѣдствіи Руге выдавалъ себя за автора этихъ писемъ, но противъ этого имѣется много пси-

хологическихъ и стилистическихъ основаній;—не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что поскольку дѣло касается содержанія этихъ писемъ, то оно безспорно принадлежитъ тѣмъ лицамъ, чьими иниціалами они помѣчены. Переписка начинается короткимъ, но выразительнымъ по настроенію, вступленіемъ Маркса: романтическая реакція ведетъ къ революціи, государство представляетъ собой нѣчто весьма серьезное, и въ шутовскую потѣху превращать его нельзя безнаказанно; корабль, полный дураковъ, можетъ довольно долго плыть по вѣтру, но онъ плыветъ навстрѣчу гибели своей именно потому, что дураки этому не вѣрятъ. Руге отвѣчаетъ на это длинной іереміадой на тему о безконечномъ овечьемъ терпѣніи нѣмецкихъ филистеровъ, которое ему очень хотѣлось бы искоренить. Однако онъ сознаетъ, что и самъ принадлежитъ къ филистерамъ и готовъ раздѣлить съ ними ихъ общій позоръ. „Вы можете мнѣ сказать все, что угодно; я готовъ выслушать. У нашего народа нѣтъ будущаго. Что за польза отъ того, что мы его зовемъ?“

На это Марксъ отвѣчалъ: Ваше письмо представляетъ собою красивую элегію, но оно лишено политическаго содержанія. Филистеру, дѣйствительно, принадлежитъ весь міръ, но именно поэтому мы должны съ величайшею точностью изучить этого господина. Останавливаясь на первоначальной дѣятельности Фридриха Вильгельма IV, Марксъ видитъ въ ней попытку усовершенствовать филистерское государство, не касаясь основы его. Эта попытка потерпѣла неудачу и должна была потерпѣть ее. Матеріаломъ монархіи является филистеръ, а монархъ всегда только король филистеровъ; не измѣняя своей сущности, ни онъ самъ, ни филистеры не могутъ стать свободными людьми. Король хотѣлъ править не именемъ мертваго закона, но повинуясь велѣніямъ живого сердца, онъ хотѣлъ воодушевить всѣхъ, но чужія сердца не бились въ тактъ съ его сердцемъ, и какъ только подданные рас-

крывали уста, то они не могли говорить о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ какъ объ упраздненіи старой власти; первыми начали говорить идеалисты, обнаружившіе безстыдное желаніе сдѣлать человѣка человѣкомъ; они думали, что пока король наслаждается древне-германскими фантазіями, имъ можно будетъ пофилософствовать на ново-германскій ладъ. Когда обнаружился такой разладъ, то тѣ слуги, которые раньше такъ легко управляли ходомъ событій, и властитель всея Россіи безъ труда убѣдили вспыльчиваго короля, что нельзя управлять людьми, надѣленными даромъ рѣчи. Послѣдовалъ возвратъ къ омертвѣлому государству слугъ и рабовъ; воцарилось всеобщее молчаніе. Всѣмъ стало очевидно и ясно, въ какой мѣрѣ для деспотизма необходима дикость, и какъ невозможна для него гуманность.

Въ виду этого, говоритъ Марксъ, врядъ ли Руге сумѣетъ его упрекнуть въ томъ, что онъ слишкомъ высокаго мнѣнія о современности; если же онъ не отчаялся въ ней, то только потому, что онъ сумѣлъ почерпнуть надежду въ отчаянности современнаго положенія. Онъ не станетъ говорить о неспособности господъ и равнодушіи слугъ и подданныхъ, оставляющихъ все на произволъ судьбы, хотя и этихъ двухъ факторовъ достаточно, чтобъ привести къ катастрофѣ. Онъ ограничится тѣмъ, что обратитъ вниманіе на другую сторону дѣла: дѣло въ томъ, что объединились всѣ враги филистерства, всѣ мыслящіе и страждущіе люди, и что даже пассивное размноженіе старыхъ подданныхъ каждый день поставляетъ рекрутовъ на службу новому человѣчеству. „Но еще скорѣе, чѣмъ размноженіе населенія, къ крушенію современнаго общества ведетъ вся система промышленности и торговли, вся система владѣнія людьми и эксплоатированія ихъ; предотвратить это крушеніе старый порядокъ не можетъ, онъ вообще неспособенъ къ творчеству и созиданію, онъ только живетъ и наслаждается". Задача

современнаго поколѣнія заключается въ томъ, чтобы выставить въ истинномъ свѣтѣ старый міръ и создать положительныя условія для возникновенія новаго.

Затѣмъ идутъ письма Бакунина и Фейербаха, въ которыхъ тоже оспаривается пессимизмъ Руге. Бакунинъ высокомѣрно-снисходительно относится къ германскимъ дѣламъ и пишетъ: „я, скиѳъ, порву оковы ваши, германцы, чтобъ вы могли стать греками". Фейербаха прекращеніе „Германскихъ Ежегодниковъ" наводитъ на мысль о гибели Польши: „въ этомъ громадномъ болотѣ прогнившей народной жизни тщетны были усилія отдѣльныхъ людей... Намъ нужны были новые люди, но на этотъ разъ они не пришли изъ болотъ и лѣсовъ, какъ во время великаго переселенія народовъ; изъ чреслъ нашихъ мы должны ихъ создать". Онъ рекомендуетъ основать новый органъ и произвести основательную чистку въ головахъ. Руге признаетъ, что онъ убѣжденъ доводами „новаго Анахарзиса и новаго философа", а Марксъ въ могучемъ заключительномъ аккордѣ подводитъ итогъ всему сказанному.

Ясно, говоритъ Марксъ, что надо создать что-нибудь, вокругъ чего могли бы объединиться дѣйствительно мыслящія и независимыя головы. Но если всѣ согласны между собой въ отношеніи къ настоящему, то зато въ вопросѣ о томъ, къ чему стремиться въ будущемъ, царитъ страшная путаница. „Это вовсе не значитъ, что среди сторонниковъ реформы началась всеобщая анархія; но только всякій вынужденъ сознаться, что у него нѣтъ яснаго представленія о томъ, что будетъ и что должно случиться. Но въ этомъ я вижу какъ разъ преимущество новаго направленія: оно не хочетъ смотрѣть на міръ съ точки зрѣнія какихъ-нибудь предвзятыхъ догматовъ, а стремится познать новый міръ, подвергая критикѣ старый. До сихъ поръ философы хранили отвѣты на всѣ загадки въ своихъ письменныхъ столахъ; глупому міру надо было раскрыть только ротъ, и жареныя утки абсолютной

науки уже сами летѣли въ него. Теперь же философія стала больше отъ міра сего, и лучшимъ доказательствомъ этого является то, что философское сознаніе не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ образомъ втянулось въ невзгоды борьбы. Если мы не можемъ создать картины будущаго, если мы не можемъ создать ничего вѣчнаго, то зато не можетъ быть споровъ о томъ, что намъ надо выполнить теперь; задача наша заключается въ свободной критикѣ всего существующаго; я говорю свободной потому, что она такъ же мало должна пугаться тѣхъ выводовъ, къ которымъ она придетъ, какъ и конфликта съ представителями существующей власти". Марксъ не пытается водрузить знамя какихъ-нибудь догматовъ; а тотъ коммунизмъ, которому учатъ Кабе, Дезами, Вейтлингъ, для него не болѣе, чѣмъ догматическая абстракція. Главнымъ интересомъ современной ему Германіи онъ считаетъ, во-первыхъ, религію, а затѣмъ политику; не противопоставлять имъ какія-нибудь системы въ родѣ „Путешествія въ Икарію" нужно, а необходимо взять ихъ за исходную точку и притомъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ.

Марксъ отвергаетъ мнѣніе „закоренѣлыхъ соціалистовъ", что политическіе вопросы не имѣютъ никакого значенія. Онъ говоритъ, что внутренній конфликтъ политическаго государства, противорѣчіе между его идеальнымъ назначеніемъ и реальными предпосылками всегда даетъ возможность распространять соціальную истину. Въ качествѣ примѣра онъ приводитъ при этомъ разсмотрѣнный имъ въ „Рейнской Газетѣ" вопросъ объ отличіяхъ между сословной и представительной системой; это было только политическое выраженіе вопроса объ отличіи между господствомъ лица и господствомъ частной собственности. „Ничто поэтому намъ не мѣшаетъ начать нашу критику съ критики политики, съ участія въ политикѣ, словомъ, съ участія въ настоящей борьбѣ. Это даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность не занять передъ лицомъ Германіи поло-

женія какихъ-то доктринеровъ, носящихся со своими принципами и біющими себя въ грудь: вотъ гдѣ истина и преклонитесь! Мы разовьемъ передъ міромъ изъ принциповъ міра новые принципы. Мы не скажемъ ему: прекрати борьбу, все это глупости; мы тебѣ дадимъ вѣрный пароль для битвы. Мы только покажемъ ему, во имя чего онъ собственно борется, а сознаніе это нѣчто такое, отъ чего онъ не можетъ отказаться, даже если бы онъ пожелалъ". Марксъ заканчиваетъ переписку такой программой: осмыслить современности ея борьбу и стремленія.

Статьи, напечатанныя Марксомъ и Энгельсомъ въ „Нѣмецко-французскихъ Ежегодникахъ", стоятъ вполнѣ на высотѣ этой программы. То, что дали остальные сотрудники, пѣсни Гейне и Гервега, оффиціальный отчетъ по дѣлу Іоганна Якоби о государственной измѣнѣ, статьи Бернэя и письма Гесса,—все это имѣетъ большую или меньшую историческую или эстетическую цѣнность, но лишено значенія для исторіи соціализма.

2. Статьи Маркса.

Марксъ и Энгельсъ написали каждый по двѣ статьи для „Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ". Статьи Маркса: „Къ критикѣ гегелевской философіи права" и „Къ еврейскому вопросу" находятся въ нѣкоторой внутренней связи другъ съ другомъ; то же самое надо сказать и о работахъ Энгельса: „Критическіе опыты по національной экономіи" и „Положеніе Англіи" Но, кромѣ того, черезъ всѣ четыре статьи красною нитью проходитъ и нѣчто общее: это Фейербахъ, который является для нихъ исходнымъ пунктомъ и котораго они неувѣренными шагами стремятся опередить.

Въ письмѣ изъ Крейцнаха отъ 30 октября 1843 г. Марксъ просилъ Фейербаха дать для перваго номера Ежегодниковъ критику Шеллинга. Фейербаха онъ называлъ „Шеллингомъ на изнанку"; онъ говоритъ, что въ то время, какъ честная юношеская мысль Шеллинга

создала только фантастическія юношескія мечты, эта же юношеская мысль у Фейербаха выросла въ истину, въ дѣйствительность, въ мужественную рѣшимость. „Вотъ почему я считаю Васъ необходимымъ, естественнымъ противникомъ Шеллинга, призваннымъ къ этому всѣмъ, что есть высшаго для васъ, природой и исторіей“. Эта пара смѣлыхъ, любезныхъ и во время присланныхъ строкъ такъ подѣйствовала на Фейербаха, что онъ тотчасъ взялся за лекціи Шеллинга, чтобъ выполнить тотъ долгъ, обязательность котораго была ему показана Марксомъ. Въ концѣ концовъ онъ отказался отъ этого, такъ какъ вкратцѣ онъ уже разъ высказалъ самое важное по этому предмету, пережевывать же сказанное ad captum vulgi, популяризировать его, онъ не хотѣлъ. Марксъ всегда съ большимъ уваженіемъ говорилъ о Фейербахѣ, точно также Фейербахъ — о Марксѣ, но при первой же ихъ встрѣчѣ ясно выступило то, что отдѣляло ихъ другъ отъ друга — половина человѣческаго поколѣнія въ исторіи промышленнаго и политическаго развитія: сорокалѣтній мужъ шелъ черезъ чувственный міръ въ важной философской тогѣ, двадцатипятилѣтній юноша хотѣлъ покорить его острымъ мечемъ.

Въ своей „Критикѣ гегелевской философіи права“ Марксъ исходитъ изъ основныхъ положеній той критики, которая была впервые начата Фейербахомъ, и которая не признавала религіи: человѣкъ создаетъ религію, религія не дѣлаетъ человѣка. Марксъ идетъ дальше: „Человѣкъ не есть какое-нибудь абстрактное, внѣ міра данное существо. Человѣкъ это — міръ человѣка, государство, общество. Съ тѣхъ поръ, какъ истина потеряла свой религіозный характеръ, задача исторіи и подчиненной ей философіи заключается въ томъ, чтобъ установить земную истину. Критику неба должно замѣнить теперь критикой земли, критику религіи — критикой права, критику теологіи — критикой политики.

При разрѣшеніи этой задачи Марксъ приступаетъ не къ тому, что было для него оригиналомъ, а къ копіи, и объясняетъ это тѣмъ, что его критика такимъ только образомъ и можетъ затронуть Германію. Исходить непосредственно изъ состоянія Германіи было бы анахронизмомъ, говоритъ онъ. „Когда я высказываю отрицательное отношеніе къ порядкамъ Германіи 1843 года, то по французскому лѣтосчисленію я еще не дошелъ до идей 1789 года и страшно далекъ отъ животрепещущихъ вопросовъ современности“. Затѣмъ онъ даетъ яркую характеристику германской дѣйствительности: „всѣ соціальныя сферы тяжелымъ гнетомъ давятъ другъ друга; все подавлено и бездѣятельно; самоувѣренная и обманывающаяся въ себѣ ограниченность покрывается громкимъ именемъ правительственной системы; фактически же, живя однимъ только сохраненіемъ всякаго ничтожества, эта правительственная система только можетъ вызвать одно жалкое презрѣніе“. Если критика ставитъ своею цѣлью разумѣніе современной соціальной дѣйствительности, если она желаетъ подняться до вопросовъ человѣческихъ въ истинномъ смыслѣ слова, то она не должна заниматься германской дѣйствительностью; послѣдняя не достигла еще той высоты, чтобъ стать пригоднымъ для этого матеріаломъ.

Марксъ поясняетъ это на примѣрѣ. „Одной изъ главныхъ проблемъ современности является отношеніе промышленности, вообще міра богатствъ, къ міру политики. Въ какой формѣ этотъ вопросъ начинаетъ занимать Германію? Въ формѣ покровительственныхъ пошлинъ, запретительной системы, національной экономіи. Здѣсь люди онѣмечили даже матерію, и въ одинъ прекрасный день хлопчатобумажные рыцари и желѣзные герои превратились вдругъ въ патріотовъ“. Уже тогда Марксъ порвалъ тотъ патріотическій покровъ, которымъ прославленный національный герой Листъ пытался прикрыть свою капиталистически-меркан-

тилистскую агитацію. Во Франціи и въ Англіи проблема формулируется такъ: политическая экономія или господство общества надъ богатствомъ; въ Германіи же та же проблема принимаетъ такую форму: національная экономія или господство частной собственности надъ національностью. Тамъ хотятъ распутать узелъ, здѣсь же хотятъ завязать его; этотъ примѣръ достаточно ясно показываетъ, какую форму принимаютъ въ Германіи вопросы современности; ясно видно, что германская исторія до сихъ поръ, подобно необученному рекруту, только и дѣлала, что повторяла избитые пріемы.

Германская философія представляетъ собой идейное продолженіе германской исторіи; нѣмцы переживаютъ современность только въ философскомъ, но не въ историческомъ смыслѣ. Одна только философія права и государства не отстала въ Германіи отъ настоящей современной дѣйствительности. Ея критика касается именно тѣхъ вопросовъ, которые надо разрѣшить на практикѣ. Практическая политическая партія, напр., либеральная буржуазія права́, когда она зоветъ прочь отъ философіи, она не права́ только потому, что она сама не выполняетъ и не можетъ выполнить этого требованія. Для отрицанія философіи недостаточно повернуться къ ней спиной и, глядя въ сторону, произнести по ея адресу нѣсколько банальныхъ и сердитыхъ фразъ. Эта партія хочетъ опереться на зачатки настоящей жизни, но забываетъ при этомъ, что зародышъ настоящей жизни германскаго народа могъ до сихъ поръ сохраняться только въ мозгу его. Бороться съ этой философіей можно только путемъ проведенія ея въ жизнь. Ошибку противоположнаго характера дѣлаетъ другая теоретизирующая и исходящая изъ философіи политическая партія, именно берлинскіе Свободные. Они не подвергаютъ критикѣ своей философіи, а исходятъ изъ ея предпосылокъ и останавливаются передъ ея результатами или же берутъ откуда-нибудь требованія и результаты и выдаютъ ихъ за требованія

и результаты своей философіи. Основной ошибкой этой партіи является вѣра, что они могутъ осуществить свою философію, не разрушивъ ея. Вопросъ же заключается въ томъ, можетъ ли Германія создать такую дѣйствительность, которая соотвѣтствовала бы высотѣ философскихъ принциповъ ея; другими словами, можетъ ли произойти въ Германіи такая революція, которая бы не только подняла ее на одинъ уровень съ современными народами, но и на ту высоту, на которую станутъ эти народы въ ближайшемъ будущемъ?

Марксъ на это отвѣчаетъ: „Конечно, оружіе критики не можетъ замѣнить критику оружія. Матеріальная сила можетъ быть сломлена только матеріальной силой, но и теорія, когда она захватываетъ широкія массы, становится матеріальной силой. Теорія получаетъ способность захватить широкія массы, когда центральнымъ пунктомъ ея становится человѣкъ, а центральнымъ пунктомъ ея становится человѣкъ съ того момента, какъ она становится радикальной. Быть радикальнымъ, значитъ смотрѣть въ корень вещей. Корнемъ же всего для человѣка является самъ человѣкъ". На пути радикальной германской революціи стоитъ серьезное препятствіе. Всякая революція необходимо требуетъ пассивнаго элемента, матеріальной основы. Народъ можетъ осуществить теорію лишь постольку, поскольку она является осуществленіемъ его потребностей. И вотъ спрашивается, какъ Германіи сразу сбросить не только свои оковы, но и оковы, общія у нея съ современнымъ человѣчествомъ, которыя она въ дѣйствительности должна будетъ почувствовать, какъ освобожденіе отъ своихъ оковъ, и которыхъ она еще должна добиваться? Вопросъ этотъ разрѣшается тѣмъ, что германскія правительства сумѣли сочетать всѣ недостатки современнаго цивилизованнаго государства со всѣми варварскими сторонами стараго; надѣливъ свои народы всѣми бѣдствіями и стараго и новаго порядка и не давъ имъ ни одной изъ хорошихъ

сторонъ новаго, они достигли того, что Германія испытала всѣ бѣдствія современнаго развитія и ни одного изъ его благодѣяній; въ одинъ прекрасный день Германія станетъ на уровнѣ европейскаго разложенія, хотя она никогда не находилась на уровнѣ европейской эмансипаціи. „Утопичной мечтой для Германіи является не радикальная революція, не всеобщее человѣческое освобожденіе, а революція частичная, исключительно политическая, революція, не касающаяся основы зданія".

Революція такого рода основана на томъ, что часть буржуазнаго общества эмансипируется и захватываетъ господствующее положеніе, что опредѣленный классъ становится на особую позицію и беретъ на себя всеобщее освобожденіе общества. Этотъ классъ освобождаетъ все общество, но предполагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что все общество занимаетъ такое же положеніе, какъ этотъ классъ, напр., располагаетъ деньгами и образованіемъ или можетъ ихъ пріобрѣсти. „Для того, чтобы какой-нибудь классъ буржуазнаго общества могъ сыграть такую роль, необходимо, чтобъ онъ самъ воодушевился и вызвалъ воодушевленіе массъ; на одинъ моментъ, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ побрататься и слиться со всѣмъ обществомъ, смѣшаться съ нимъ, казаться признаннымъ представителемъ его; одинъ моментъ, по крайней мѣрѣ, его притязанія и права должны быть дѣйствительными притязаніями и правами общества; на одинъ моментъ этотъ классъ долженъ стать въ дѣйствительности соціальнымъ умомъ и соціальнымъ сердцемъ этого общества". Съ другой стороны, для того, чтобы народная революція совпала съ эмансипаціей одного какого-нибудь класса, необходимо, чтобы всѣ общественные недостатки сконцентрировались въ другомъ классѣ, чтобы одно опредѣлнное сословіе служило мишенью для нападенія всѣхъ другихъ, чтобы опредѣленная соціальная сфера признана была съ несомнѣнностью общественно - преступной,

чтобы освобожденіе отъ нея казалось всеобщимъ освобожденіемъ. Всесторонне-положительное значеніе французской буржуазіи было обусловлено всесторонне-отрицательнымъ значеніемъ дворянства и духовенства.

Въ Германіи нѣтъ такого отдѣльнаго класса, продолжаетъ Марксъ, который можно было бы отмѣтить отрицательнымъ представителемъ общества; всѣмъ имъ недостаетъ, съ одной стороны, необходимой для этого послѣдовательности, опредѣленности, мужества и рѣшимости, а, съ другой стороны, широкаго размаха, необходимаго для того, чтобъ хоть на минуту слиться съ душой народной геніальности, необходимой для того, чтобъ превратить матеріальную силу въ политическій факторъ революціонной смѣлости, бросающей противнику дерзкій вызовъ: я ничто, но долженъ бы стать всѣмъ. Различныя сферы германскаго общества относятся другъ къ другу съ эпическимъ спокойствіемъ, не проявляютъ ничего драматическаго; каждая изъ нихъ со своими спеціальными притязаніями спокойно живетъ себѣ рядомъ съ другой; даже моральное самочувствіе германскаго средняго сословія заключается въ томъ, что оно сознаетъ себя всеобщимъ представителемъ филистерской умѣренности всѣхъ другихъ сословій. Начиная борьбу съ выше стоящимъ классомъ, всякій классъ уже тѣмъ самымъ втягивается въ борьбу съ ниже стоящимъ классомъ. Стараясь оставаться на своей точкѣ зрѣнія, среднее сословіе не осмѣливается даже подумать объ эмансипаціи, но развитіе соціальныхъ отношеній, прогрессъ политическихъ теорій приводитъ самъ собой къ тому, что эту точку зрѣнія приходится признать устарѣлой или, по крайней мѣрѣ, проблематичной.

Гдѣ же въ такомъ случаѣ положительная возможность германской эмансипаціи? „Отвѣтъ: въ образованіи класса, радикальнаго поневолѣ, такого класса буржуазнаго общества, который не принадлежитъ къ буржуазному обществу, въ образованіи сословія, предста-

вляющаго собой отрицаніе всякаго сословія, въ образованіи такой сферы, которая получаетъ универсальный характеръ въ соотвѣтствіи со своими универсальными страданіями; въ этой сферѣ не заявляютъ притязаній на какое-нибудь спеціальное право, потому что она испытываетъ не какую-нибудь опредѣленную несправедливость, а несправедливость вообще; въ этой сферѣ опираются не на историческое право, но только на человѣческое, потому что эта сфера находится не въ частномъ антагонизмѣ съ какимъ-нибудь однимъ изъ послѣдствій германскаго государства, но въ самомъ общемъ антагонизмѣ съ его основами; эта сфера, наконецъ, не можетъ эмансипироваться, не эмансипировавшись отъ всѣхъ остальныхъ общественныхъ сферъ и не эмансипировавъ тѣмъ самымъ ихъ самихъ; короче говоря, эта сфера лишена всего, чего требуетъ человѣческое достоинство, и можетъ стать человѣческой только добившись всего этого. Такимъ представителемъ современнаго общества является пролетаріатъ".

Пролетаріатъ начинаетъ въ Германіи расти только одновременно съ началомъ оживленія промышленности; ряды его пополняетъ не естественно возникшая, но искусственно вызванная бѣдность, не та бѣдность, которая является послѣдствіемъ общественнаго неустройства, но та, которая является послѣдствіемъ остраго общественнаго разложенія; пролетаріатъ образуется преимущественно той массой, которая становится жертвой разложенія средняго сословія; понятно, конечно, что ряды пролетаріата пополняются и естественно возникшей бѣднотой и христіанско-германскими крѣпостными. Если пролетаріатъ возвѣщаетъ крушеніе современнаго порядка, то этимъ онъ только выдаетъ тайну своего существованія, такъ какъ онъ то и есть продуктъ фактическаго разложенія этого порядка. Когда пролетаріатъ требуетъ уничтоженія частной собственности, то онъ только возводитъ въ

общественный принципъ то, что общество уже возвело въ принципъ по отношенію къ нему, то, что и помимо его олицетворено въ немъ, какъ отрицательное общественное явленіе. Если, съ одной стороны, философія находитъ для себя въ пролетаріатѣ матеріальное орудіе, то, съ другой стороны, пролетаріатъ находитъ себѣ въ философіи орудіе духовное; въ тотъ моментъ, когда молнія мысли ударитъ въ эту наивную народную почву, наступитъ часъ человѣческой эмансипаціи въ Германіи. „Головой этой эмансипаціи является философія, а сердцемъ пролетаріатъ. Философія не можетъ получить осуществленія, пока существуетъ пролетаріатъ; пролетаріатъ не можетъ исчезнуть, не осуществивъ философіи. Когда созданы будутъ всѣ внутреннія условія германскаго возрожденія, оно будетъ возвѣщено пѣніемъ галльскаго пѣтуха“.

Одновременно съ доказательствомъ того, что въ Германіи возможна не политическая, а человѣческая эмансипація, Марксъ изслѣдуетъ отличіе между политической и человѣческой эмансипаціей въ статьѣ о „Еврейскомъ вопросѣ“, представляющей собой критику работъ Бруно Бауэра по тому же вопросу. Еврейскій вопросъ былъ тѣмъ концомъ, за который германскій идеализмъ поймалъ экономическое развитіе. Христіанско-германское государство одновременно оскорбляло, притѣсняло, преслѣдовало и терпѣло, благопріятствовало, ласкало евреевъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ старый Фритцъ лишилъ евреевъ всякихъ правъ, но въ то же время позаботился о широкой охранѣ ихъ, „главнымъ образомъ на пользу торговлѣ, сношеніямъ, мануфактурамъ и фабрикамъ“. „Король-философъ“ предоставилъ „свободу христіанскаго банкира“ тѣмъ богатымъ евреямъ, которые помогали ему поддѣлывать монеты и производить другія финансовыя операціи сомнительнаго характера; философа же Мендельсона онъ только терпѣлъ въ своемъ государствѣ, но не за то, что онъ былъ философомъ, а потому, что онъ былъ

бухгалтеромъ у богатаго еврея. Въ сороковыхъ годахъ восемнадцатаго вѣка. Фридрихъ Вильгельмъ IV преслѣдовалъ евреевъ всѣми возможными мѣрами, но несмотря на то, экономическое развитіе благопріятствовало росту еврейскаго капитала. Онъ началъ подчинять себѣ правящіе классы и сталъ помахивать кнутомъ надъ пролетаріатомъ, въ формѣ промышленнаго капитала и въ гораздо большей мѣрѣ надъ мелкими крестьянами и мелкими буржуа, въ формѣ ростовщическаго капитала.

Бруно Бауеръ возсталъ противъ этого страннаго противорѣчія, противъ этого „лживаго положенія". Онъ увидѣлъ въ этомъ начало капиталистическаго развитія, средневѣковый зародышъ его, наростъ на христіанско-германскомъ государствѣ. Поэтому онъ и не сумѣлъ пойти дальше религіознаго противопоставленія христіанства іудейству. Какъ строга ни была его критика религіи, онъ все же смотрѣлъ на все сквозь теологическіе очки. Онъ боролся противъ христіанско-германскаго государства, которое по самой сущности своей не могло эмансипировать евреевъ, онъ боролся и противъ евреевъ, религіозная сущность которыхъ являлась препятствіемъ ихъ эмансипаціи. Религіозная точка зрѣнія рѣшаетъ у него все. Христіане и евреи должны, по его мнѣнію, перестать быть христіанами и евреями, если они хотятъ получить свободу. Но такъ какъ іудейство, какъ религія, стоитъ ниже христіанской религіи, то еврею надо пройти болѣе трудный и длинный путь къ свободѣ, чѣмъ христіанину. По Бруно Бауеру, чтобъ эмансипироваться, евреи, такъ сказать, должны еще пройти школу христіанства и гегелевской философіи. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса, эмансипація евреевъ, сводится у него къ какой-то идеалистической игрѣ.

Марксъ же въ данномъ случаѣ старается использовать практическіе результаты, полученные имъ путемъ изученія французской революціи. Далеко недо-

статочно, говоритъ онъ, изслѣдовать, кто долженъ эмансипировать, кто долженъ получить эмансипацію? Для критики остается еще одинъ вопросъ, какого рода эмансипація имѣется здѣсь въ виду? Надо изслѣдовать отличіе политической и человѣческой эмансипаціи. Бауеръ задаетъ евреямъ вопросъ, въ правѣ ли они, со своей собственной точки зрѣнія, стремиться къ политической эмансипаціи; между тѣмъ, вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: можно ли, съ точки зрѣнія политической эмансипаціи требовать отъ еврея уничтоженія іудейства, отъ человѣка вообще уничтоженія религіи?

Марксъ даетъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ и показываетъ, что христіанско-германское государство, государство привилегій, представляетъ собой несовершенное, теологическое государство, и что оно еще не достигло полнаго политическаго развитія. Современное, политически законченное государство не знаетъ никакихъ религіозныхъ привилегіей, а такимъ государствомъ можетъ быть и вполнѣ христіанское государство; такое государство не только можетъ эмансипировать евреевъ, но въ дѣйствительности эмансипировало ихъ, должно было ихъ эмансипировать въ силу своей сущности. Тамъ, гдѣ политическое государство достигло высшаго своего развитія, гдѣ основной государственный законъ самымъ точнымъ образомъ устанавливаетъ независимость политическихъ правъ даннаго лица отъ его религіозныхъ вѣрованій, напр., въ нѣкоторыхъ изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, человѣка, не имѣющаго религіи, все-таки считаютъ человѣкомъ неприличнымъ. Существованіе религіи, слѣдовательно, не противорѣчитъ политической законченности государства. Политическая эмансипація еврея, христіанина, вообще представителя какой-нибудь религіи представляетъ собой эмансипацію государства отъ еврейства, христіанства, вообще отъ религіи. Государство можетъ освободить себя отъ нѣкоторыхъ путъ, не освобождая

отъ нихъ своихъ гражданъ, и на этомъ-то фактѣ мы можемъ увидѣть, каковы предѣлы политической эмансипаціи.

Государство, какъ государство, можетъ, напр. лишить всякаго значенія частную собственность. Человѣкъ объявляетъ частную собственность не существующей въ политическомъ смыслѣ, разъ онъ уничтожаетъ цензъ для активнаго и пассивнаго избирательнаго права, какъ, напр., во многихъ изъ Сѣверо-Американскихъ свободныхъ штатовъ. Когда государство объявляетъ, что всѣ профессіональныя и сословныя отличія, отличія рожденія и образованія не имѣютъ политическаго значенія, когда оно призываетъ каждаго къ равному участію въ народномъ суверенитетѣ, не справляясь о всѣхъ этихъ отличіяхъ, то оно въ этомъ смыслѣ уничтожаетъ сословныя и профессіональныя отличія, отличія рожденія и образованія. При всемъ томъ государство оставляетъ область, гдѣ частная собственность, образованіе, профессія дѣйствуютъ и проявляютъ свое значеніе, какъ таковыя, т. е. какъ частная собственность, образованіе, профессія. Государство не только не уничтожаетъ этихъ отличій, но предполагаетъ даже ихъ необходимость, какъ предпосылку своего существованія; только благодаря имъ, оно сознаетъ себя политическимъ государствомъ и только въ противовѣсъ этимъ элементамъ своимъ оно можетъ проявить свою всеобщность. Въ законченномъ политическомъ государствѣ проявляется родовая человѣческая жизнь, въ противоположность къ матеріальной жизни человѣка. Всѣ предпосылки этой эгоистической жизни остались существовать въ буржуазномъ обществѣ, какъ свойство его, не входящее въ сферу жизни государственной. Въ отношеніяхъ полититическаго государства, къ предпосылкамъ своего существованія, будь то предпосылка духовнаго характера, какъ религія, или матеріальнаго, какъ частная собственность, мы можемъ видѣть проявленіе борьбы

между общими и частными интересами. Конфликтъ человѣка, какъ представителя отдѣльной религіи, съ самимъ собою, какъ гражданиномъ, съ другими людьми, какъ представителями той же общественности, сводится къ противорѣчію между политическимъ государствомъ и буржуазнымъ обществомъ.

Итакъ, всякаго человѣка, даже еврея можно политически эмансипировать, но тогда Бауеръ говоритъ, что еврей не въ правѣ заявлять притязаніе на человѣческія права и не долженъ получить ихъ. На это Марксъ отвѣчаетъ, что само понятіе о человѣческихъ правахъ уже показываетъ, что ихъ нельзя ставить въ зависимость отъ той или иной религіи; болѣе того, къ числу человѣческихъ правъ самымъ несомнѣннымъ образомъ относится право исповѣдывать религію и при томъ какую угодно религію. Право вѣрить есть всеобщее человѣческое право. „Правъ человѣка", „les droits de l'homme", не надо смѣшивать съ „Правами гражданина", „les droits du citoyen". Кто же этотъ отличный отъ человѣка гражданинъ? Никто другой, какъ членъ буржуазнаго общества. Марксъ подробно доказываетъ это на основаніи опредѣленія человѣческихъ правъ (равенство, свобода, неприкосновенность, собственность) въ радикальнѣйшей изъ конституцій, во французской конституціи 1793 года. Политическая революція была революціей буржуазнаго общества. Во времена феодализма само общество непосредственно носило политическій характеръ; всѣ элементы буржуазной жизни, собственность и семейство, характеръ и родъ занятій были элементами государственной жизни въ формѣ феодальнаго помѣстья, сословія, корпораціи; но это обстоятельство послужило причиной того, что это же общество распалось на большое число отдѣльныхъ обществъ и не оставило въ государствѣ мѣста для личности; необходимымъ послѣдствіемъ такого рода организаціи явилось то, что общая государственная власть перешла въ руки властителя, лишеннаго

связи съ народомъ, и его слугъ. Политическая рево люція свергла эту власть, сдѣлала государственное дѣло народнымъ дѣломъ, связала каждаго съ политическимъ строемъ, словомъ создала настоящее государство; но для этого ей пришлось упразднить всякія сословія, корпораціи, союзы, привилегіи и уничтожить политическій характеръ буржуазнаго государства. „Политическая эмансипація, съ одной стороны, превращаетъ человѣка въ члена буржуазнаго общества, въ эгоистическую независимую личность, съ другой стороны, она возвышаетъ его до гражданина, превращаетъ въ моральную личность. Только тогда, когда реальная индивидуальная личность воплотитъ въ себѣ абстрактнаго гражданина, когда, оставаясь индивидуальностью, человѣкъ въ своей практической жизни, личной работѣ и частныхъ отношеніямъ, будетъ представителемъ рода, а не особи, когда личныя силы для каждаго человѣка будутъ силами общественными, когда эти силы будутъ организованы и даже формально будутъ тождественны съ политической силой, только тогда можно будетъ говорить о завершеніи человѣческой эмансипаціи“.

Въ заключеніе Марксъ разсматриваетъ мнѣніе Бауэра, что для христіанина эмансипація дѣло болѣе легкое, чѣмъ для еврея. Марксу и здѣсь удается сорвать тотъ теологическій покровъ съ этого вопроса, передъ которымъ Бауеръ стоялъ безпомощно, несмотря на все свое критическое отношеніе къ теологіи. Марксъ избираетъ предметомъ своего разсмотрѣнія не еврея религіозной традиціи, а еврея повседневной жизни. Конечно, еврейскій вопросъ есть также вопросъ религіозный, но даже какъ таковой онъ имѣетъ свѣтскую реальную подкладку. Настоящій еврей является не продуктомъ іудейской религіи, а іудейскую религію должно объяснить особенностями реальнаго еврея. Такимъ образомъ вопросъ о способности евреевъ къ эмансипаціи превращается у Маркса въ вопросъ о

томъ, какіе общественные элементы должны быть побѣждены для того, чтобы уничтожить еврейство. Въ чемъ заключается практическая основа іудейства? Въ практической потребности, въ личной выгодѣ. Въ чемъ заключается практическій культъ еврейства? Въ торгашествѣ. Кто практическій богъ его? Деньги. „Но эмансипація отъ торгашества и отъ денегъ, т. е. отъ практическаго реальнаго іудейства, была бы вообще эмансипаціей нашего времени. Такая общественная организація, которая уничтожаетъ предпосылки, возможность торгашества сдѣлала бы невозможнымъ и еврея. Въ дѣйствительно жизненной атмосферѣ такого общества его религіозное сознаніе разсѣялось бы, какъ дымъ. Съ другой стороны, когда еврей признаетъ ничтожность своей сущности и работаетъ надъ своимъ уничтоженіемъ, то онъ возвысился надъ прежнимъ уровнемъ своего развитія, работаетъ просто надъ человѣческой эмансипаціей и идетъ по пути высшаго практическаго самоотреченія". Марксъ видитъ въ еврействѣ одинъ изъ всеобщихъ антисоціальныхъ элементовъ современности; оно дошло до нынѣшняго состоянія путемъ историческаго развитія при ревностномъ содѣйствіи самихъ же евреевъ, но достигнувъ этого уровня, оно должно уже разложиться.

На еврейскій манеръ еврейство уже эмансипировалось, овладѣвъ денежной силой въ тотъ моментъ' когда деньги стали міровой силой, а практическій еврейскій духъ практически сталъ духомъ христіанскихъ народовъ. „Евреи эмансипировались въ той мѣрѣ, въ какой христіане стали евреями". Когда Бауэръ видитъ фальшь въ томъ положеніи вещей, при которомъ въ теоріи евреи лишены гражданскихъ правъ, а практически обладаютъ громадной силой, то это противорѣчіе только частный случай противорѣчія между политикой и денежной силой. Въ идеѣ политика выше денегъ, фактически же она у нихъ въ рабствѣ. Еврей-

ство тоже сохранилось не вопреки исторіи, а благодаря ей. Буржуазное общество не перестаетъ порождать еврейство изъ собственныхъ нѣдръ своихъ. Деньги— это тотъ ревнивый богъ Израиля, который не мирится съ существованіемъ какихъ-нибудь другихъ боговъ. Деньги принижаютъ всѣ божества людей и превращаютъ ихъ въ товары. Деньги это всеобщая независимая ни отъ чего цѣнность всѣхъ вещей. Деньги лишили собственной цѣнности весь міръ, міръ человѣческій и міръ природы. Деньги — это отчужденная отъ человѣка сущность его труда и существованія; онѣ властвуютъ надъ нимъ, а онъ поклоняется имъ. Химерическая національность еврея есть фактически національность купца, вообще денежнаго человѣка. Такъ какъ въ буржуазномъ обществѣ всесторонне осуществляется реальная сущность еврейства, то буржуазное общество не можетъ убѣдить евреевъ въ недѣйствительности ихъ религіозной сущности. Общественная эмансипація евреевъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ эмансипаціей общества отъ еврейства.

Другими словами, Марксъ говоритъ вотъ что: злободневные религіозные вопросы имѣютъ теперь общественное значеніе, о религіозныхъ интересахъ, какъ таковыхъ, теперь не можетъ быть рѣчи. На историческое развитіе еврейства онъ смотритъ не глазами теолога, а глазами мірского человѣка. Онъ раскрываетъ ходъ этого развитія не въ религіозной теоріи, но въ промышленной и торговой практикѣ, получившей фантастическое отраженіе въ еврейской религіи. Практическое еврейство получило свое завершеніе только въ достигшемъ своего завершенія христіанскомъ мірѣ, болѣе того, оно даже представляетъ собой не что иное, какъ законченную практику самого христіанскаго міра. Такъ какъ буржуазное общество насквозь проникнуто еврейскимъ торговымъ духомъ, такъ какъ еврей a priori является уже необходимымъ членомъ его, то это даетъ ему еще большее право на политическую

эмансипацію, на пользованіе всеобщими человѣческими правами.

Въ признаніи человѣческихъ правъ заключается только признаніе эгоистической буржуазной личности и неограниченной свободы за тѣми духовными и матеріальными элементами, которыми исчерпывается ея житейское положеніе, современная буржуазная жизнь. Человѣческія права не освобождаютъ человѣка отъ религіи, они не освобождають его отъ собственности, но даютъ ему свободу собственности, не освобождаютъ его отъ заработка, но даютъ ему свободный выборъ профессій. Признаніе современнымъ государствомъ человѣческихъ правъ фактъ такого же порядка, какъ признаніе античнымъ государствомъ рабства. Подобно тому, какъ рабство было естественной основой античнаго государства, буржуазное общество является естественной основой современнаго государства. Въ своемъ развитіи буржуазное общество разорвало прежнія политическія узы и создало современное государство; провозглашеніе человѣческихъ правъ было актомъ признанія современнымъ государствомъ своего происхожденія и своихъ основъ. Необходимой основой современнаго развитаго государственнаго уклада является развитое буржуазное общество: всеобщая борьба человѣка съ человѣкомъ, личности противъ личности, война между всѣми людьми, отличающимися другъ отъ друга только своей индивидуальностью, повсемѣстное необузданное проявленіе элементарныхъ жизненныхъ силъ, освобожденныхъ отъ узъ привилегій, фактическое рабство и кажущаяся свобода и независимость личности; отчужденные отъ личности жизненные элементы ея, какъ собственность, промышленносяь, религія, получили свободное движеніе, и это личность принимаетъ за свою личную свободу, тогда какъ въ сущности это означаетъ лишь полное порабощеніе личности и безчеловѣчность.

Анархія — вотъ законъ освобожденнаго отъ при-

вилегій буржуазнаго общества; анархія буржуазнаго общества есть основа современнаго общественнаго строя, а общественный строй, въ свою очередь, обезпечиваютъ эту анархію. Несмотря на всю противоположность между ними, они все же обусловливаютъ другъ друга.

Эта критика еврейскаго вопроса подвинула значительно впередъ критику гегелевской философіи права. Гегель находилъ, что общество подчинено государству, Марксъ же показалъ, что на дѣлѣ государство подчиняется обществу. Онъ доказываетъ это на примѣрѣ развитого буржуазнаго общества и развитого современнаго государства. Онъ указываетъ на то, что и въ древнемъ, и въ феодальномъ мірѣ, какъ и въ современномъ, общество было необходимой основой государства, а не наоборотъ. Только въ современномъ мірѣ контрасты между обществомъ и государствомъ такъ упростились и обострились, что послѣднее должно смѣниться сознательной организаціей общественныхъ силъ; противорѣчіе между общественной анархіей и государственнымъ принужденіемъ найдетъ себѣ тогда выходъ въ высшемъ единствѣ, которое сдѣлаетъ человѣка свободнымъ и дастъ ему власть надъ его источниками существованія. Статьи Маркса въ „Нѣмецко-французскихъ Ежегодникахъ“ уже содержатъ въ себѣ многообѣщающіе зачатки матеріалистическаго пониманія исторіи.

Что касается самого еврейскаго вопроса, то Марксъ уже къ нему болѣе никогда не возвращался; что можно было сказать о немъ, онъ сказалъ самымъ исчерпывающихъ образомъ. Съ тѣхъ поръ еврейскій вопросъ создалъ огромную литературу, но она ни на шагъ не пошла дальше Маркса, даже всегда стоитъ ниже статьи Маркса. У Маркса нѣтъ ничего общаго съ антисемитизмомъ. Онъ не только говоритъ, что еврей имѣетъ неоспоримое право на политическую эмансипацію, на всеобщія права человѣка, но даже доказываетъ это-

Болѣе того, онъ утверждаетъ, что политическая эмансипація представляетъ собой крупный прогрессъ и представляетъ собою, если не послѣднюю ступень человѣческой эмансипаціи вообще, то послѣднюю ступень ея въ нынѣшнемъ общественномъ строѣ. Съ другой стороны, у Маркса нѣтъ ничего общаго и съ филосемитизмомъ, который на всякую критику денежнаго еврейства отвѣчаетъ парой красивыхъ стиховъ изъ лессинговскаго „Натана Мудраго". Марксъ видитъ въ еврействѣ такой общественный продуктъ, опредѣленная историческая форма котораго сложилась подъ вліяніемъ опредѣленныхъ историческихъ причинъ и вмѣстѣ съ ними исчезнетъ. Историческое развитіе сдѣлало еврейство, по винѣ его и безъ его вины. носителемъ денежной силы; оно, слѣдовательно, стало антисоціальнымъ элементомъ, который необходимо долженъ исчезнуть. Исчезнетъ оно въ соціальномъ обществѣ, въ которомъ мѣсто денежнаго Молоха займетъ живящее солнце труда.

Если то, что Марксъ написалъ о еврейскомъ вопросѣ, попытаться резюмировать на современномъ языкѣ, то результатъ его изслѣдованій можно бы выразить въ такой формѣ: какъ человѣческая эмансипація рабочаго, какъ человѣческая эмансипація женщины, такъ и человѣческая эмансипація еврея возможна только въ соціалистическомъ обществѣ.

3. Статьи Энгельса.

Марксъ старался осмыслить борьбу и стремленія современности опытомъ французской революціи, Энгельсъ воспользовался для этой же цѣли исторіей англійской промышленности. Онъ видѣлъ, какъ стихійное движеніе отчужденной отъ человѣка собственности повергаетъ человѣчество въ нищету, униженіе, рабство и дикость, но отъ него не скрылось и то, какъ уничтоженіе всякихъ частныхъ интересовъ расчищаетъ путь великому перевороту вѣка, примиренію человѣчества съ природой и съ собой.

Въ своихъ „Критическихъ этюдахъ о политической экономіи“ Энгельсъ говоритъ, что въ буржуазной политической экономіи послѣ Адама Смита, въ системѣ свободной торговли, онъ видитъ проявленіе того же лицемѣрія и безнравственности, съ которыми приходится теперь встрѣчаться во всѣхъ областяхъ жизни человѣческой. Какъ дальнѣйшее развитіе законовъ частной собственности, она представляетъ собой прогрессъ сравнительно съ системой меркантилизма, но и она не рѣшается сдѣлать послѣдній шагъ и не задается вопросомъ о справедливости частной собственности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, она не можетъ окончательно справиться съ системой меркантилизма; непослѣдовательность либеральной политической экономіи необходимо должна обнаружиться и въ ту, и въ другую сторону. За лицемѣрной гуманностью новыхъ политико-экономовъ буржуазіи скрывается такое варварство, котораго старые и не представляли себѣ; путаница понятій у старыхъ кажется простотой и послѣдовательностью въ сравненіи съ двуязычной логикой новыхъ; защитники свободной торговли являются бо̀льшими монополистами, чѣмъ прежніе меркантилисты. Они какъ будто бы не могутъ понять возстановленія меркантилизма Листомъ, между тѣмъ это объясняется очень просто. „Подобно тому, какъ для теолога нѣтъ другого выхода, какъ слѣпая вѣра или свободная философія, такъ и свободная торговля, съ одной стороны, должна привести къ возстановленію монополіи, а съ другой — къ уничтоженію частной собственности“. Во всѣхъ чисто экономическихъ столкновеніяхъ между сторонниками свободы торговли и меркантилистами правы всегда первые; но и они остаются неправыми, когда сталкиваются съ противниками частной собственности, которые сумѣли даже въ экономическомъ отношеніи правильнѣе разрѣшить экономическіе вопросы; англійскіе соціалисты давно уже доказали это и практически, и теоретически.

Съ этой общей точки зрѣнія Энгельсъ изслѣдуетъ отдѣльныя экономическія категоріи, торговлю, цѣнность, цѣну, земельную ренту, капиталъ, трудъ, конкурренцію. Раскрывая неустранимыя противорѣчія между ними, онъ не пользуется ими какъ Прудонъ, не беретъ ихъ какъ основныя положенія, дающія возможность оспаривать политикоэкономовъ, но доказываетъ, что всѣ эти противорѣчія только логическія проявленія частной собственности. Несмотря на всю рѣзкость своей критики теологіи, Бруно Бауэръ не сумѣлъ освободиться отъ теологическихъ предпосылокъ; точно также и Прудонъ, несмотря на самую рѣзкую критику частной собственности, не могъ освободиться отъ экономическихъ понятій, вытекающихъ изъ частной собственности. Если въ первомъ случаѣ Марксъ опровергъ теологическую постановку вопроса, то Энгельсъ во второмъ случаѣ сдѣлалъ то же самое съ политико-экономической постановкой вопроса, поставивъ его на общемъ, чисто человѣческомъ основаніи.

Въ системѣ меркантилизма явно проявилась самая грубая погоня торговца за стяжаніемъ. Либеральная политическая экономія придала этой погонѣ болѣе человѣчный характеръ. Зачѣмъ? А затѣмъ, что въ интересѣ торговаго человѣка жить въ добромъ согласіи и съ тѣмъ, отъ кого онъ дешево покупаетъ, и съ тѣмъ, кому онъ дорого продаетъ. Чѣмъ больше дружбы, тѣмъ больше выгоды. „Развѣ мы не сокрушили варварскую монополію, взываютъ эти лицемѣры, развѣ мы не распространили цивилизацію въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ земного шара, развѣ не мы установили братскія отношенія между народами и уменьшили количество войнъ? Да, все это вы сдѣлали, но какъ вы это сдѣлали? Вы уничтожили маленькія монополіи, чтобы предоставить больше простора и свободы одной крупной основной монополіи, — собственности; вы цивилизовали всѣ уголки міра, чтобы получить новое поприще для развитія вашихъ низкихъ стремле-

ній къ стяжанію; вы установили братство между народами, но это братство воровъ, вы уменьшили число войнъ, чтобъ въ мирное время больше наживать и чтобъ довести до максимума вражду между отдѣльными людьми, довести до максимума безчестную войну конкурренціи“! Но этого мало! Сдѣлавъ все возможное для того, чтобы увеличить вражду смѣшеніемъ національностей, чтобъ превратить путемъ конкурренціи все человѣчество въ стадо хищныхъ звѣрей, пожирающихъ другъ друга именно потому, что всѣ они стремятся къ той же цѣли, либеральная политическая экономія не остановилась и передъ послѣднимъ шагомъ, отдѣлявшимъ ее отъ цѣли, она уничтожила семью. Этого она сумѣла достигнуть собственнымъ прекраснымъ изобрѣтеніемъ: фабричной системой. При помощи этой системы она уничтожила послѣдніе слѣды общихъ интересовъ, общее пользованіе благами въ семьѣ. Энгельсъ указываетъ на повседневное, по крайней мѣрѣ, въ Англіи явленіе того времени, что дѣти, достигшія девятилѣтняго возраста и такимъ образомъ оффиціальной работоспособности, начинаютъ сами зарабатывать, при чемъ родительскій домъ превращается для нихъ въ харчевню, гдѣ за квартиру и столъ платятъ родителямъ.

Однако, говоритъ Энгельсъ, и земельный собственникъ ничуть не лучше купца: „Онъ грабитъ, монополизируя землю. Онъ грабитъ, эксплоатируя въ свою пользу ростъ населенія, увеличивающій конкурренцію и, такимъ образомъ, цѣнность его участка; источникомъ своей личной выгоды онъ дѣлаетъ то, что не является результатомъ его личной дѣятельности, что только случайно досталось ему въ удѣлъ ... Пустить въ торговый оборотъ землю было послѣднимъ шагомъ по пути къ превращенію самой личности въ предметъ торговли, потому что земля для насъ все, первое условіе нашего существованія; это было безнравственностью съ самаго начала и осталось ею до сегодняш-

няго дня, и если есть бóльшая безнравственность, то это только продажа самого себя". Энгельсъ говоритъ, что онъ вовсе не думаетъ отстаивать ту аксіому, которая позволяетъ признать грабежомъ такой источникъ существованія, какъ земельное владѣніе, и которая гласитъ, что каждый человѣкъ имѣетъ право только на продуктъ своего труда и не долженъ жать тамъ, гдѣ онъ не сѣялъ. Въ первой своей формѣ эта аксіома освобождаетъ отъ обязанности вскармливать дѣтей, а во второй своей формѣ она лишаетъ каждое подрастающее поколѣніе права на существованіе, потому что фактически каждое новое поколѣніе наслѣдуетъ предыдущему. Эти аксіомы представляютъ собой только логическіе выводы изъ принципа частной собственности. Необходимо одно изъ двухъ: или быть послѣдовательнымъ до конца, или отказаться отъ исходной точки.

Частная собственность отдѣляетъ почву отъ человѣческой дѣятельности, между тѣмъ какъ почва безъ этой дѣятельности мертва и неплодородна, а человѣческая дѣятельность безъ почвы невозможна. Частная собственность расчленяетъ человѣческую дѣятельность на трудъ и капиталъ и враждебно противупоставляетъ ихъ другъ другу. Но ей какъ будто недостаточно этой борьбы между землей, капиталомъ и трудомъ, частная собственность расчленяетъ еще на множество мелкихъ частей каждый изъ этихъ отдѣльныхъ элементовъ. Одинъ участокъ противупоставляется другому, одна рабочая сила другой. Другими словами: такъ какъ частная собственность до крайности изолируетъ каждое отдѣльное лицо и такъ какъ каждое изъ нихъ преслѣдуетъ одинаковыя цѣли съ другими лицами, то одинъ земельный собственникъ становится во враждебныя отношенія къ другому, одинъ капиталистъ — къ капиталисту, рабочій — къ рабочему. Въ этомъ антагонизмѣ одинаковыхъ интересовъ именно изъ-за того, что они одинаковые, заключается завер-

шеніе безнравственности современнаго человѣчества, а извѣстно оно подъ именемъ конкурренціи. „Это главная категорія политико-эконома, его любимѣйшая дочь, онъ не перестаетъ ласкать и цѣловать ее; берегитесь же, на ней окажется ужасная голова Медузы“.

Прежде всего Энгельсъ указываетъ, что въ конкурренціи скрывается то же самое противорѣчіе, что въ частной собственности: рѣзкое противорѣчіе между общимъ и частнымъ интересомъ. Въ интересѣ отдѣльнаго лица владѣть всѣмъ, въ интересѣ всѣхъ — владѣть всѣмъ поровну. Такимъ образомъ каждый себѣ долженъ желать монополіи, тогда какъ общество, какъ цѣлое, теряетъ отъ монополіи и должно заботиться объ устраненіи ея. Конкурренція уже предполагаетъ монополію, именно монополію собственности, а до тѣхъ поръ, пока существуетъ право собственности, имѣетъ право на существованіе и собственность на монополію. Монополія только и можетъ существовать, какъ чья-либо собственность. Не жалкую ли половинчатость обнаруживаютъ тѣ, кто нападаетъ на незначительныя монополіи, а самую главную, частную собственность, оставляютъ нетронутой.

Законъ конкурренціи гласитъ, что спросъ всегда, а, слѣдовательно, никогда не долженъ удовлетворять предложенію. Если спросъ выше предложенія, то цѣны растутъ, и предложеніе начинаетъ отъ этого увеличиваться. Увеличивается на рынкѣ предложеніе, цѣны начинаютъ падать; когда предложеніе весьма значительно превышаетъ спросъ, то цѣны могутъ упасть столь низко, что эти низкія цѣны начинаютъ вызывать повышеніе спроса. „И такъ продолжается постоянно, ни на минуту не наступаетъ здоровое состояніе, но постоянно мы имѣемъ передъ собой смѣну повышеннаго и пониженнаго состоянія, исключающую всякій прогрессъ, вѣчное колебаніе, никогда не приводящее къ цѣли. Политико-экономы находятъ удивительно прекраснымъ этотъ законъ постояннаго выравниванія,

такъ какъ, благодаря ему, то, что теряется въ одномъ мѣстѣ, является выигрышемъ въ другомъ. Они не могутъ нахвалиться имъ, они не могутъ наглядѣться на него и разсматриваютъ его со всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ точекъ зрѣнія. Однако, врядъ ли можно усомниться въ томъ, что это вполнѣ стихійный законъ, не законъ разума. Это тотъ же законъ, который создаетъ революцію. Политико-экономъ приходитъ къ намъ со своей прекрасной теоріей спроса и предложенія, доказываетъ намъ, что никогда не можетъ образоваться излишекъ продуктовъ производства, а дѣйствительность отвѣчаетъ на это торговыми кризисами, появляющимися съ такой же правильной періодичностью, какъ кометы, теперь, напр., среднимъ числомъ каждыя пять-семь лѣтъ. Въ теченіе послѣднихъ восьмидесяти лѣтъ эти торговые кризисы отличались такою же регулярностью, какъ прежде значительныя эпидеміи, но по нуждѣ и безнравственности, которую они приносили съ собой, они превосходили эпидеміи. Конечно, и эти торговыя революціи подтверждаютъ законъ конкурренціи, подтверждаютъ его въ полной мѣрѣ, но совсѣмъ не такъ, какъ хотятъ насъ убѣдить политико-экономы. Что можно сказать о законѣ, который соблюдается только благодаря періодическимъ революціямъ? Это законъ стихійный, основанный на безсознательности управляемыхъ имъ элементовъ. Если бы производителямъ, какъ таковымъ, было извѣстно, сколько нужно потребителямъ, организуй они производство, распредѣли его они между собой, то колебанія конкурренціи и склонность ея къ кризисамъ стали бы невозможны. Производите сознательно, какъ люди, а не какъ разсѣянные атомы, лишенные сознанія какой бы то ни было общности, и вы больше не будете знать этихъ искусственныхъ и нестерпимыхъ противорѣчій. Пока же вы будете вести по прежнему свое производство, предоставивъ его безсознательному, безсмысленному господству случая, до

тѣхъ поръ останутся и торговые кризисы; каждый последующій будетъ захватывать большія территоріи, чѣмъ предыдущій, послѣдствія его, слѣдовательно, тоже будутъ хуже, чѣмъ послѣдствія предыдущаго, все большее число мелкихъ капиталистовъ будетъ имъ повергаться въ нищету, а численность тѣхъ классовъ, которые живутъ однимъ трудомъ, будетъ увеличиваться; число рабочихъ, которымъ нужно дать работу, будетъ замѣтно расти, главная задача нашихъ политико-экономовъ будетъ становиться для нихъ все труднѣе, и придетъ соціальная революція, о которой школьная мудрость политико-экономовъ не можетъ имѣть представленія".

Конкурренція, борьба капитала съ капиталомъ, труда съ трудомъ, почвы съ почвой, вызываетъ ту горячку въ производствѣ, вслѣдствіе которой всѣ естественныя и разумныя отношенія искажаются до неузнаваемости. Стоитъ только принять участіе въ борьбѣ конкурренціи, и приходится отдать ей всѣ силы свои безъ остатка, пожертвовать всѣми истинно человѣческими цѣлями. „Послѣдствіемъ этого односторонняго напряженія является упадокъ энергіи во всѣхъ другихъ областяхъ. Когда колебанія конкурренціи незначительны, когда спросъ и предложеніе, потребленіе и производство почти равны, то въ развитіи производства наступаетъ моментъ, характеризующійся чрезмѣрнымъ избыткомъ рабочей силы, характеризующійся тѣмъ, что громадная масса народа не имѣетъ чѣмъ жить, должна умирать съ голоду отъ избытка товаровъ. Такое безумное положеніе, такой безумной абсурдъ переживаетъ Англія уже значительное время. Когда же, какъ необходимое слѣдствіе такого положенія, производство начинаетъ колебаться значительнѣе, то снова наступаетъ смѣна расцвѣта и кризиса, перепроизводства и застоя. Политико-экономы никакъ не могутъ понять этого сумасшедшаго состоянія; чтобъ какъ-нибудь объяснить его, они придумали теорію населенія, которая столь же

безсмысленна или же еще безсмысленнѣе, чѣмъ это противорѣчіе между богатствомъ и нищетой въ одно и то же время". Передъ тѣмъ какъ перейти къ уничтожающей критикѣ теоріи населенія, созданной буржуазной политической экономіей и получившей типичную извѣстность въ формулировкѣ Мальтуса, Энгельсъ самъ объясняетъ это „удивительнѣйшее явленіе, удивительнѣе, чѣмъ всѣ чудеса всѣхъ религій, вмѣстѣ взятыхъ", что народъ долженъ голодать отъ одного только богатства и изобилія.

Производительная сила, находящаяся въ распоряженіи человѣчества, неизмѣрима,—говоритъ онъ.—Примѣненіе капитала, труда и науки до безконечности увеличиваетъ доходность почвы. По вычисленію авторитетнѣйшихъ политико-экономовъ и статистиковъ „перенаселенная" Англія въ десять лѣтъ можетъ достигнуть того, что почва ея принесетъ хлѣба въ количествѣ достаточномъ для населенія, въ шесть разъ болѣе многочисленнаго, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда Энгельсъ писалъ свою статью. Капиталъ растетъ съ каждымъ днемъ, рабочая сила возрастаетъ вмѣстѣ съ населеніемъ, а наука все больше и больше подчиняетъ человѣку силы природы. „Эта неизмѣримая производительность, руководимая сознательно и ради общаго блага, могла бы довести работу, которую человѣчество необходимо должно выполнять, до минимальныхъ размѣровъ; при господствѣ конкурренціи мы имѣемъ, правда, въ общемъ то же самое, но осуществляется это въ крайностяхъ. Одна часть земли обрабатывается прекраснѣйшимъ образомъ, а другая лежитъ заброшенной, какъ, напр., въ Великобританіи и Ирландіи мы имѣемъ такой нетронутой земли тридцать милліоновъ акровъ. Часть капитала обращается съ громадной быстротой, другая лежитъ въ сундукахъ безъ всякаго движенія. Одна часть рабочихъ работаетъ четырнадцать, шестнадцать часовъ въ день, другая безъ работы и безъ дѣла мретъ съ голоду. Но эти крайно-

сти могутъ наблюдаться не въ то же самое время; сегодня, напр., торговля идетъ хорошо, спросъ значителенъ, тогда всѣ работаютъ, капиталъ обращается съ удивительной быстротой, земледѣліе процвѣтаетъ, рабочіе работаютъ до изнуренія, но вотъ наступила заминка, обработка земли не оплачивается, громадныя области остаются невоздѣланными, обращеніе капитала сразу останавливается, рабочіе сидятъ безъ работы, и вся страна больна отъ чрезмѣрнаго богатства и избыточнаго населенія". Какъ ни просто объясняются всѣ эти явленія, либеральная экономія никогда не можетъ принять этого объясненія, потому что оно уничтожаетъ прекрасный миѳъ о благодѣтельномъ вліяніи конкурренціи.

Либеральная политическая экономія предпочла искать себѣ помощи въ особой теоріи населенія. Мальтусъ полагалъ, что численность населенія регулируется средствами существованія и что человѣческому роду присуща внутренняя тенденція размножаться въ большей мѣрѣ, чѣмъ это соотвѣтствуетъ средствамъ существованія въ данный моментъ; по его предположенію населеніе растетъ въ геометрической прогрессіи (1 : 2 : 4 : 8 : 16 : 32 . . .), а средства къ существованію въ ариѳметической прогрессіи (1 : 2 : 3 : 4 : 5 : 6 . . .). Этотъ либеральный политико-экономъ полагалъ, что вся нужда и порочность объясняются постояннымъ перенаселеніемъ, а на основаніи этого вся либеральная политическая экономія пришла къ слѣдующимъ милымъ выводамъ: благотворительность — преступленіе, потому что она поддерживаетъ ростъ избыточнаго населенія, съ другой стороны, очень полезно сравнять бѣдность съ преступленіемъ, а богадѣльни съ каторгой. Конечно, эту теорію очень трудно было согласовать съ библейскимъ ученіемъ о совершенствѣ Бога и его творенія, но въ такихъ случаяхъ набожная англійская буржуазія полагала, что библія не можетъ служить аргументомъ противъ очевидныхъ фактовъ.

Энгельсъ круто раздѣлывается съ этимъ „безче-

стнымъ, низкимъ ученіемъ, съ этимъ отвратительнымъ поруганіемъ природы и человѣчества". Онъ спрашиваетъ, гдѣ было доказано, что доходность земли растетъ только въ ариѳметической прогрессіи? Въ противовѣсъ этому ни на чемъ не основанному утвержденію Энгельсъ обращаетъ вниманіе на то, чѣмъ обязано земледѣліе одного девятнадцатаго вѣка только двумъ людямъ—сэру Гемфри Дэви и Юстусу Либигу. Смѣшно говорить о перенаселеніи въ такое время, когда обрабатывается-то всего какая-нибудь треть земного шара и когда примѣненіе извѣстныхъ теперь усовершенствованій можетъ увеличить производительность ея въ шесть и болѣе разъ. Мальтусъ допускаетъ двѣ ошибки. Во-первыхъ, онъ не замѣчаетъ того, что избыточное населеніе всегда связано съ избыточнымъ богатствомъ, капиталомъ, земельной собственностью: между тѣмъ достаточно принять во вниманіе этотъ фактъ, и уже можно придти къ правильнымъ выводамъ. Но, во-вторыхъ, Мальтусъ смѣшиваетъ средства для пріисканія себѣ занятія со средствами существованія. Если онъ что-нибудь доказалъ, и если что можетъ быть поставлено ему въ заслугу, то это нѣчто совсѣмъ другое. Мальтусъ доказалъ, что численность населенія всегда регулируется средствами, необходимыми для занятія той или иной профессіей, что производство рабочей силы до сихъ поръ регулировалось закономъ конкурренціи и тоже подвержено было періодическимъ кризисамъ и колебаніямъ.

При всей неустойчивости либеральной теоріи населенія Энгельсъ находитъ въ ней и прогрессивную сторону: она обратила вниманіе на производительныя силы земли и человѣчества и дала одинъ изъ наиболѣе сильныхъ экономическихъ аргументовъ въ пользу соціальнаго переворота. „Она познакомила насъ съ самымъ глубокимъ униженіемъ человѣчества, съ его зависимостью отъ конкурренціи; она показала намъ, какъ въ послѣдней инстанціи частная собственность сдѣлала

изъ самого человѣка товаръ, производство и уничтоженіе котораго тоже зависитъ только отъ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ; она показала намъ, какъ ежедневно приносились и приносятся въ жертву системѣ конкурренціи милліоны людей; во всемъ этомъ мы убѣдились, и все это побуждаетъ насъ бороться противъ этого униженія человѣчества уничтоженіемъ частной собственности, конкурренціи и антагонизма интересовъ".

Къ такому же результату приходитъ Энгельсъ при разсмотрѣніи вопроса, какимъ образомъ конкурренція измѣняетъ соотношенія силъ между трудомъ, капиталомъ и землевладѣніемъ. „Прежде всего и капиталъ, и землевладѣніе въ отдѣльности сильнѣе труда; чтобъ жить, рабочій долженъ работать, тогда какъ землевладѣлецъ можетъ жить своей рентой, капиталистъ — своими процентами, въ крайнемъ случаѣ, наконецъ, они могутъ жить на счетъ своего капитала, на счетъ своей капитализированной земельной собственности. Слѣдствіемъ этого является то, что представители труда получаютъ на свою долю только крайне необходимое, ничего, кромѣ средствъ для поддержанія жизни, большая же часть продуктовъ распредѣляется между капиталомъ и землевладѣніемъ. Болѣе сильный рабочій вытѣсняетъ изъ рынка болѣе слабаго, большій капиталъ — меньшій, крупное землевладѣніе — мелкое. Практика подтверждаетъ этотъ выводъ. Преимущества крупнаго фабриканта или купца предъ мелкимъ, крупнаго землевладѣльца передъ собственникомъ одного только морга общеизвѣстны. Слѣдствіемъ этого является то, что даже при обычномъ положеніи вещей крупный капиталъ и крупное землевладѣніе по праву сильнаго поглощаютъ мелкій капиталъ и мелкое землевладѣніе, короче говоря, происходитъ централизація собственности. Эта централизація значительно ускоряется во время торговыхъ и земледѣльческихъ кризисовъ. — Крупное владѣніе вообще растетъ много скорѣе, чѣмъ мелкое,

такъ какъ изъ дохода вычитается гораздо меньшая доля на расходы собственника. Централизація собственности есть такой же присущій частной собственности законъ, какъ и всѣ другіе; средніе классы все болѣе должны исчезать до тѣхъ поръ, пока весь міръ не распадется на милліонеровъ и нищихъ, на крупныхъ собственниковъ и нищихъ поденщиковъ. Законы, всякаго рода раздѣлы, всевозможные способы дробленія капитала,—все это ничуть не можетъ помочь". Свободная конкурренція создаетъ монополію, а монополія — конкурренцію; изъ этой дилеммы одинъ только выходъ: уничтоженіе принципа, порождающаго и монополію, и конкурренцію, уничтоженіе частной собственности.

Конкурренція наложила печать свою на всѣ отношенія человѣческой жизни; она вліяетъ не только на численный ростъ человѣчества, но и на его нравственный прогрессъ „Всякаго, знакомаго со статистикой преступленій, не могла не поразить та своеобразная правильность, съ которой преступность увеличивается изъ года въ годъ, по которой опредѣленнымъ причинамъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя преступленія. Эта правильность свидѣтельствуетъ о томъ, что и преступность управляется закономъ конкурренціи, что государство порождаетъ спросъ на преступленія, и что этотъ спросъ удовлетворяется соотвѣтственнымъ предложеніемъ". Энгельсъ предоставляетъ читателю судить о томъ, насколько справедливо при такихъ обстоятельствахъ, оставляя въ сторонѣ всѣ другія соображенія, наказывать за преступленія. Этой экскурсіей въ область морали Энгельсъ желаетъ только показать, до какого глубокаго униженія частная собственность довела человѣка.

Въ заключеніе онъ обращаетъ вниманіе на то, что въ борьбѣ съ трудомъ землевладѣніе и капиталъ при современныхъ отношеніяхъ имѣютъ на своей сторонѣ еще одного могущественнаго союзника: помощь науки. „Всѣ механическія изобрѣтенія, напр., имѣли своимъ ближайшимъ поводомъ недостатокъ рабочей силы, въ

особенности это вѣрно по отношенію къ бумагопрядильнымъ машинамъ Гаргривса, Кромптона и Аркрайта. Всегда поиски рабочей силы оканчивались изобрѣтеніемъ, отличавшимся значительной производительностью и уменьшавшимъ спросъ на человѣческій трудъ. Вся исторіи Англіи отъ 1770 года до сего дня даетъ этому неоспоримое доказательство. Послѣднее великое изобрѣтеніе въ бумагопрядильномъ дѣлѣ, самопрялка (сельфакторъ), было вызвано исключительно усиленнымъ спросомъ на трудъ и возрастаніемъ заработной платы; эта машина удвоила производительность труда и уменьшила такимъ образомъ на половину спросъ на рабочія руки, лишила одну половину рабочихъ заработка, а другой половинѣ понизила его; она разстроила заговоръ рабочихъ противъ фабрикантовъ и отняла послѣдній остатокъ силъ, съ которыми трудъ выдерживалъ неравную борьбу съ капиталомъ". Политико-экономы утверждаютъ, что въ конечномъ результатѣ машинный способъ производства выгоденъ и для рабочихъ; удешевляя производство, этотъ способъ создаетъ новый бо́льшій рынокъ для своихъ продуктовъ и въ концѣ концовъ снова даетъ занятіе лишеннымъ его раньше рабочимъ. Въ противовѣсъ этому утвержденію, Энгельсъ ссылается на ими же установленный законъ, по которому количество рабочей силы регулируется возможностью найти занятіе. Какъ только наступаетъ указываемый ими благопріятный моментъ оказывается, что избытокъ конкуррентовъ ожидаетъ уже этой работы; вредъ же отъ введенія машинъ, когда внезапно одна половина рабочихъ лишается средствъ существованія, а заработокъ другой падаетъ, далеко не призраченъ.

Въ тѣсной связи съ этими афоризмами къ критикѣ буржуазной политической экономіи стоитъ другая статья, напечатанная Энгельсомъ въ „Нѣмецко-французскихъ Ежегодникахъ": критическія выдержки изъ „Прошлаго и настоящаго" Карлейля. Въ началѣ Эн-

гельсъ мощными штрихами набрасываетъ картину духовнаго упадка англійской аристократіи и буржуазіи; того образованнаго англичанина, по которому жители континента составляютъ себѣ представленіе объ англійскомъ національномъ характерѣ, онъ называетъ презрѣннѣйшимъ изъ рабовъ на землѣ, задыхающимся отъ предразсудковъ вообще и религіозныхъ въ особенности. „Только незнакомая континенту часть англійскаго населенія, только рабочіе, англійскіе паріи, бѣдные, только они заслуживаютъ уваженія, несмотря на свою грубость и деморализацію. Въ нихъ спасеніе Англіи, въ нихъ еще сохранились жизненныя силы они лишены образованія, но зато у нихъ нѣтъ и предразсудковъ, у нихъ еще есть силы для великаго національнаго дѣла, у нихъ еще есть будущее". Энгельсъ разсказываетъ, что когда „Жизнь Христа" Штрауса появилась по ту сторону канала, ни одинъ приличный человѣкъ не осмѣлился перевести ее, ни одинъ книгопродавецъ не осмѣлился печатать переводъ. „Наконецъ, какой-то соціалистическій агитаторъ, т. е. человѣкъ, занимающій въ свѣтѣ наименѣе фешенебельное положеніе, перевелъ эту книгу, незначительная соціалистическая типографія начала печатать переводъ выпусками, по пенни выпускъ, и англійскими читателями Штрауса оказались исключительно рабочіе Манчестера, Бирмингама и Лондона". Изъ двухъ партій, на которыя дѣлилась образованная часть Англіи, Энгельсъ находитъ сравнительно болѣе безпристрастной партію торіевъ; въ лучшемъ случаѣ они считали промышленность неизбѣжнымъ зломъ, но и то потому, что она сломила ихъ могущество и исключительное господство; виги же, которымъ промышленность даетъ могущество и богатство, не находятъ въ ней никакихъ недостатковъ и въ ростѣ ея видятъ единственную цѣль законодательства. Филантропы изъ торіевъ, напр., Лордъ Эшли, Феррандъ, Вальтеръ, Остлеръ и другіе сочли своимъ долгомъ защиту рабочихъ передъ фабрикан-

тами. Первоначально и Томасъ Карлейль былъ торіемъ, да и теперь онъ еще ближе стоитъ къ торіямъ, чѣмъ къ вигамъ. Никогда бы вигу не написать книги, которая наполовину хотя бы проникнута была такой человѣчностью, какъ „Past and Present" („Прошлое и настоящее") Карлейля; за 1843 годъ это единственное произведеніе англійской литературы, которое дѣйствительно стоитъ прочесть, это единственное произведеніе, затрагивающее струны человѣческаго сердца, занимающееся человѣческими отношеніями и содержащее въ себѣ слѣды человѣчнаго міровоззрѣнія.

Работа Карлейля содержитъ въ себѣ сравненіе Англіи двѣнадцатаго и Англіи девятнадцатаго вѣка. На настоящее онъ смотритъ очень мрачно, рисуетъ его съ краской жгучаго стыда, грозитъ ему и обрушивается на него гнѣвомъ съ потрясающей силой своего пророческаго языка. Лѣнивая земельная аристократія, не научившаяся еще спокойно сидѣть и не творить бѣдъ; аристократія работящая, но погрязшая въ маммонѣ, представляющая собой не руководителей труда, а шайку промышленныхъ пиратовъ; парламентъ, составленный при помощи подкупа избирателей; житейская философія съ проповѣдью ничего не дѣланія и созерцательнаго отношенія; отточенная, разсыпающаяся на части религія, полное исчезновеніе всякихъ человѣческихъ интересовъ, всеобщее разочарованіе въ истинѣ и въ человѣчествѣ, хаотическая путаница во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, война всѣхъ противъ всѣхъ, несоразмѣрно сильный трудящійся классъ, отъ невыносимаго гнета и нищеты возставшій въ дикомъ недовольствѣ и возмущеніи противъ стараго соціальнаго порядка, угрожающая, непрерывно наступающая демократія, словомъ, повсемѣстный хаосъ, безпорядокъ, анархія, гибель старыхъ общественныхъ устоевъ, духовная пустота, бѣдность мысли и слабость — вотъ по Карлейлю картина Англіи сороковыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка. Онъ признается, что у него нѣтъ универсальнаго сред-

ства для леченія всѣхъ соціальныхъ золъ, нѣтъ у него противъ нихъ моррисоновской пилюли, какъ онъ говоритъ на своемъ своеобразномъ языкѣ.

До сихъ поръ Энгельсъ, хотя и не безъ поправокъ, но въ общемъ соглашается съ нимъ. Онъ говоритъ: „всякая соціальная философія, которая удовлетворяется парой положеній, какъ конечнымъ результатомъ своимъ, которая думаетъ еще прописывать моррисоновскія пилюли, далека отъ совершенства; мы не такъ нуждаемся въ голыхъ результатахъ, какъ въ самомъ изученіи; результаты, отвлеченные отъ того процесса развитія, который привелъ къ нимъ, не имѣютъ для насъ никакой цѣны, и это мы уже знаемъ со времени Гегеля, но результаты еще болѣе чѣмъ безполезны, когда они сами себѣ довлѣютъ, когда они не могутъ послужить исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія. Но во времени результаты должны принимать опредѣленную форму, процессъ развитія долженъ освобождать ихъ отъ расплывчатой неопредѣленности и придавать имъ форму ясной мысли, а у такой трезвой націи, какъ англійская, эти результаты могутъ принять, пожалуй, даже форму моррисоновскихъ пилюль". Энгельсъ старается разъяснить англійскій скептицизмъ. Результатомъ всей англійской философіи было признаніе своей неспособности разрѣшить тѣ противорѣчія, съ которыми въ послѣдней инстанціи сталкиваешься; вслѣдствіе этого, съ одной стороны, начался возвратъ къ вѣрѣ, а съ другой стороны, увлеченіе чистой практикой, безъ заботы о метафизикѣ и подобныхъ вещахъ. Англійскіе соціалисты, о которыхъ Карлейль ни однимъ словомъ не обмолвился въ своихъ рапсодіяхъ, отличаются именно такой практичностью; вотъ почему ими и были предложены мѣры въ родѣ моррисоновскихъ пилюль, напр., колонизація родины; философія ихъ чисто англійская, скептическая; они разочаровались въ теоріи и обратились къ практикѣ, къ матеріализму, на которомъ вся ихъ соціальная система основана.

Они односторонни, но, подобно имъ, и Карлейль односторененъ. И тѣ, и другіе справились съ противорѣчіемъ, не выходя изъ него: соціалисты на практикѣ, Карлейль — въ теоріи; и тѣмъ, и другимъ недостаетъ знакомства съ нѣмецкой философіей. Энгельсъ надѣется, что англійскіе соціалисты сами придутъ къ этому и что торопиться навязывать имъ нѣмецкую философію не приходится, такъ какъ на первое время много пользы она бы имъ не принесла; но, кромѣ того, онъ полагаетъ, что Карлейлю надо сдѣлать еще одинъ только шагъ, чтобы выйти изъ того противорѣчія, которое опутало его; шагъ этотъ, однако, какъ показалъ опытъ Германіи, далеко не легкій.

Карлейль заявляетъ, что все безполезно и безплодно, разъ человѣчество упорно держится за атеизмъ и не можетъ вновь найти свою „душу". Подъ атеизмомъ онъ понимаетъ не невѣріе въ личнаго Бога, но отсутствіе вѣры въ смыслъ и безконечность вселенной, отсутствіе вѣры въ разумъ; онъ борется не противъ невѣрія въ библейское откровеніе, но противъ „ужаснѣйшаго невѣрія, противъ невѣрія въ библію всемірной исторіи". Карлейль пантеистъ въ смыслѣ Спинозы, Гете, молодого Шеллинга. Пророкъ его религіи будущаго это — Гете; ея культъ — это трудъ. Пантеизмъ Карлейля представляетъ собой послѣднюю форму религіи, но все еще остается религіей, проникнутъ дуализмомъ, признаетъ нѣчто высшее, чѣмъ человѣкъ, даже въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Карлейль, хотя и вѣритъ въ побѣду демократіи, но полагаетъ, что это будетъ не окончательная, но временная побѣда. Милліоны трудящихся массъ по необходимости откажутся отъ ложныхъ руководителей и на моментъ повѣрятъ, что онѣ вообще могутъ обойтись безъ руководителей, но больше, чѣмъ моментъ, это не продолжится. Великая проблема вѣдь и тогда еще не будетъ имѣть своего разрѣшенія; она заключается въ томъ, чтобы соединить неизбѣжную

демократію съ необходимостью централизованной власти, когда руководителями человѣчества станутъ дѣйствительно выдающіеся люди, полководцы промышленности, герои, лучшіе люди.

Этому воззрѣнію Карлейля Энгельсъ противопоставляетъ результаты, добытые Бруно Бауэромъ и Фейербахомъ. Жалобы Карлейля, говоритъ онъ, вполнѣ справедливы, но однѣхъ жалобъ недостаточно; чтобъ помочь горю, надо найти его причины. Если бы Карлейль сдѣлалъ это, то онъ бы убѣдился, что сама религія является причиной того атеизма и бездушія, на которые онъ жалуется. По самой сущности своей религія лишаетъ внутренняго содержанія и человѣка, и природу, перенося это содержаніе на фантомъ сверхъестественнаго Бога, который изъ милости удѣляетъ кое-что отъ своего избытка и человѣку, и природѣ. „Мы тоже нападаемъ на лицемѣрность современныхъ отношеній въ христіанскомъ мірѣ; мы только и заняты, что борьбой противъ нея, борьбой за наше освобожденіе отъ нея, за избавленіе міра отъ нея; но къ пониманію этого лицемѣрія насъ привело не что иное, какъ развитіе философіи, мы ведемъ эту борьбу научно и поэтому сущность этого лицемѣрія намъ не такъ чужда и непонятна, какъ Карлейлю. Это лицемѣріе мы выводимъ изъ религіи, потому что уже первое слово ея ложь; развѣ религія не начинаетъ съ того, что преподноситъ намъ нѣчто вполнѣ человѣческое, утверждая, что это — нѣчто сверхчеловѣческое, божеское? Но зная, что вся эта ложь и безнравственность вытекаетъ изъ религіи, что религіозное лицемѣріе есть исходный типъ всякой лжи и лицемѣрія мы считаемъ себя въ правѣ распространить терминъ теологія на всю неправду и лицемѣріе современности, какъ это впервые сдѣлали Фейербахъ и Бруно Бауэръ. Если Карлейлю желательно знать, откуда вся безнравственность, отравляющая наши отношенія, пусть онъ прочтетъ ихъ работы“. Религія уже исчерпала всѣ

возможныя для себя формы, прибавляетъ Энгельсъ; но, возможно уже создать новую религію, пантеистическій культъ героевъ, культъ труда и возложить на это всѣ надежды. Христіанство сдѣлало невозможнымъ возникновеніе новыхъ религій, и даже пантеизмъ, какъ показалъ Фейербахъ, въ своемъ исходномъ пунктѣ есть выводъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основная часть христіанства.

Энгельсъ тоже хочетъ уничтожить тотъ атеизмъ, описаніе котораго даетъ Карлейль; но для этого онъ хочетъ вернуть человѣку его содержаніе, котораго его лишила религія; онъ не думаетъ преподнести ему это содержаніе, какъ нѣчто божественное, но какъ чисто человѣческое, и думаетъ, что для этого достаточно пробудить въ немъ самосознаніе. Корнемъ всякой неправды и лжи является стремленіе человѣческаго и естественнаго стать сверхчеловѣческимъ и сверхъестественнымъ. „Вотъ почему мы разъ навсегда объявили войну религіи и религіознымъ представленіямъ и мало заботимся о томъ, называютъ ли насъ атеистами или какъ-нибудь иначе. Если бы между прочимъ карлейлевское пантеистическое опредѣленіе атеизма было вѣрно, то настоящими атеистами были бы не мы, а наши христіанскіе противники. Намъ и въ голову не приходитъ нападать на „вѣчные факты вселенной“; наоборотъ, мы даже первые дали имъ истинное обоснованіе, доказавъ ихъ вѣчность и независимость отъ всемогущаго произвола самому себѣ противорѣчащаго бога... Намъ и въ голову не приходитъ сомнѣваться или отнестись съ презрѣніемъ къ „откровеніямъ исторіи“; исторія для насъ — все; наше направленіе цѣнитъ ее выше, чѣмъ всѣ предшествовавшія философскія направленія, выше даже, чѣмъ Гегель, такъ какъ послѣдній въ концѣ концовъ видѣлъ въ ней только опытную провѣрку своихъ логическихъ построеній. Насмѣшку надъ исторіей, неуваженіе къ развитію человѣчества надо искать совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ; дѣйствительной исторіи отказываютъ во внутреннемъ зна-

ченія христіане, выставляющіе какую-то особую „исторію царства божія“; внутреннее значеніе они приписывають только этой сверхъ естественной, отвлеченной и къ тому еще вымышленной исторіи; они утверждають, что исторія достигла своей цѣли, поставивъ ей такую призрачную цѣль, какъ достиженіе совершенства родомъ человѣческимъ въ лицѣ Христа; на этомъ у нихъ останавливается исторія, и уже изъ одной логической послѣдовательности они вынуждены послѣдующія восемнадцать столѣтій признать пустой безсмыслицей и полной безсодержательностью. Мы утверждаемъ, что исторія имѣетъ содержаніе, но мы видимъ въ ней не откровеніе „божіе“, но человѣческое и только человѣческое. Намъ нѣтъ нужды создавать абстрактнаго „бога“ и приписывать ему все прекрасное, великое, возвышенное, истинно человѣческое для того, чтобъ увидѣть прекрасныя стороны человѣчества, историческое развитіе рода человѣческаго, его непрерывный прогрессъ, его неизмѣнное торжество надъ неразуміемъ отдѣльныхъ лицъ, побѣду надъ всѣмъ, что казалось сверхчеловѣческимъ, жестокую, но успѣшную борьбу съ природой, наконецъ, достиженіе свободнаго человѣческаго самосознанія, пониманія единства человѣка и природы, и свободный и непринужденный трудъ для созданія новаго міра, основаннаго на чисто человѣческихъ, нравственныхъ отношеніяхъ... То присущее нашему вѣку невѣріе въ бога, на которое жалуется Карлейль, есть на дѣлѣ его проникновеніе божествомъ... До сихъ поръ вопросъ всегда ставился такъ: что такое богъ? Германская философія разрѣшила этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что богъ это — человѣкъ. Человѣку надо только самого себя познать, сдѣлать себя мѣриломъ всѣхъ жизненныхъ отношеній, судить о нихъ соотвѣтственно своей сущности, устроить міръ дѣйствительно по-человѣчески и въ соотвѣтствіи съ требованіями своей природы, и тогда задача нашего времени будетъ разрѣшена... Все это можно найти и у „пророка“ Гете;

у кого есть глаза, чтобы видѣть, сумѣетъ это вычитать у него. Гете избѣгалъ имѣть дѣла съ „богомъ"; одно это слово разстраивало его. уютно онъ чувствовалъ себя только въ области человѣческаго, и величіе Гете и заключается именно въ этой человѣчности его, въ эмансипаціи искусства отъ оковъ религіи. Ни древніе поэты, ни даже Шекспиръ не могутъ помѣряться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Но все историческое значеніе этой законченной человѣчности, этого торжества надъ религіознымъ дуализмомъ можетъ понять только тотъ, кому не чужда и другая сторона германскаго національнаго развитія, философія. То, что Гете могъ выразить прямо, т. е. въ извѣстномъ смыслѣ слова „пророчески", все это было развито и обосновано первоначально германской философіей".

По этой критикѣ внутренней религіозной точки зрѣнія Карлейля можно судить, что думаетъ Энгельсъ и о его внѣшней политически-соціальной точкѣ зрѣнія, о его культѣ героевъ и обо всемъ, что прямо или косвенно связано съ нимъ. „Какъ будто даже въ лучшемъ случаѣ эти герои могли быть чѣмъ-нибудь большимъ, чѣмъ люди! Если бы Карлейль понялъ человѣка, какъ человѣка, во всей его безконечности, то ему не пришло бы въ голову снова раздѣлить человѣчество на двѣ группы — овецъ и козлищъ, правящихъ и управляемыхъ, аристократовъ и чернь, господъ и дураковъ; онъ бы понялъ тогда, что истинное соціальное назначеніе таланта не въ насильственномъ управленіи, а подачѣ примѣра и возбужденіи энергіи. Талантъ долженъ убѣдить массы въ истинѣ своихъ идей, и тогда ему не нужно будетъ потомъ мучиться осуществленіемъ ихъ; осуществленіе это тогда пойдетъ само собой. Энгельсъ согласенъ съ тѣмъ, что демократія это только переходная ступень, какъ говоритъ Карлейль, но не переходная ступень къ усовершенствованной аристократіи, а къ дѣйствительной человѣческой свободѣ; а невѣріе вѣка приведетъ къ полной эмансипа-

ціи отъ всего религіознаго, сверхчеловѣческаго и сверхъестественнаго, но вовсе не къ возрожденію религіи.

Обѣ свои статьи Энгельсъ заканчиваетъ обѣщаніемъ въ скоромъ времени подробнѣе остановиться на фабричной системѣ, на положеніи Англіи и на корнѣ этого вопроса, на положеніи рабочаго класса. Скорый конецъ Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ помѣшалъ ему выполнить свое обѣщаніе въ той формѣ, въ какой онъ предполагалъ; позже онъ выполнилъ это въ другой формѣ.

4. „Святое семейство".

Еще прежде, чѣмъ Марксу и Энгельсу представилась возможность продолжить ту работу, которую они начали въ „Нѣмецко-французскихъ Ежегодникахъ", они соединились для первой своей совмѣстной работы, для критическаго разбора германскаго идеализма, поскольку онъ нашелъ себѣ опредѣленное выраженіе у Бруно Бауэра и у берлинскихъ „Свободныхъ". Статьи для „Ежегодниковъ" способствовали тому, что между Марксомъ и Энгельсомъ завязалась оживленная переписка; въ сентябрѣ 1844 года Энгельсъ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Парижъ, чтобъ посѣтить Маркса. Тѣмъ же мѣсяцемъ помѣчено предисловіе къ сочиненію, которое вышло изъ печати во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1845 году подъ такимъ заглавіемъ: „Святое семейство или Критика критической критики, противъ Бруно Бауэра и товарищей", сочиненіе Маркса и Энгельса. Между этой работой и „Нѣмецко-французскими Ежегодниками" нѣтъ никакой внѣшней связи, но по внутреннему характеру своему она вполнѣ принадлежитъ къ тому кругу мыслей, которымъ Марксъ и Энгельсъ занимались въ этомъ журналѣ. Въ извѣстной мѣрѣ это первое практическое испытаніе недавно выработанной ими точки зрѣнія; удачный исходъ этого испытанія долженъ былъ бы, кромѣ того, явиться новымъ подкрѣпленіемъ этой точки зрѣнія.

Согласно предисловію авторовъ, цѣль „Святого семейства“ разъяснить широкой публикѣ иллюзіи спекулятивной философіи. „У реальнаго гуманизма въ Германіи нѣтъ болѣе опаснаго врага, чѣмъ спиритуализмъ или спекулятивный идеализмъ, который на мѣсто живой индивидуальности ставитъ „самосознаніе“ или „духъ“ и затѣмъ въ полномъ согласіи съ евангелистами поучаетъ: духъ есть источникъ жизни, а плоть безполезна. Понятно, ума за этимъ безплотнымъ духомъ никто, кромѣ его самого, не признаетъ. Въ критикѣ Бауэра мы главнымъ образомъ боремся противъ спекуляціи, доходящей до каррикатурности. Мы видимъ въ ней наиболѣе совершенное выраженіе христіанско-германскаго принципа, дѣлающаго свою послѣднюю попытку создать сверхъестественную силу хотя бы изъ „критики“. Статья Маркса и Энгельса разсматриваетъ восемь первыхъ выпусковъ „Всеобщей Литературной Газеты“, которую Бруно Бауеръ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Эдгаромъ, съ Фаухеромъ, Юнгницомъ, Сцелигой и другими издавалъ съ декабря 1843 года въ Шарлоттенбургѣ.

Въ этомъ ежемѣсячномъ журналѣ берлинскіе „Свободные“ пытались обосновать свое міровоззрѣніе, изслѣдовать историческое значеніе всѣхъ важныхъ явленій, вліявшихъ на современную имъ жизнь, религію и философію, христіанство и іудейство, пауперизмъ и соціализмъ, англійскую промышленность и французскую революцію, и произнести надъ всѣмъ этимъ приговоръ съ точки зрѣнія абсолютнаго самосознанія и критической критики. Программа журнала до нѣкоторой степени выражена была въ слѣдующихъ словахъ Бруно Бауера: „Всѣ великія дѣянія предшествовавшихъ историческихъ періодовъ уже потому и a priori были напрасны и не могли имѣть дѣйствительнаго успѣха, что народныя массы могли заинтересоваться и воодушевиться ими; другими словами, эти дѣянія должны были имѣть печальный конецъ, потому что идея, которую

они имѣли въ виду, не требовала сколько нибудь глубокаго развитія и должна была разсчитывать на сочувствіе массъ“. Красною нитью проходитъ черезъ „Всеобщую Литературную Газету“ эта противоположность между „духомъ“ и „массою“; въ ней говорится, что духъ теперь уже знаетъ, гдѣ искать единственнаго противника своего; это именно самообманъ и поверхностность народныхъ массъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта точка зрѣнія имѣетъ много общаго съ той, которая послужила исходнымъ пунктомъ для великихъ утопистовъ. Такія массовыя движенія, какъ французская революція, которыя казалось, сдвинули міръ съ его устоевъ, фактически потерпѣли неудачу и кончились весьма тривіальнымъ деспотизмомъ лавочниковъ. До настоящаго времени весь духовный прогрессъ фактически проявлялся во вредъ народнымъ массамъ, такъ какъ онъ ставилъ ихъ во все ухудшавшееся, не человѣческое положеніе. Фурье и Овенъ тоже въ нѣкоторой мѣрѣ стали передъ пассивными народными массами въ роли дѣятельнаго духа. Разница была только та, что они имѣли передъ собой развитое буржуазное общество, тогда какъ Бауэръ и его школа жили въ феодальномъ отсталомъ и въ низкомъ мѣщанскомъ обществѣ, что тѣ были практичными дѣловыми людьми, а эти — нѣмецкими философами, что тѣ стояли на почвѣ французскаго матеріализма, а эти — на почвѣ германскаго идеализма, что тѣ занимались изслѣдованіемъ основъ реальнаго общества, отношеній человѣка къ промышленности и природѣ, а эти — какой-то воображаемый духъ сдѣлали руководителемъ какой-то воображаемой исторіи.

Ко всѣмъ „массовымъ“ движеніямъ своего времени „Всеобщая Литературная Газета“ относилась не только отрицательно, но и безъ всякаго чутья. Англійская промышленность находила у нея столь же мало снисходительности, какъ и французская революція; жизнь и дѣятельность западно-европейскихъ культурныхъ наро-

довъ въ большей или меньшей степени представлялась ей отвратительной. Но даже по отношенію къ германскимъ условіямъ она была крайне реакціоннымъ органомъ. Она не только отдала все, что было завоевано Фейербахомъ, но даже гегелевскую философію подвергла печальному искаженію. У Гегеля абсолютный духъ является въ сознаніи отдѣльнаго философа въ качествѣ творческаго всемірнаго духа только заднимъ числомъ, и этимъ Гегель показывалъ, что только спекулятивному воображенію абсолютный духъ представляется творцомъ исторіи, и этимъ же Гегель ясно предостерегъ противъ ложнаго пониманія его въ томъ смыслѣ, что данный индивидуальный философъ самъ можетъ быть абсолютнымъ духомъ. Сторонники Бауэра и ихъ ученики смотрѣли на себя, какъ на личное воплощеніе критики, абсолютнаго духа, проявляющагося, какъ абсолютный духъ, черезъ нихъ именно, а не черезъ остальное человѣчество. Гегелевская философія была спекулятивнымъ выраженіемъ христіанско-германской догмы о господствѣ бога надъ міромъ, духа надъ матеріей. „Всеобщая же Литературная Газета“ была критической каррикатурой, въ которой гегелевская философія сама доводила себя до абсурда. Точка зрѣнія этого органа была такъ непрочна и воздушна, что даже въ философской атмосферѣ Германіи она скоро исчезла. „Всеобщая Литературная Газета“ не выпустила больше двѣнадцати номеровъ; въ заключеніи „Святого семейства“ Марксъ и Энгельсъ уже извѣщаютъ читателей о прекращеніи этого изданія.

Этимъ объясняется то, что авторовъ „Святого семейства“ уже немедленно послѣ выхода въ свѣтъ этого сочиненія стали упрекать въ томъ, что они ломаются въ открытую дверь. Одному изъ друзей авторовъ Руге писалъ: жаль, что „Всеобщая Литературная Газета“ не оказалась Гибралтаромъ, и прибавилъ еще нѣсколько словъ о той злостной и низкой полемикѣ, съ которой они накинулись на одного изъ прежнихъ очень близ-

кихъ друзей своихъ. Въ дѣйствительности же работу Маркса и Энгельса нельзя назвать ни злостной, ни низкой полемикой, ни измѣной дружбѣ, которой они были связаны съ Бруно Бауэромъ. Въ ней нѣтъ какихъ-либо личныхъ оскорбленій по отношенію къ Бауэру; она только показываетъ, что литературная дѣятельность школы идеалистической философіи свидѣтельствуетъ о полномъ ея банкротствѣ. Авторы „Святого семейства“ тѣмъ болѣе въ правѣ были сдѣлать это, что „Всеобщая Литературная Газета“ не прекращала своей полемики противъ того положенія, которое занялъ Марксъ въ „Рейнской Газетѣ“ и въ „Нѣмецко-французскихъ Ежегодникахъ“ по отношенію къ практической жизни; въ своемъ самодовольствѣ и самомнѣніи она даже всячески содѣйствовала домартовской реакціи и дружила даже съ цехами и съ цензурой.

Для Маркса и Энгельса полемика со школой Бауэра имѣла значеніе предварительной работы по приведенію въ порядокъ собственныхъ воззрѣній; эта полемика должна была выйти прежде ихъ самостоятельныхъ работъ, въ которыхъ каждый изъ нихъ отдѣльно долженъ былъ представить свои положительныя воззрѣнія и свое положительное отношеніе къ новымъ философскимъ и соціальнымъ ученіямъ. Современному читателю полемика по временамъ можетъ показаться черезчуръ мелочной, въ особенности тамъ, гдѣ она занимается Юнгницемъ и Сцелигой и другими забытыми величинами критической критики; по временамъ получается отъ этого даже впечатлѣніе утомительнаго многословія. Въ этой первой общей работѣ Маркса и Энгельса нельзя еще найти слѣдовъ той искусной эпиграммной критики, образцы которой они впослѣдствіи дали въ большомъ количествѣ. Но можетъ быть, что ихъ побудила останавливаться на такихъ подробностяхъ, которыя они сами охотно обошли бы, необходимость написать больше двадцати листовъ; только такой размѣръ могъ спасти ихъ книгу отъ нѣмецкой цензуры. Отъ

времени до времени въ работѣ прорывается крикъ юношескаго высокомѣрія, но нигдѣ вы не найдете низкой или пенизкой злобы. Когда прошелъ послѣ этого періодъ человѣческаго поколѣнія и Бруно Бауэръ умеръ одинокій и забытый всѣми, то одинъ только Энгельсъ почтилъ непреходящія заслуги покойнаго въ прочувствованной статьѣ.

Невѣрно и то утвержденіе, будто „Святое семейство“ ломится въ открытую дверь. Доказательство запустѣнія идеалистической философіи вплоть до языка и стиля имѣетъ меньше всего значенія въ этомъ сочиненіи. Въ немъ уже блестяще проявляется другая отличительная особенность полемики Маркса и Энгельса, именно тотъ продуктивный духъ, который идеологическое воображеніе побиваетъ положительными фактами, который творитъ, разрушая, строитъ, сламывая старое. Такъ, Марксъ нѣсколькимъ критическимъ фразамъ Бруно Бауэра противопоставляетъ „въ краткомъ очеркѣ“ необычайной силы „простую массовую исторію“ французскаго матеріализма. Въ полемикѣ съ Юліемъ Фаухеромъ Энгельсъ разсматриваетъ классовую борьбу между крупнымъ землевладѣніемъ, капиталомъ и трудомъ, съ той именно точки зрѣнія, какая требуется; а что онъ при этомъ не ломался въ открытую дверь, лучше всего доказываетъ то, что ему не удалось даже добиться того, чтобъ германская интеллигенція хотя бы выслушала его. То же можно сказать и относительно замѣчаній о французской революціи, которыми Марксъ отпарировалъ высокомѣрную болтовню Бруно Бауэра объ „экспериментѣ восемнадцатаго вѣка“.

Въ этихъ отдѣлахъ „Святого Семейства“, равно какъ и въ тѣхъ, гдѣ Марксъ вторично полемизируетъ съ Бруно Бауэромъ по еврейскому вопросу, онъ придалъ болѣе общій и глубокій характеръ тѣмъ идеямъ, которыя нашли уже себѣ выраженіе въ „Нѣмецко-французскихъ Ежегодникахъ“. Бауэръ вѣдь выставилъ своимъ главнымъ положеніемъ, что всѣ великія дѣя-

нія предшествовавшей исторіи уже по той причинѣ и a priori были напрасны и не имѣли дѣйствительнаго успѣха, что массы заинтересовались и воодушевились ими, что идея, о которой тогда шло дѣло, должна была разсчитывать на одобреніе массъ. На это Марксъ возражалъ: „Идея“ всегда осрамлялась постольку, поскольку она не совпадала съ какими-нибудь „интересами“. Съ другой стороны, легко понять, что, выступая впервые на арену всемірной исторіи, всякій массовый, исторически осуществляющійся „интересъ“ въ „идеѣ“ или въ „представленіи“ понимается шире, чѣмъ онъ въ дѣйствительности и отождествляетъ себя съ человѣческими интересами вообще. Эта иллюзія и есть то, что Фурье называетъ тономъ каждой исторической эпохи. Интересъ буржуазіи къ революціи 1789 года вовсе не былъ „напрасенъ“; буржуазія все „выиграла“ и имѣла „самый глубокій“ успѣхъ, хотя тотъ „паѳосъ“ и тѣ цвѣты „энтузіазма“, которые окружали колыбель этого интереса, и исчезли и завяли. Интересъ этотъ былъ столь могущественнымъ, что онъ побѣдилъ перо Марата, гильотину террористовъ, шпагу Наполеона, крестъ и династію Бурбоновъ. Только для тѣхъ массъ революція оказалась „напрасной“, политическая „идея“ которыхъ не была идеей ихъ реальныхъ „интересовъ“, чей дѣйствительный жизненный принципъ не былъ вмѣстѣ съ тѣмъ жизненнымъ принципомъ революціи, чьи реальныя условія эмансипаціи существенно отличались отъ тѣхъ условій, въ которыхъ буржуазія могла эмансипировать себя и общество“. Революція была напрасна, потому что она не вышла за предѣлы жизненныхъ условій массы, ограниченной, спеціальной и не охватывающей все общество, потому что для многочисленнѣйшей небуржуазной части массы принципъ революціи не былъ интересомъ, а исключительно идеей.

Попытка террористовъ устроить современное государство, покоющееся на буржуазномъ обществѣ, по образцу античнаго государства, покоившагося на раб-

ствѣ, была иллюзіей. „Какой колоссальный самообманъ— въ правахъ человѣка признать и санкціонировать современное буржуазное общество, промышленное общество, общество всеобщей конкурренціи, общество свободной игры частныхъ интересовъ, анархіи, самоотчужденной физической и духовной индивидуальности, и въ то же время желать уничтожить жизненныя проявленія этого общества въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, украсить это общество политической головой античнаго образца“! Когда Наполеонъ сталъ на ту точку зрѣнія, что государство есть самоцѣль, что буржуазная жизнь должна играть роль его казначея и подчиненнаго, не имѣющаго собственной воли, онъ тоже ухватился за иллюзію. Иллюзіи эти были причиной паденія Наполеона и паденія террористовъ. Тогда буржуазія снова стояла передъ контръ-революціей. „Наконецъ въ 1830 году она осуществила свои желанія 1789 года съ тою только разницей, что политическое образованіе ея было закончено, что въ представительномъ конституціонномъ государствѣ она видѣла не средство спасти міръ, не идеалъ государства, стремящагося къ достиженію общечеловѣческихъ цѣлей, а оффиціальное выраженіе своей исключительной силы, политическое признаніе особыхъ ея интересовъ“. Исторія французской революціи, начавшейся въ 1789 году, этимъ однако не закончилась, многозначительно заканчиваетъ Марксъ этотъ отдѣлъ о французской революціи.

Вотъ какъ Марксъ обобщаетъ тотъ выводъ, къ которому приводятъ его эта и другія еще историческія экскурсіи въ „Святомъ семействѣ“: „Членовъ буржуазнаго общества объединяетъ естественная необходимость, свойства человѣческой природы, какъ разнородны ни были бы ея проявленія, интересъ; они связаны буржуазной, а не политической жизнью. Не государство объединяетъ атомы буржуазнаго общества (какъ говоритъ Бруно Бауэръ); это только атомы въ представленіи, въ воображеніи, фактически же они сильно отличаются

отъ атомовъ, и вовсе не какіе-то божественные эгоисты, а эгоистическіе люди. Только политическій изувѣръ можетъ себя убѣдить теперь въ томъ, что государство должно поддерживать порядокъ буржуазной жизни, тогда какъ въ дѣйствительности дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ, и государство поддерживается буржуазнымъ строемъ жизни". На презрительныя замѣчанія Бруно Бауэра о природѣ и промышленности Марксъ отвѣчаетъ въ такихъ выраженіяхъ: „Неужели критическая критика полагаетъ, что она хоть что-нибудь понимаетъ въ исторической дѣйствительности, если она находитъ возможнымъ исключить изъ историческаго процесса теоретическое и практическое отношеніе человѣка къ природѣ, естествознаніе и промышленность? Неужели она думаетъ, что она дѣйствительно изучила какой-нибудь періодъ, не изучивъ, напр., промышленности этого періода, непосредственные способы производства жизни? Конечно спиритуалистическая, теологическая критическая критика знаетъ или воображаетъ, что знаетъ, только главныя политическія, литературныя, теологическія и государственныя историческія событія. Но какъ она отдѣляетъ мысль отъ мышленія, душу отъ тѣла, себя самое отъ міра, такъ она отдѣляетъ исторію отъ естествознанія и промышленности, такъ она источникъ исторіи видитъ не на землѣ, въ грубо-матеріальномъ производствѣ, а въ неясныхъ облакахъ на небѣ". Въ этихъ мысляхъ пробиваются къ свѣту молодые ростки матеріалистическаго воззрѣнія на исторію.

Зависимость Маркса и Энгельса отъ Фейербаха, съ одной, и отъ англійско-французскаго соціализма, съ другой стороны, еще замѣтна, но зависимость эта менѣе всего можетъ быть названа рабской. Безъ всякихъ оговорокъ признаютъ они геніальность сужденій Фейербаха, его крупныя заслуги и искусство въ созданіи основы для критики всякой метафизики, въ замѣнѣ всякой дряни, не исключая безконечнаго само-

сознанія, человѣкомъ. Но отъ гуманизма Фейербаха они идутъ къ соціализму, отъ абстрактнаго человѣка къ историческому. Нельзя не удивляться той силѣ мысли, которая помогаетъ имъ разбираться въ хаотической путаницѣ западно-европейскаго соціализма. Они разоблачаютъ тайну той соціалистической игры, которою забавлялась сытая буржуазія. Сама человѣческая нужда, безграничная заброшенность, протягивающая руку за подаяніемъ, служатъ предметомъ забавы аристократіи ума и денегъ; она этимъ удовлетворяетъ свое себялюбіе, это щекочетъ ея самодовольство: другого смысла не имѣетъ множество благотворительныхъ союзовъ въ Германіи, благотворительныхъ обществъ во Франціи, многочисленныя благотворительныя донъ кихотства въ Англіи, концерты, балы, спектакли, благотворительные обѣды, даже общественныя подписки для жертвъ несчастныхъ случаевъ.

Изъ великихъ утопистовъ для идей „Святого Семейства" больше всего далъ Фурье. Но Энгельсъ уже отличаетъ Фурье отъ фурьеризма; онъ говоритъ, что тотъ водянистый фурьеризмъ, который проповѣдуетъ „Мирная Демократія", представляетъ собой не болѣе, какъ соціальное ученіе части филантропической буржуазіи. Марксъ напираетъ на то, что „организація труда" лозунгъ не соціалистической партіи, но политически-радикальной, которая во Франціи старается примирить политику съ соціализмомъ. Оба они напираютъ на то, чего никогда не понимали великіе утописты: на историческое развитіе, на самостоятельное движеніе рабочаго класса. Эдгаръ Бауэръ дѣлаетъ сверхумное замѣчаніе, что рабочій ничего не дѣлаетъ и поэтому у него ничего нѣтъ, а не дѣлаетъ онъ ничего потому, что работа его всегда нѣчто ни съ чѣмъ не связанное, разсчитанное на самыя необходимыя его потребности, повседневное; Энгельсъ на это отвѣчаетъ: „Ничего не дѣлаетъ критическая критика, рабочій дѣлаетъ все, въ такой мѣрѣ все, что онъ посрамляетъ

даже духовное творчество всей критики; англійскіе и французскіе рабочіе могутъ служить доказательствомъ этого“. Яко-бы исключительную противоположность, установленную Бруно Бауэромъ, между „духомъ“ и „массой“ Марксъ иллюстрируетъ между прочимъ замѣчаніемъ, что за коммунистической критикой утопистовъ сейчасъ послѣдовало практическое движеніе крупныхъ массъ; чтобъ составить себѣ представленіе о человѣчности и благородствѣ этого движенія, говоритъ онъ, нужно быть знакомымъ съ развитіемъ, любознательностью, нравственной энергіей, неутомимымъ стремленіемъ къ развитію французскаго и англійскаго рабочаго.

Французскій пролетаріатъ нашелъ себѣ выдающагося представителя въ лицѣ Прудона, сочиненіе котораго о собственности въ извѣстной мѣрѣ представляетъ собой передовой постъ западно-европейскаго соціализма. Въ соотвѣтствіи съ этимъ „Всеобщая Литературная Газета“ обошлась съ Прудономъ особенно нехорошо: его не только по достоинству не оцѣнили, но даже невѣрно перевели. Вотъ почему этотъ пролетарій среди французскихъ соціалистовъ подвергается особенно подробной критикѣ. Отдѣлы, посвященные ему, какъ и вообще большая часть книги, принадлежатъ перу Маркса. Передъ лицомъ развѣнчивающей критики Эдгара Бауэра онъ горячо выступаетъ на защиту Прудона, и это дало поводъ для той академической сказки, что Марксъ былъ почитателемъ и поклонникомъ того самаго Прудона, на котораго онъ впослѣдствіи напалъ такъ рѣзко.

Фактически же Марксъ въ „Святомъ Семействѣ“ далекъ отъ того, чтобы отождествлять себя съ Прудономъ; онъ даже сравниваетъ его съ Бруно Бауэромъ. Эдгаръ Бауэръ нашелъ очень смѣшнымъ, что Прудонъ въ принципѣ равенства видитъ конечную основу всѣхъ доказательствъ въ пользу частной собственности, и все таки изъ того же принципа хочетъ вывести отри-

цаніе той же собственности. На это Марксъ отвѣчаетъ, что въ этомъ отношеніи Прудонъ только подражаетъ Бруно Бауэру; въ основу всѣхъ своихъ сужденій Бруно Бауэръ кладетъ безконечное самосознаніе и этотъ же принципъ считаетъ творческимъ принципомъ Евангелія, повидимому, противорѣчащаго своей безконечной безсознательностью безконечному самосознанію. Затѣмъ Марксъ остроумно показываетъ, что для практичнаго француза принципъ равенства то же, что принципъ самосознанія для теоретика-нѣмца; въ Германіи разрушительная критика до того, какъ Фейербахъ ввелъ въ нее воззрѣніе реальнаго человѣка, старалась разрушить все опредѣленное и существующее принципомъ самосознанія; во Франціи ту же роль для разрушительной критики сыгралъ принципъ равенства.

Подобно тому, какъ Бруно Бауэръ критически разобралъ теологію, оставаясь на почвѣ теологіи же, такъ и Прудонъ критически разобралъ политическую экономію, оставаясь на почвѣ политической экономіи. Крупный успѣхъ, достигнутый Прудономъ, Марксъ видитъ въ томъ, что онъ впервые подвергъ рѣшительной, вполнѣ свободной и въ то же время научной критикѣ частную собственность, основную предпосылку политической экономіи, на которую представители послѣдней смотрѣли какъ на незыблемый, не подлежащій сужденію фактъ. Конечно, и прежде политико-экономы замѣтили уже противорѣчіе между человѣчной видимостью политико-экономическихъ предпосылокъ, какъ заработная плата, цѣнность и т. п., и безчеловѣчностью частной собственности въ дѣйствительности; но въ такихъ случаяхъ они только нападали на частичное проявленіе частной собственности, какъ на искаженіе разумной по своей сущности, т. е. въ ихъ представленіи, заработной платы или цѣнности; такъ поступилъ Адамъ Смитъ по отношенію къ капиталистамъ, Сисмонди — къ фабричной системѣ, Рикардо — къ земельной собственности. Этой безсознательности

Прудонъ разъ навсегда положилъ конецъ, серьезно отнесшись къ человѣчному облику политико-экономическихъ отношеній и рѣзко противопоставивъ ее безчеловѣчной дѣйствительности. Искаженіемъ политико-экономическихъ отношеній онъ представилъ собственность вообще, а этимъ было сдѣлано все, что могла сдѣлать критика политической экономіи, оставаясь на политико-экономической точкѣ зрѣнія. Но Прудонъ не оставляетъ этой точки зрѣнія; онъ борется противъ политической экономіи при помощи ея же собственныхъ предпосылокъ, поэтому, когда онъ хочетъ представить себѣ присвоеніе человѣкомъ какого-нибудь предмета, то онъ не можетъ обойтись безъ политико-экономической формы владѣнія; объявляя владѣніе общественной функціей, онъ не можетъ найти соотвѣтственной формы для осуществленія своей мысли.

Борясь противъ попытки Бауэра неясными рѣчами сдѣлать призрачнымъ достигнутый Прудономъ успѣхъ, Марксъ столь же рѣшительно раскрываетъ политико-экономическую ограниченность Прудона, какъ онъ раньше раскрылъ теологическую ограниченность Бауэра. Эдгаръ Бауэръ осуждалъ „односторонность“ Прудона, который употребляетъ въ качествѣ оружія фактъ нужды и нищеты; этотъ фактъ онъ объявляетъ абсолютно допустимымъ, фактъ частной собственности абсолютно недопустимымъ. Критика же сводитъ къ одному оба эти факта, нужду и частную собственность, признаетъ ихъ связь и создаетъ изъ нихъ нѣчто цѣлое, изслѣдуетъ предпосылки существованія этого цѣлаго. Съ этими мелкими идеологическими фразами Марксъ раздѣлывается очень просто; предпосылкой существованія этого цѣлаго, говоритъ онъ, является сущность обѣихъ сторонъ его. Пролетаріатъ и богатство—противоположности. Въ качествѣ противоположностей они тѣмъ не менѣе создали цѣлое, оба они являются формами частной собственности. Недостаточно

сказать, что это двѣ стороны одного цѣлаго, такъ какъ рѣчь идетъ объ опредѣленномъ положеніи, которое пролетаріатъ и богатство въ этомъ цѣломъ занимаютъ, „Частная собственность, какъ таковая, какъ богатство, вынуждена поддерживать свое существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и существованіе своей противоположности, пролетаріата. Довольная собой частная собственность это — положительная сторона этой противоположности. Наоборотъ, пролетаріатъ, какъ таковой, вынужденъ уничтожить себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту противоположность, которая обусловливаетъ его существованіе, превращаетъ его въ пролетаріатъ: частную собственность. Это отрицательная сторона противоположности, ея внутреннее безпокойство, уничтоженная и уничтожающая себя частная собственность. Въ рамкахъ этой противоположности пролетаріатъ такимъ образомъ является разрушающей партіей, собственники — консервативной. Послѣдніе работаютъ на пользу сохраненія этой противоположности, первый работаетъ надъ ея уничтоженіемъ. Конечно, частная собственность и сама, въ своемъ политико-экономическомъ движеніи, идетъ по дорогѣ собственнаго уничтоженія, но этотъ процессъ развитія отъ нея совершенно независимъ, совершается безсознательно и противъ ея воли, обусловленъ самою природою вещей; процессъ этотъ заключается еще, кромѣ того, въ созданіи пролетаріата, какъ таковаго въ созданіи нужды, сознающей свою физическую и духовную нужду, въ созданіи массы, которую лишаютъ человѣческаго образа, но сознающей это и борющейся за исчезновеніе такой массы. Пролетаріатъ приводитъ въ исполненіе тотъ приговоръ, который произноситъ надъ собой частная собственность, порождая пролетаріатъ; точно также онъ приводитъ въ исполненіе тотъ приговоръ, который произноситъ надъ собой наемный трудъ, создающій чужое богатство и собственную нужду. Когда пролетаріатъ побѣдитъ, то этимъ онъ вовсе не станетъ положительной стороной общества, потому

что пролетаріатъ для своей побѣды долженъ устранить и себя, и свою противоположность. Тогда не будетъ уже ни пролетаріата, ни обусловливающей его противоположности—частной собственности.

Марксъ самымъ опредѣленнымъ образомъ напередъ отвѣчаетъ на то возраженіе, которое впервые сдѣлано было критической критикой и съ тѣхъ поръ никогда окончательно не умолкало, именно, что, приписывая пролетаріату такую всемірно-историческую роль, онъ дѣлаетъ его богомъ. Онъ говоритъ: „Совсѣмъ напротивъ! Пролетаріатъ можетъ и долженъ освободить себя потому, что сложившійся пролетаріатъ представляетъ практическое, но законченное отвлеченіе отъ всего человѣческаго, даже отъ образа человѣческаго, потому что жизненныя условія пролетаріата это совокупность всѣхъ безчеловѣчныхъ жизненныхъ условій современнаго общества, потому что въ пролетаріатѣ человѣкъ потерялъ себя, но въ то же время не только теоретически созналъ эту потерю; нужда, неизбѣжная, не допускающая никакихъ прикрасъ, нужда, какъ практическое выраженіе необходимости, прямо и непосредственно вынуждаютъ пролетаріатъ къ возмущенію противъ этой безчеловѣчности. Но пролетаріатъ не можетъ освободить себя, не устранивъ жизненныхъ условій своего существованія. Онъ не можетъ устранить жизненныхъ условій своего существованія, не устранивъ всѣхъ безчеловѣчныхъ жизненныхъ условій современнаго общества, совокупность которыхъ и характеризуетъ положеніе пролетаріата. Не даромъ онъ проходитъ суровую, закаляющую школу труда. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, что тотъ или другой пролетарій или даже весь пролетаріатъ ставитъ себѣ цѣлью въ данный моментъ. Важно то, что такое представляетъ собою пролетаріатъ и что онъ въ силу этого исторически вынужденъ будетъ дѣлать. Цѣль пролетаріата и его историческая роль ясно и неизмѣнно предначертаны его положеніемъ въ жизни и всей организаціей современнаго буржуазнаго общества“. Затѣмъ

Марксъ еще разъ подчеркиваетъ, что значительная часть англійскаго и французскаго пролетаріата уже сознала свою историческую задачу и не перестаетъ работать надъ тѣмъ, чтобы придать этому сознанію полную ясность.

Повидимому, „Святое Семейство“ осталось незамѣченнымъ современниками. Получивъ отпечатанную книгу, самъ Энгельсъ нашелъ, что она слишкомъ объемиста и что бóльшая часть ея широкой публикѣ будетъ непонятна; меньше всего понравилась авторамъ преувеличенная похвала и далеко не столь понимающая критика, напечатанная въ „Вестфальскомъ Пароходѣ“ (Westfälisches Dampfboot). На современнаго читателя эта работа легко можетъ произвести впечатлѣніе истлѣвшихъ углей, но если глаза его умѣютъ видѣть, то онъ сумѣетъ найти въ этой кучѣ не одинъ драгоцѣнный камень непреходящаго блеска.

Глава десятая.

Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ.

„Святое Семейство“ было началомъ совмѣстной жизненной работы Маркса и Энгельса; работа эта длилась почти сорокъ лѣтъ и имѣла руководящее значеніе для историческаго развитія интернаціональной, а особенно германской соціалъ-демократіи.

Оба они были связаны такой дружбой, что еще одного такого примѣра сильной и испытанной дружбы исторія знаменитыхъ людей указать не можетъ. Въ ней не было мѣста какому-нибудь тренію и какимъ-нибудь недоразумѣніямъ, возникновеніе которыхъ было бы болѣе, чѣмъ естественно между такими различными, ясно-выраженными характерами, при тысячахъ превратностей ихъ борьбы, столь же богатой пораженіями, какъ и побѣдами. Отъ всѣхъ искушеній, которыми внѣшній міръ намѣренно или ненамѣренно могъ бы

испытывать ее, она была защищена сильнымъ панцыремъ. Въ настоящій моментъ, а, можетъ быть, и навсегда останется невозможнымъ выдѣлить, что принадлежитъ каждому изъ нихъ въ общей работѣ. Правда, послѣ смерти Маркса Энгельсъ приписывалъ Марксу бóльшее, даже подавляюще большее значеніе въ ихъ общей работѣ, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Марксъ дѣйствительно былъ геніальнѣе, глубже его. Но если Энгельсъ совершенно справедливо говоритъ, что безъ Маркса онъ не сдѣлалъ бы того, что онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Марксомъ, то это же надо распространить и на ранѣе сошедшаго со сцены соратника его: Марксъ безъ Энгельса тоже не сталъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Это можно уже замѣтить съ самаго начала ихъ дѣятельности.

Карлъ Марксъ родился 5 мая 1818 года въ Трирѣ; онъ былъ сыномъ адвоката, впослѣдствіи судейскаго совѣтника Генриха Маркса, еврея, принявшаго въ 1824 году вмѣстѣ со всей семьей своей христіанство. Уже очень скоро подрастающій мальчикъ сталъ вселять родителямъ самыя честолюбивыя надежды, которыя и осуществились, правда, но не въ томъ смыслѣ, какъ надѣялись родители. Мать его была голландская еврейка и за всю жизнь свою умѣла говорить только ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ; она была любящей, заботливой женщиной, но въ духовномъ отношеніи не представляла ничего выдающагося; отецъ его былъ глубоко образованъ, былъ знакомъ съ Локкомъ, Лейбницомъ, Лессингомъ, и не только не былъ революціонеромъ, но былъ нѣмецкимъ, даже прусскимъ патріотомъ; это была мягкая, нѣжная натура, и первыя проявленія „демона“ въ любимомъ сынѣ уже озабочивали и пугали его. Онъ умеръ, когда Марксъ достигъ двадцатилѣтняго возраста, и былъ счастливѣе жены своей, которая дожила до 1863 года и должна была пережить самыя тяжелыя десятилѣтія громадной борьбы генія съ противодѣйствующимъ міромъ. Родителямъ восимъ

Марксъ обязанъ счастливымъ дѣтствомъ и беззаботной юностью; онъ былъ благодаренъ и за то безпристрастное положеніе, которое онъ съ самаго начала могъ занять по отношенію къ іудейству и котораго въ одинаковой съ нимъ мѣрѣ не сумѣлъ проявить ни одинъ германскій еврей съ историческимъ значеніемъ. Этого не сумѣли даже такія натуры, какъ Гейне и Лассаль, такіе умные люди, какъ Берне и Іоганнъ Якоби; послѣдній продолжалъ выставлять болѣе или менѣе удачные доводы въ пользу религіозной терпимости по отношенію къ евреямъ, когда Марксъ давно уже раскрылъ соціальное значеніе еврейскаго вопроса.

Еврейство въ восточной и западной Европѣ стояло на различныхъ культурныхъ ступеняхъ. Въ Португаліи, въ Испаніи, въ южной Франціи, въ Англіи и даже въ Голландіи оно жило преданіями великой въ своемъ родѣ исторіи, плыло по теченію буржуазной культуры, и даже отъ времени до времени повторявшіяся преслѣдованія только закаляли его въ упорной борьбѣ. Иначе обстояло дѣло въ восточной Европѣ, въ придунайскихъ земляхъ, въ Богеміи и Польшѣ, въ Германіи до Эльзаса и въ сѣверной Франціи. Живя среди населенія развратныхъ деспотовъ и порабощенной массы, необходимо нужное и тѣмъ и другимъ, презираемое ими и презирающее ихъ, еврейство здѣсь насквозь было пропитано паразитическимъ торгашествомъ и ростовщичествомъ. Эта соціальная противоположность сумѣла проявиться сильнѣе, чѣмъ общность крови и религіи. Такъ, напр., въ Гамбургѣ одновременно существовали высоко-образованная португальско-испанская община и совершенно необразованная нѣмецко-польская еврейская община, не входя другъ съ другомъ въ сколько-нибудь близкія отношенія. Вначалѣ законодательство французской революціи тоже отличало „южныхъ евреевъ“ отъ „сѣверныхъ евреевъ“; первоначально она эманципировала только первыхъ, вторымъ же она даровала одинаковыя права съ христіа-

нами только впослѣдствіи. „Кодексъ Наполеона" сохранилъ неизмѣннымъ это положеніе, но уже въ 1808 въ область позднѣйшей Рейнской Пруссіи прибылъ императорскій декретъ, сильно ограничивавшій еврейское ростовщичество. И въ этомъ отношеніи Рейнская Земля въ извѣстной мѣрѣ была связующимъ звеномъ между западной буржуазной и восточной феодальной Европой. Въ рейнскихъ городахъ распространялось то образованное еврейство, національный характеръ котораго и сохранялся и одновременно стирался буржуазной культурой, въ сельскихъ же областяхъ и какъ разъ въ окрестностяхъ Трира свирѣпствовало еврейское ростовщичество, душа мелкаго крестьянина тѣми утонченными способами, которые оно усвоило себѣ въ процессѣ разложенія феодальной восточной Европы.

Адвокатъ Марксъ водилъ знакомство и стоялъ въ служебныхъ отношеніяхъ съ тѣми чиновничьими кругами, отчеты которыхъ рѣзкими штрихами обрисовываютъ высасываніе мелкаго землевладѣнія еврейскимъ ростовщичествомъ. Одно изъ такихъ знакомствъ имѣло особенно рѣшающее значеніе для Маркса: сосѣдская дружба его родителей съ семьей правительственнаго совѣтника Вестфаленъ. Людвигъ фонъ Вестфаленъ не былъ прусскимъ бюрократомъ обыкновеннаго покроя. Отецъ его, тайный секретарь Филиппъ Вестфаленъ, во время семилѣтней войны былъ, какъ выражается одинъ буржуазный военный историкъ, „руководящимъ геніемъ въ главной квартирѣ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго"; онъ разбилъ на голову пять французскихъ маршаловъ въ пяти походахъ и пяти сраженіяхъ, оставаясь все время въ такой мѣрѣ статскимъ человѣкомъ, что никогда не одѣвалъ военной формы и съ улыбкой отказался отъ титула генералъ-адъютанта арміи, которымъ англійскій король думалъ его почтить. Онъ согласился только принять „пожалованіе въ дворянство", повидимому, изъ тѣхъ же соображеній, которыя побудили Шиллера согласиться на такое униженіе;

онъ хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ, которая по качествамъ души и сердца не уступала ему, подобно ему была бѣдна земными сокровищами, но была дочерью шотландскаго барона. Младшимъ сыномъ его отъ этого брака былъ Людвигъ фонъ Вестфаленъ, и если это не былъ тотъ же старый стволъ, то все же могучая вѣтвь его.

Первоначально онъ былъ брауншвейгскимъ совѣтникомъ, но когда Наполеонъ прогналъ Вельфовъ и основалъ королевство Вестфалію, онъ поступилъ на вестфальскую службу. Въ виду того, что „вестфальскій періодъ“ для прусскихъ, гессенскихъ, брауншвейгскихъ и другихъ областей оказался періодомъ множества реформъ, которыя давно уже были необходимы буржуазнымъ классамъ, но тормозились германскими правителями, Людвигъ фонъ Вестфаленъ считалъ совершенно неважнымъ вопросомъ, кто распоряжался въ Касселѣ, такой ненадежный патронъ, какъ Жеромъ Бонапартъ, или „природный“ отецъ земли и предатель, какъ знаменитый курфюрстъ въ парикѣ. Это не мѣшало ему въ то же время ненавидѣть французское господство, какъ чужеземное вообще; въ 1813 году маршалъ Даву арестовалъ его и заключилъ въ Гифтгорнъ подвергнувъ строгому тюремному режиму. Сейчасъ послѣ Ватерлоо Вестфаленъ получилъ повышеніе, раньше онъ былъ ландратомъ въ Зальцведелѣ, а теперь былъ назначенъ первымъ правительственнымъ совѣтникомъ въ Трирѣ; онъ оказался въ числѣ тѣхъ немногихъ, по отношенію къ которымъ берлинское правительство поступило согласно съ убѣжденіемъ, что во вновь полученную Рейнскую землю надо отправить наиболѣе буржуазныхъ, дѣльныхъ и свободныхъ отъ бюрократически-юнкерскихъ фантазій чиновниковъ.

Домъ этого свободомыслящаго бюрократа сталъ для молодого Маркса роднымъ. Старикъ Вестфаленъ научилъ его читать Гомера и Шекспира, которые остались любимыми поэтами его на всю жизнь. Дѣти

Вестфалена были товарищами его въ играхъ, а Женни фонъ Вестфаленъ, родившаяся въ 1814 году въ Зальцведелѣ и бывшая нѣсколько старше его, стала подругой его жизни и притомъ столь прекрасной и мужественной, какъ у очень немногихъ борцовъ-революціонеровъ. Уже въ 1836 году рѣшена была нераздѣльность ихъ судебъ; въ 1843 году, послѣ закрытія Рейнской Газеты, сыграна была въ Крейцнахѣ ихъ свадьба. Съ тѣхъ поръ Женни Марксъ не только раздѣлила работу, борьбу и судьбу своего супруга, но во всемъ приняла участіе съ глубокимъ пониманіемъ и горячей страстностью; даже заклятый врагъ „ужаснѣйшаго атеиста и коммуниста“ долженъ засвидѣтельствовать, что бракъ этотъ былъ заключенъ на небѣ.

Карьера Маркса началась подъ благопріятной звѣздой. Ему не пришлось тратить на борьбу съ внѣшними препятствіями рано обнаружившееся въ немъ богатство натуры; наоборотъ, она могла даже гармонически развиваться подъ благопріятнымъ вліяніемъ всей той соціальной среды, въ которой выросъ Марксъ. Въ его ростѣ и въ развитіи не было ничего такого, что могло бы превратить его въ того кривляку, какимъ хотѣли бы выставить его смертельные враги пролетаріата, въ того холоднаго, какъ ледъ, закоренѣлаго собой и міромъ недовольнаго демагога, у котораго въ жилахъ текла не кровь, а ѣдкія кислоты. Какъ разъ тотъ кусочекъ правды, которую содержитъ въ себѣ эта легенда, именно тотъ фактъ, что Маркса сдѣлало революціонеромъ не страстное возмущеніе, а глубокое пониманіе внутренней связи вещей, свидѣтельствуетъ о счастливой уравновѣшенности его развитія. Молодой Марксъ былъ бодрый, сильный, пышущій здоровьемъ человѣкъ и всѣ фибры его существа стремились къ полной, настоящей жизни. Первой его литературной работой были стихи. Онъ никогда не опубликовалъ ни одного стиха и вполнѣ правильно потому, что дара придавать своей рѣчи связную

форму у него не было, но несравненная пластика изображенія даже при разработкѣ самыхъ сухихъ темъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ много поэтическаго было въ немъ. Революціонная поэзія Гейне, Фрейлиграта, Веерта, носитъ на себѣ глубокіе слѣды его вліянія; всякій разъ, когда онъ высказываетъ какія-либо эстетическія сужденія, они отличаются и тонкостью и глубиной чувства.

На шестнадцатомъ году Карлъ Марксъ поступилъ въ боннскій университетъ, чтобъ согласно отцовской волѣ изучать тамъ юриспруденцію, но первый годъ ученіе не особенно, повидимому, клеилось. Съ тѣмъ большею страстностью любознательный юноша взялся за работу, когда онъ въ 1836 году послѣ помолвки переселился въ Берлинъ. Порядочнымъ студентомъ онъ и здѣсь не сталъ; въ теченіе девяти семестровъ онъ записался только на двѣнадцать лекцій, а сколько изъ нихъ онъ прослушалъ, тоже еще большой вопросъ, если только это имѣетъ значеніе. Сколько можно судить по его работамъ, на него изъ университетскихъ преподавателей оказалъ вліяніе только Гансъ, не перестававшій бороться тогда съ исторической школой права и главой ея, Савиньи. Для студента Маркса гораздо больше значенія имѣло то, что усталый отъ первой безнадежной борьбы съ пугающимъ множествомъ наукъ, онъ изъ своего уединенія попалъ въ кругъ берлинскихъ молодыхъ гегельянцевъ; послѣдніе въ это время не успѣли еще приступить къ критической ликвидаціи духовнаго наслѣдства своего учителя, какъ Штраусъ уже сдѣлалъ это въ Жизни Христа. Въ этомъ кружкѣ Марксъ тѣсно подружился съ Бруно Бауэромъ и Фридрихомъ Кеппеномъ; будучи десятью годами старше его, они уже занимали замѣтное мѣсто въ умственной республикѣ, но поддерживали товарищескія отношенія къ молодому студенту, въ твердой увѣренности, что онъ несетъ на арену борьбы могучую, стоящую внѣ сравненія силу. Бруно Бауэръ не желалъ себѣ луч-

шаго товарища въ трудѣ и борьбѣ, а Фридрихъ Кеппенъ самый смѣлый памфлетъ свой посвятилъ другу изъ Трира.

Только послѣ упорнаго сопротивленія Марксъ сдался гегелевской философіи, но тогда никто ужъ изъ многочисленныхъ апостоловъ ея такъ глубоко не понялъ, такъ основательно не изучилъ ея, какъ онъ. И это вовсе не можетъ служить доказательствомъ справедливости другой распространенной пошлости, что его равинское или даже крючкотворное остроуміе не могло насытиться работой надъ расщепленіемъ и разложеніемъ понятій. Что такъ сильно привлекло его къ гегелевской философіи, такъ это ея діалектическій методъ, революціонный характеръ котораго былъ прикрытъ кучей тѣней туманныхъ понятій. Марксъ расчистилъ эти понятія, погрузившись въ массу историческаго матеріала. Съ самаго начала онъ уже обнаружилъ то, что отличаетъ королей науки отъ ломовыхъ извозчиковъ ея, неутомимую жажду знанія и неутомимую самокритику. Уже очень рано друзья его начинаютъ жаловаться на его привычку работать ночи напролетъ, привычку, которая въ значительной степени надорвала его желѣзное здоровье. Это неутомимое прилежаніе Марксъ не растратилъ на то, чтобы расщепить еще разъ расщепленные уже волосы. Въ молодые годы свои онъ находилъ удовольствіе и въ томъ, что прислушивался, какъ гремитъ это діалектическое острое и тяжелое оружіе, что еще больше украшало нравственный обликъ сильнаго и охваченнаго бурными порывами юношу; видѣть же въ этомъ отталкивающую манерность или погоню за парадоксами и желаніе быть остроумнымъ можетъ только безсильная зависть.

Въ первое время взаимнаго охлажденія, когда злоба только сдѣлала взглядъ Руге болѣе острымъ, но не ослѣпила его, онъ гораздо правильнѣе судилъ о Марксѣ и писалъ о немъ Фейербаху въ такихъ выраженіяхъ: „онъ читаетъ очень много; онъ работаетъ

необыкновенно интенсивно, отличается критическимъ талантомъ, превращающимся иногда въ граничащую съ высокомѣріемъ діалектику, но онъ ничего не кончаетъ, все бросаетъ и снова бросается въ безконечное книжное море. По своимъ ученымъ задаткамъ онъ вполнѣ принадлежитъ германскому міру, но его революціонное мышленіе вполнѣ исключаетъ его оттуда". Въ этой характеристикѣ молодого Маркса нѣтъ лести, но и нѣтъ извращенія. Марксъ соединилъ въ себѣ всѣ фаустовскія стремленія германской научности, чтобы навсегда справиться съ ними. Онъ внесъ жизнь въ науку и науку въ жизнь. Это былъ тотъ шагъ, который оставалось сдѣлать германской образованности и который она во что бы то ни стало должна была сдѣлать, если она хотѣла и впредь оставаться рычагомъ историческаго развитія, а не безплоднымъ занятіемъ лишенныхъ всякой мысли филистеровъ. Тотъ ученый міръ, который исключалъ изъ своей среды Маркса за революціонный образъ мыслей, отказывался этимъ и отъ прошлаго своего и отъ будущаго, превращалъ себя въ понятливаго слугу переходящимъ интересамъ господствующихъ классовъ.

Въ 1841 году Марксъ кончилъ курсъ и получилъ степень доктора за статью объ отличіи между натурфилософіей Демокрита и Эпикура. Эта ученая работа была только первымъ наброскомъ задуманнаго имъ обширнаго сочиненія, съ подробнымъ изложеніемъ эпикурейской, стоической и скептической философіи; это какъ разъ тѣ греческія философіи самосознанія, которыя нѣкогда послѣдовали за философіей понятій Платона и Аристотеля, подобно тому, какъ философское самосознаніе Бруно Бауэра и его кружка послѣдовало за абсолютной идеей Гегеля, Марксъ никогда и не взялся за эту обширную работу, онъ даже не опубликовалъ своей докторской диссертаціи, за которую, онъ надѣялся получить доцентуру по философіи въ Боннѣ. Послѣ того, какъ Бруно Бауэръ въ качествѣ доцента

теологіи въ Боннѣ былъ подвергнутъ Эйхгорномъ дисциплинарной карѣ, Марксу нечего было дѣлать въ прусскомъ университетѣ. Со свойственной ей дальновидностью реакція вынуждала идти въ бой этого природнаго борца; на первыхъ литературныхъ работахъ Маркса мы все яснѣе замѣчаемъ, какъ борьба шагъ за шагомъ все дальше увлекала его по пути познанія, какъ эта борьба срывала съ его глазъ одну пелену за другой, какъ она все глубже заставляла его окунуться въ бушующія волны реальной жизни.

1844-й годъ, проведенный Марксомъ въ Парижѣ, безспорно является самымъ важнымъ годомъ юношескаго періода его жизни. Великая революція съ ея міровыми послѣдствіями, выдающіеся историческіе труды, стремившіеся проникнуть въ самыя сокровенныя глубины ея и позволявшіе прослѣдить классовую борьбу третьяго сословія вплоть до среднихъ вѣковъ, богатая литература, развивавшая самые тонкіе оттѣнки соціалистической мысли, а теперь въ видѣ „Утопіи“ Кабе, соціально-политической агитаціи Луи-Блана и „Манифеста“ Прудона, начинавшая проникать въ рабочую среду, — все это представляло такое разнообразіе впечатлѣній, что выбивало изъ колеи даже одаренныхъ людей; на геніальную силу Маркса все это могло подѣйствовать только бодрящимъ образомъ и не могло не побудить его собрать въ одномъ фокусѣ весь новый свѣтъ, который эти лучи содержали. Руге въ Парижѣ совсѣмъ потерялъ почву, Марксъ нашелъ тамъ первыя нити историческаго матеріализма.

Не въ часы журналистскаго легкомыслія придумалъ Марксъ, что экономическая структура общества обусловливаетъ его идеологическую надстройку; это можетъ говорить только та идеологія, которая считаетъ себя тѣмъ болѣе глубокомысленной, чѣмъ болѣе она мелка. Первоначально область матеріальныхъ интересовъ была отъ него столь же далека, какъ и отъ всякаго истаго гегельянца; но неумолимая необходимость

той борьбы, которую онъ такъ же мало могъ вызвать, какъ всякій другой человѣкъ, но которую онъ понялъ глубже, чѣмъ всякій другой человѣкъ, навела его на эту мысль. Онъ не закрывалъ съ упорствомъ глазъ передъ тѣмъ фактомъ, что идеалистическая точка зрѣнія классической философіи не можетъ послужить ему надежнымъ руководствомъ въ области исторіи; онъ искалъ и нашелъ ту реальную почву, на которой зиждется человѣческое общество. Если заслуга Штрауса, Руге и Бауэра заключается въ томъ, что они въ своей заоблачной выси нигдѣ не столкнулись о камни преткновенія экономики, никогда не могли найтись въ практическомъ мірѣ и умерли жертвами германскаго безвременья, то, съ другой стороны, въ этомъ вся вина Маркса.

Искусство, съ которымъ Марксъ умѣлъ владѣть діалектическимъ методомъ германской философіи, помогло ему скоро и увѣренно оглянуться и на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Съ весны 1842 года, когда онъ, еще весь покрытый идеологическими доспѣхами, вступалъ въ практическую борьбу, до осени 1844 года, когда онъ уже опередилъ въ ясномъ пониманіи общественныхъ соотношеній не только буржуазную политическую экономію, но и западно-европейскій соціализмъ въ лицѣ наиболѣе передовыхъ представителей его, Марксъ успѣлъ очень много. Правда, переходъ его отъ идеализма къ матеріализму не вполнѣ еще законченъ, а экономическія категоріи еще иногда выступаютъ у него въ философскомъ нарядѣ. Такъ, напр., съ удивительной проницательностью онъ предвидѣлъ то, что подтвердили уже шестьдесятъ лѣтъ исторіи, именно, что въ политической жизни Германіи буржуазія не будетъ имѣть значенія и что тѣмъ больше будетъ значеніе пролетаріата, но онъ выражаетъ это въ такой формѣ: въ Германіи возможна не политическая, но только человѣческая эмансипація. Тотъ взглядъ, которымъ Марксъ старался заглянуть въ подоплеку

буржуазнаго общества, прошелъ черезъ философскую выучку. Онъ видѣлъ, что оно должно умереть отъ родовъ болѣе развитаго общества, которое уже начинаетъ шевелиться въ темной глубинѣ его, но доказательства этого онъ беретъ пока изъ философскаго, а не изъ экономическаго арсенала.

Въ этомъ направленіи Фридрихъ Энгельсъ не только въ значительной мѣрѣ, но и рѣшительно дополнялъ Маркса. Подобно ему, Энгельсъ былъ природнымъ діалектикомъ, придавшимъ своимъ природнымъ задаткамъ гибкость и силу при помощи классической философіи. Его философское образованіе не было столь серьезнымъ, какъ образованіе Маркса, но его свѣтлый и ясный умъ легко помогъ ему понять, чтó въ жизненной работѣ Гегеля было безсмертнаго. Уже очень рано онъ вошелъ въ гущу практической жизни, и это преимущество съ избыткомъ возмѣщало пробѣлы въ систематичности его подготовки.

Фридрихъ Энгельсъ былъ сынъ фабриканта и родился въ Барменѣ 28 ноября 1820 года. Фирма Эрменъ и Энгельсъ въ исторіи рейнской промышленности стяжала себѣ славное имя той рѣшительностью, съ которой она выступила противъ установившагося обычая надувать въ мѣрѣ и вѣсѣ фабрикатовъ. Семейство Энгельсъ принадлежало къ числу первыхъ въ Барменѣ; какъ Маркса, такъ и Энгельса на революціонный путь направила не личная нужда, но высокая интеллигентность. Энгельсъ совершенно порвалъ съ глубоко-консервативнымъ и строго-религіознымъ духомъ своей семьи; мальчикомъ еще онъ охотно отказался отъ карьеры чиновника, къ которой его предназначали или о которой онъ думалъ. Онъ сперва прошелъ курсъ въ барменской реальной прогимназіи, гдѣ наглядное преподаваніе физики и химіи дало ему прекрасную подготовку для дальнѣйшаго изученія естественныхъ наукъ, потомъ онъ учился въ эльберфельдской гимназіи, и за годъ до выпускного экзамена

окончательно рѣшился на купеческую карьеру. Онъ поступилъ на выучку въ одинъ барменскій, а потомъ бременскій торговый домъ, отъ октября 1841 года до октября 1842 года онъ служилъ въ Берлинѣ вольноопредѣляющимся гвардейской артиллеріи. Не было такого природнаго рейнландца, который бы считалъ почетомъ ношеніе „военнаго мундира“, и рейнская буржуазія организовала сильно развѣтвленную систему подкупа, чтобъ избавить своихъ дѣтей отъ ненавистной службы; нельзя поэтому не найти характернымъ для практическаго смысла, съ которымъ Энгельсъ относился и къ не особенно пріятнымъ проявленіямъ дѣйствительной жизни, что въ старой казармѣ у Kupfergraben'a онъ пріобрѣлъ глубокій, никогда не остывшій интересъ къ военнымъ наукамъ.

Тѣмъ не менѣе и онъ находилъ время заниматься философіей. „Сущность христіанства“ Фейербаха произвела на него сильное впечатлѣніе, съ кружкомъ Бауэра онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, а отъ времени до времени онъ посылалъ корреспонденціи въ „Рейнскую Газету“. Въ редакціи ея онъ впервые встрѣтился съ Марксомъ; это было въ концѣ ноября 1842 года; Энгельсъ проѣзжалъ черезъ Кельнъ по дорогѣ въ Манчестеръ, гдѣ онъ долженъ былъ поступить приказчикомъ на фабрику, въ которой отецъ его былъ компаньономъ. Однако первая встрѣча Энгельса съ Марксомъ была очень холодной. Марксъ какъ разъ тогда выступилъ противъ берлинскихъ „Свободныхъ“, а Энгельсъ считался товарищемъ ихъ; съ другой стороны, кружокъ Бауэра, съ которымъ Энгельсъ состоялъ въ перепискѣ, возстановилъ его противъ Маркса.

Въ Манчестерѣ Энгельсъ провелъ 21 мѣсяцъ, отъ декабря 1842 года до сентября 1844 года. Здѣсь онъ прошелъ свою высшую школу; онъ находился въ средѣ той крупной промышленности, которая разлагаетъ буржуазное общество для того, чтобы создать основы соціалистическаго. Онъ изучалъ и ту, и другую сторону

этого всемірноисторическаго процесса, безчеловѣчную и человѣчную; его философское образованіе помогло ему понять ту внутреннюю связь между ними, которой не понимали еще ни англійскій соціализмъ, ни англійскій пролетаріатъ. Энгельсъ сотрудничалъ и въ органѣ чартистовъ „Northern Star", и въ органѣ Роберта Оуэна „New Moral World". Знакомство съ Бауэромъ, Моллемъ и Шапперомъ, руководившими „Союзомъ Справедливыхъ", было его первымъ знакомствомъ съ революціонерами-пролетаріями; онъ никогда не забылъ того хорошаго впечатлѣнія, которое произвели на него, собиравшагося еще стать человѣкомъ, эти три готовыхъ уже человѣка. Въ то время, какъ Марксъ изъ изученія французской революціи узналъ, что не государство поддерживаетъ буржуазное общество, а буржуазное общество поддерживаетъ государство, англійская промышленность показала Энгельсу, что экономическіе факты, которымъ въ историческихъ трудахъ того времени не приписывалось никакой или очень жалкая роль, представляютъ собой рѣшающую историческую силу, по крайней мѣрѣ, въ современномъ мірѣ, что эти экономическіе факты представляютъ собой ту основу, на которой возникли современныя классовыя противорѣчія, что эти классовыя противорѣчія, достигнувъ полнаго развитія въ странахъ съ крупной промышленностью, напр., въ Англіи, въ свою очередь становятся основой для образованія политическихъ партій, партійной борьбы и такимъ образомъ всей политической исторіи.

Различными путями пришли они оба къ той же цѣли. У Маркса еще преобладала философская, у Энгельса — экономическая точка зрѣнія. Марксъ придавалъ добытымъ результатамъ общую формулировку, тогда какъ Энгельсъ напиралъ на тѣ стороны, которыя имѣли значеніе для настоящаго и будущаго человѣчества. Марксъ назвалъ однажды опубликованные Энгельсомъ въ „Нѣмецко-французскихъ Ежегодникахъ"

критическіе очерки по политической экономіи геніальнымъ наброскомъ, и это замѣчательно вѣрно. Энгельсъ не провелъ систематической критики буржуазной политической экономіи; онъ бралъ ее въ нѣкоторой степени цѣликомъ, такъ какъ, напр., съ значительнѣйшимъ представителемъ ея Рикардо онъ былъ знакомъ со вторыхъ рукъ. Однако молодая и горячая голова его съ полной увѣренностью умѣла уже выбирать ея уязвимыя и безнадежно слабыя мѣста. Онъ побѣдоносно доказывалъ ей ея внутреннюю неразумность и обнаруживалъ тѣ раны, которыми она должна была истечь кровью. Энгельсъ первый намѣтилъ планъ экономической основы научнаго соціализма, и заслугу эту нельзя умалить его собственнымъ замѣчаніемъ, что Марксъ тоже могъ бы и самъ придти къ тому, что онъ открылъ. Для суда исторіи важно то, что было въ дѣйствительности, и вовсе не то, что могло бы быть.

Критика Карлейля не такъ важна по своему содержанію, какъ критика политической экономіи, но зато она имѣетъ гораздо бо́льшее значеніе для характеристики личности Энгельса. Какъ у Маркса, такъ и у него сила критическаго ума соединялась съ поэтическимъ чутьемъ, и лучше всего свидѣтельствуютъ въ пользу этого нѣсколько прекрасныхъ переводовъ англійскихъ рабочихъ и народныхъ пѣсенъ. Карлейль нравился ему, но онъ не поддался обольстительному очарованію пророка и мистика. Энгельсъ сумѣлъ постичь оригинальную глубину этого одинокаго духа, но онъ видѣлъ и тѣ границы, черезъ которыя Карлейль не могъ перешагнуть.

Когда Марксъ и Энгельсъ вторично встрѣтились въ Парижѣ осенью 1844 года, то обнаружилось ихъ полное единомысліе во всѣхъ теоретическихъ областяхъ. Ихъ братство по оружію основано было прежде всего на этомъ, но оно впослѣдствіи нашло не менѣе сильную поддержку въ томъ, что, какъ люди, они оказались на такой же высотѣ, на какой они стояли, какъ

мыслители и борцы. То обстоятельство, что они вели борьбу съ угнетателями только при помощи самаго остраго оружія, увѣренность, что въ твердой классовой борьбѣ ничего нельзя достигнуть тѣмъ дряблымъ и безплоднымъ настроеніемъ, которое филистеръ называетъ человѣческимъ сочувствіемъ и нравственнымъ возмущеніемъ, не могло помѣшать глубинѣ ихъ сочувствія угнетеннымъ и страждущимъ. Они были свободны отъ всякаго слѣда сантиментальности, въ нихъ не было ни малѣйшаго признака той пронырливости и слабости, мягкости и чувствительности, которыя стали характерными для германскаго мѣщанства, какъ продуктъ печальной трехсотлѣтней исторіи. Но они не были и мрачными фанатиками, не напускали на себя и на свои дѣла важности; ихъ мужественное и потому скромное самосознаніе презирало всѣ тѣ позы, въ которыя такъ охотно становятся „благороднѣйшіе и лучшіе“ общественные вожди буржуазныхъ классовъ. На службѣ своему дѣлу они могли быть безжалостны, потому что это было необходимо, но во всемъ остальномъ ничто человѣческое не было имъ чуждо. Они были добры, внимательны, готовы помочь всякому, сильныя, бодрыя натуры, полныя неисчерпаемой жизнерадостности; они умѣли смѣяться отъ чистаго сердца и они любили беззаботный смѣхъ дѣтей; ничто имъ не нравилось такъ въ евангельскомъ Христѣ, какъ его любовь къ дѣтямъ.

Послѣ перваго сблизившаго ихъ объясненія Марксъ и Энгельсъ временно разстались. Энгельсъ отправился въ Барменъ закончить свою работу о „Положеніи рабочаго класса въ Англіи“. Марксъ остался въ Парижѣ. Дорога на родину тогда уже закрылась для него; оберпрезидіумъ Кобленца на основаніи работъ его предписалъ пограничнымъ властямъ арестовать его. Но скоро и пребываніе въ Парижѣ стало для него невозможнымъ. Съ ревностью, заслуживающей признательности, прусское правительство заботилось о томъ,

чтобъ не заржавѣлъ мечъ его противника; изгнавъ его изъ Германіи, оно изгнало его и изъ Франціи. Внѣшнимъ предлогомъ для этого послужила случайная статья Маркса въ газеткѣ, при помощи которой германскіе эмигранты въ Парижѣ пытались продолжать свою борьбу противъ угнетателей своей родины.

Этой газеткой былъ „Vorwärts“ („Впередъ“), издававшійся съ 1844 года въ Парижѣ. Артистъ Гейнрихъ Бернштейнъ основалъ его на деньги композитора Мейербера, и первоначально она служила разностороннимъ и не всегда стоящимъ внѣ подозрѣній цѣлямъ своего основателя. Въ качествѣ литературнаго торгаша и торгаша весьма находчиваго, Бернштейнъ понялъ, что послѣ гибели „Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ“ можетъ сдѣлать хорошее дѣло, открывъ германскимъ эмигрантамъ столбцы своей газеты, какъ послѣднее убѣжище, къ тому же, несмотря на всю безобидность Vorwärts'а, и онъ не спасся отъ запрета со стороны германскаго правительства. Бернштейнъ заключилъ условіе съ Бернеемъ и предоставилъ ему мѣсто въ редакціи. Приблизительно въ серединѣ 1844 года „Vorwärts“ вступилъ въ политическую борьбу и понятно, что онъ не особенно стѣснялся, когда надо было пригвоздить къ позорному столбу многочисленныя позорныя дѣянія прусскаго деспотизма. Берней отбросилъ всякую церемонность по отношенію къ германской реакціи. Съ этого времени въ этой газетѣ отъ времени до времени появлялись статьи Гейне, Гервега, Бакунина, Гесса, Руге, такъ какъ другого органа не было; всѣ они писали совершенно независимо отъ редактора и подъ личной отвѣтственностью.

Сотрудничать въ „Vorwärts'ѣ“ Маркса въ нѣкоторой степени принудили. Руге написалъ въ этой газетѣ рядъ статей, которыя отчасти содержали въ себѣ неудачные анекдоты о прусской королевской четѣ, а отчасти философскія изреченія оракула, которыя должны были поднять на смѣхъ прусскаго короля и соціаль-

ную реформу. Руге говорилъ, что прусскій король и германское общество еще даже не предчувствуютъ предстоящей реформы. Въ такой неполитической странѣ, какъ Германія, говорилъ онъ, невозможно представить частичную нужду фабричныхъ округовъ важнымъ для всѣхъ дѣломъ, на нее смотрятъ, какъ на пожаръ или на наводненіе въ данномъ мѣстѣ. Король смотритъ на нее, какъ на недостатокъ въ управленіи и благотворительности и, въ концѣ концовъ, всѣ свои надежды возлагаетъ на доброе чувство христіанскаго сердца, выходящаго побѣдителемъ изъ всякаго затрудненія. Германскіе бѣдняки не умнѣе бѣдныхъ германцевъ, они тоже не видятъ ничего, кромѣ своего очага, своей фабрики, своего округа. Всему этому вопросу недостаетъ еще всепроникающей политической души, а соціальная реформа безъ политики невозможна. Эти и другія статьи свои Руге подписывалъ „Пруссакъ", и это вызывало подозрѣніе, что авторомъ ихъ является Марксъ, который дѣйствительно былъ пруссакомъ, между тѣмъ какъ Руге уже не былъ пруссакомъ со времени своего переселенія въ Дрезденъ. Французскимъ властямъ онъ выдалъ себя за саксонца и отдалъ себя подъ покровительство саксонскаго посольства въ Парижѣ.

Эта литературная двусмысленность Руге побудила Маркса напечатать въ „Vorwärts'ѣ" „Критическія примѣчанія" не къ шуточкамъ Руге на счетъ прусской королевской четы, конечно, а къ его философскимъ галлюцинаціямъ на счетъ прусской соціальной реформы. Марксъ указалъ на то, что не только неполитическая Пруссія, но даже политическая Англія, въ которой, къ тому же, пауперизмъ носитъ всеобщій характеръ, не можетъ увидѣть въ соціальной нуждѣ „важное для всѣхъ дѣло"; англійское законодательство о бѣдныхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ пауперизмѣ тамъ видятъ, во-первыхъ, законъ природы, во-вторыхъ, несовершенство управленія и, въ-третьихъ, злую волю рабочихъ; въ борьбѣ съ нимъ тамъ прибѣгли къ справоч-

нымъ свѣдѣніямъ работныхъ домовъ, гдѣ благотворительность остроумно переплетается съ местью буржуазіи тѣмъ нищимъ, которые взываютъ къ ея благотворительности. Такимъ образомъ и Англія „не предчувствуетъ еще предстоящей реформы", какъ это въ свое время было съ конвентомъ, этимъ максимумомъ политической энергіи, политической силы и политическаго пониманія. Какъ Англія ищетъ причину пауперизма въ злой волѣ бѣдняковъ, какъ прусскій король ищетъ ее въ нехристіанскомъ духѣ богатыхъ, такъ и конвентъ искалъ ее въ контрреволюціонномъ образѣ мыслей собственниковъ. Чтобъ уничтожить пауперизмъ, онъ рубилъ головы собственниковъ, Англія для той же цѣли наказываетъ бѣдняковъ, а прусскій король увѣщеваетъ богатыхъ.

Приблизительно такимъ же образомъ, какъ въ „Нѣмецко-французскихъ Ежегодникахъ", Марксъ доказываетъ, что государство, какова бы ни была форма его, не можетъ уничтожить противорѣчія между общими и частными интересами, потому что оно основано на этомъ противорѣчіи. „Эта разорванность, эта низость, это рабство буржуазнаго общества и есть тотъ естественный фундаментъ, на которомъ покоится современное государство, подобно тому, какъ рабство было естественной основой того общества, на которомъ покоилось античное государство. Государство и рабство неразрывно связаны другъ съ другомъ. Откровенныя противорѣчія классической эпохи — античное государство и античное рабство — были не менѣе тѣсно связаны другъ съ другомъ, чѣмъ ханжескія противорѣчія христіанскаго періода — современное государство и современное общество. Если бы современное государство пожелало уничтожить безсиліе своей администраціи, то оно должно было-бы уничтожить современную частную жизнь. Чтобъ уничтожить современную частную жизнь, оно должно уничтожить себя. Чѣмъ могущественнѣе государство, чѣмъ болѣе политической

является страна, тѣмъ менѣе она склонна искать причину соціальнаго зла и видѣть общій принципъ его въ принципѣ государства, т. е. въ современномъ общественномъ строѣ, дѣятельнымъ, сознательнымъ и офиціальнымъ выраженіемъ котораго и является государство. Политическое пониманіе потому и есть политическое пониманіе, что оно не выходитъ за предѣлы политики. Чѣмъ тоньше оно, чѣмъ живѣе, тѣмъ неспособнѣе оно къ пониманію соціальнаго зла. Классическимъ періодомъ политическаго пониманія является французская революція. Будучи далеки отъ того, чтобъ въ принципѣ государства увидѣть источникъ соціальнаго зла, герои французской революціи видѣли скорѣе въ соціальномъ злѣ источникъ политическаго неустройства.

На презрительное сужденіе Руге о германскихъ рабочихъ Марксъ отвѣчаетъ, что соціальная революція съ политическимъ содержаніемъ представляетъ собой внутреннюю безсмыслицу, когда, съ одной стороны, подъ соціальной революціей понимаютъ революцію въ противоположность политической, а, съ другой стороны, хотятъ придать ей политическое содержаніе. Соціальная революція съ политическимъ содержаніемъ есть только перефразировка того, что называютъ политической революціей или просто революціей. Поскольку революція носитъ соціальный характеръ, она разрушаетъ старое общество. Поскольку революція носитъ политическій характеръ, она низвергаетъ старую власть. „Поскольку соціальная революція съ политическимъ содержаніемъ представляетъ собой одну только фразу и не имѣетъ смысла, постольку же разумна политическая революція съ соціальнымъ содержаніемъ. Революція вообще — низверженіе существующей власти и уничтоженіе старыхъ отношеній — представляетъ собой политическій актъ. Безъ революціи соціализмъ осуществиться не можетъ. Этотъ политическій актъ ему нуженъ постольку, поскольку онъ долженъ нѣчто раз-

рушить и уничтожить. Тамъ же, гдѣ начинается его организующая дѣятельность, гдѣ выступаетъ его внутренняя цѣль, его содержаніе, тамъ соціализмъ сбрасываетъ свою политическую оболочку". Марксъ совѣтуетъ „Пруссаку" отказаться пока отъ писаній на политическія и соціальныя темы, а также отъ декламацій насчетъ состоянія Германіи, и вмѣсто этого запяться добросовѣстно уясненіемъ самому себѣ своего собственнаго положенія.

Конечно, Руге былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ, чтобъ принять хорошій совѣтъ Маркса. Неспособный возразить что-нибудь на ту отточенную діалектику, съ которой Марксъ раскрылъ всю неясность его мысли, онъ назвалъ его разрушителемъ и софистомъ, образованность его онъ назвалъ подгнившей и обрушился на „Vorwärts" всѣмъ лексикономъ померанской грубости. Еще во время существованія „Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ" онъ, какъ бережливый мѣщанинъ, не разъ совѣтовалъ Марксу расточать въ разговорѣ поменьше мыслей, а все, что приходитъ въ голову, старательно записывать и затѣмъ употреблять, какъ матеріалъ для статей; теперь уже прошло время, когда и ему приходило что-нибудь въ голову, и онъ довольствовался тѣмъ, что постоянно пускалъ въ ходъ философскія ходячія фразы изъ Галльскихъ (изд. въ Галле) и Германскихъ Ежегодниковъ.

Пока что Бернштейнъ не ошибся въ разсчетѣ. На „Vorwärts'ѣ", къ которому сотрудники прибѣгли, какъ къ единственному доступному оружію противъ притѣснителей свободнаго слова, сталъ замѣтенъ большой подъемъ, и онъ, несмотря на запрещеніе, получалъ въ Германіи все большее распространеніе. Понятно, что законная королевская власть въ Берлинѣ стала умолять незаконную буржуазно-королевскую власть въ Парижѣ оказать ей по дружбѣ и по сосѣдству полицейскую услугу. Повидимому, Гизо, при всей реакціонности своихъ воззрѣній оставался литературно-обра-

зованнымъ человѣкомъ, и не сразу внялъ мольбѣ; притомъ же дѣло было связано и съ другого рода затрудненіями; отъ французскихъ присяжныхъ невозможно было добиться „виновенъ", когда дѣло шло о мнимомъ или дѣйствительномъ оскорбленіи прусскаго величества; что же касается двухъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, къ которому приговорила редактора Бернея исправительная полиція за формальное нарушеніе французскихъ законовъ о печати, то это далеко еще не могло убить жизнь въ „Vorwärts'ѣ". Только некрасивому посредничеству Александра фонъ Гумбольдта удалось склонить Гизо, и въ серединѣ января 1845 года онъ предписалъ сотрудникамъ „Vorwärts'a", приблизительно въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, оставить Парижъ въ 24 часа, а Францію вообще въ кратчайшій срокъ.

Но тотъ ангелъ, который первоначально закрывалъ уши Гизо, предвидѣлъ хорошо будущее. Французская цивилизація возмутилась прусскимъ варварствомъ, національное гостепріимство она цѣнила выше грязныхъ происковъ Берлина. Независимая печать заявила рѣшительный протестъ противъ министерства Гизо, принимавшаго на себя роль палача. Съ другой стороны, Бернштейнъ хорошо понималъ ту истину, что глиняный горшокъ долженъ уступить въ столкновеніи съ чугуннымъ. Прекрасныя души поняли другъ друга, Бернштейнъ добровольно отказался выпускать дальше „Vorwärts", а правительство зато отмѣнило по отношенію къ нему приказъ о высылкѣ. Своихъ сотрудниковъ Бернштейнъ выдалъ, но нѣкоторымъ изъ нихъ удалось спастись; потолкавшись долгое время въ переднихъ, исписавъ много прошеній, Руге получилъ разрѣшеніе остаться въ Парижѣ подъ условіемъ вести себя хорошо.

Марксъ, противъ котораго прежде всего и былъ направленъ ударъ прусскаго правительства, на что-нибудь подобное былъ неспособенъ. Онъ переселился въ Брюссель и прожилъ тамъ три года, проведя ихъ главнымъ образомъ въ совмѣстной работѣ съ Энгель-

сомъ. Этотъ періодъ можно назвать второй половиной періода ученія и странствованій.

Глава одиннадцатая

Пролетарскія движенія.

1. Революціонная агитація въ Швейцаріи.

Къ тому времени, когда Марксъ былъ изгнанъ изъ Франціи, давно уже прекратилась и коммунистическая пропаганда Вейтлинга въ Швейцаріи. И не то, чтобы она уступила одной только внѣшней силѣ; она потерпѣла крушеніе и вслѣдствіе внутренняго противорѣчія своего: Вейтлингъ стремился въ своей дѣятельности революціоннаго агитатора къ осуществленію утопіи коммуниста-сектанта.

Первоначально практическіе успѣхи Вейтлинга были довольно значительны. Его тайный союзъ охватывалъ Женевскій, Вадтскій, Неуенбургскій, Цюрихскій, Ааргаускій, Бернскій кантоны. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ располагалъ только отдѣльными разсѣянными сторонниками, то искреннее воодушевленіе, которое умѣлъ поддерживать въ нихъ Вейтлингъ, связывало всѣхъ ихъ тѣсною связью. Его „Гарантіи гармоніи и свободы" сумѣли завербовать ему сторонниковъ даже въ буржуазной средѣ. Въ Вадтскомъ кантонѣ къ сторонникамъ Вейтлинга принадлежали видные политики, наприм., Дрюэй, а въ особенности ученикъ Буонаротти—Делагарецъ; затѣмъ слѣдуютъ врачъ Заутермейстеръ въ Цофингенѣ и докторъ Вильгельмъ Шульцъ въ Цюрихѣ, гессенскій эмигрантъ, на рукахъ котораго скончался Георгъ Бюхнеръ. Своими совѣтами по книжному дѣлу Юлій Фреберъ оказывалъ Вейтлингу поддержку въ дѣлѣ тайнаго распространенія его сочиненій въ Германіи, но въ общемъ держался вдали отъ него; таково же было отношеніе профессора Адольфа Фоллена, котораго сторонники Вейт-

линга хотѣли привлечь на свою сторону. Съ Гервегомъ, на дукаты котораго задумывалъ покушеніе Августъ Беккеръ, тѣсныхъ связей у нихъ не было.

Шапперъ, жившій въ Лондонѣ, а особенно Эвербекъ, проживавшій въ Парижѣ, состояли съ Вейтлингомъ въ правильной перепискѣ, помогая ему совѣтами. Кромѣ Августа Беккера и Симона Шмидта, ближайшими помощниками его въ Швейцаріи были скорняжный подмастерье Нильсъ Петерсенъ изъ Копенгагена и Севастьянъ Сейлеръ изъ Силезіи, бывшій прежде въ Лигницѣ протоколистомъ, а въ Швейцаріи превратившійся изъ демократа въ коммуниста. Ядро союза составляли ремесленные подмастерья и притомъ, главнымъ образомъ, нѣмецкіе. Ихъ стремленіе къ образованію, ихъ жажду знанія, готовность къ жертвамъ и энергію трудно оцѣнить слишкомъ высоко. Они платили учителямъ, которые должны были просвѣщать ихъ въ различныхъ отрасляхъ знанія; чтобы выпустить въ свѣтъ первое изданіе „Гарантій" въ количествѣ двухъ тысячъ экземпляровъ, триста рабочихъ распредѣлили между собой расходы по изданію, вернувъ себѣ ихъ потомъ книгами же; четверо рабочихъ отдали всѣ свои сбереженія — двѣсти франковъ — на печать. Духъ, воодушевляющій сторонниковъ Вейтлинга, отразился въ его журналахъ, въ „Крикѣ о помощи нѣмецкой молодежи" и въ „Молодомъ поколѣніи", лучше, чѣмъ въ его книгахъ. Потрясающія описанія нужды, которую терпѣли ремесленные подмастерья, задорное обличеніе коварства, съ которымъ ихъ преслѣдовало родное начальство, перемѣшаны здѣсь съ остроумными сатирами на притѣснителей; сатиры эти то изложены въ формѣ разговора европейскихъ рѣкъ, то переносятъ насъ за двѣ тысячи лѣтъ назадъ или впередъ.

Здѣсь царитъ еще значительная туманность; мы можемъ здѣсь прочесть, что усердный земледѣлецъ, дѣлящій свой кусокъ хлѣба съ голодающимъ подма-

стерьемъ — коммунистъ, что прилежный ремесленникъ, не обирающій своихъ рабочихъ, а вознаграждающій ихъ пропорціонально прибыли отъ общей работы — коммунистъ; что богатый человѣкъ, отдающій свой избытокъ нуждающемуся человѣчеству, императоръ, король, князь, законы которыхъ имѣютъ въ виду благо бѣднѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ классовъ, и т. д.— все это коммунисты. Но какъ разъ въ этой теоретической неопредѣленности сказывается революціонный инстинктъ, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ „Молодое поколѣніе“ заявляетъ, что оно не пристанетъ ни къ одной изъ коммунистическихъ сектъ: „Есть такіе, которые не остановились бы даже передъ нечистой силой, чтобы вовлечь насъ въ одну изъ такихъ сектъ; имъ было бы очень пріятно, если бы мы, подобно этимъ сектантамъ, начали драться и спорить. Но мы предпочитаемъ обойтись безъ этого; мы будемъ бороться только съ тѣми, кто хочетъ остановить насъ, а на недостатки тѣхъ, кто идетъ дальше насъ, мы будемъ смотрѣть сквозь пальцы“. Подъ сектантами „Молодое поколѣніе“ понимало тѣхъ, которые не допускаютъ, чтобы кто-нибудь стоялъ впереди ихъ; „Молодое поколѣніе“ отказывалось устанавливать положенія, пригодныя на вѣчныя времена.

Что касается буржуазной оппозиціи того времени, то журналы Вейтлинга стояли несравненно выше ея. Буржуазная оппозиція боролась за „свободный Рейнъ“ геройскими пѣснями и передовыми статьями, а „Молодое поколѣніе“ по этому вопросу высказалось такъ: „Тотъ народъ, который стремится прежде другихъ осуществить чистый принципъ любви къ ближнему, безъ меча покоритъ себѣ сердца всѣхъ народовъ. Вотъ гдѣ разрѣшеніе рейнскаго вопроса, и другого разрѣшенія нѣтъ“. Особенно круто расправлялось „Молодое поколѣніе“ съ Виртомъ, радикальнѣйшимъ изъ вождей мѣщанства. Пошлое остроуміе, которымъ ученые мужи стараются прикрыть безсодержательность своей куль-

турной борьбы съ соціализмомъ, и тогда уже успѣло состариться, не сумѣвъ придумать ничего, кромѣ эпитета казармы, работнаго дома для характеристики того, что возникнетъ на развалинахъ капиталистическаго общества. Пока существовалъ утопическій соціализмъ, уловка эта не была такъ прозрачна, какъ теперь; однако Вейтлингъ, теорія котораго и стремилась, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы соединить гармонію цѣлаго съ возможно широкой свободой отдѣльнаго лица, уже тогда сумѣлъ отвѣтить имъ въ такихъ выраженіяхъ: „У васъ еще будетъ случай убѣдиться, какъ намъ противна мысль о томъ, что міръ превратится въ казарму или смирительный домъ. Вы еще увидите, что мы не согласны принести въ жертву всеобщему равенству личную свободу, потому что если мы защищаемъ принципъ равенства, то только ради личной свободы". Съ комическимъ самовозвеличеніемъ Виртъ какъ-то сказалъ, что „прекрасныя казармы" Фурье представляютъ нѣчто „тяжелое и ужасное для образованнаго человѣка"; „Молодое поколѣніе" на это отвѣтило: „проклятый духъ касты, желаніе быть чѣмъ-то бо́льшимъ, чѣмъ другіе, страшно укоренился среди германскимъ ученыхъ". Оно этимъ дало вѣрное объясненіе того, что неостроумное сравненіе съ казармой заняло такое прочное и важное мѣсто въ головахъ нѣмецкихъ ученыхъ.

Мѣщанскіе рецепты для разрѣшенія соціальнаго вопроса и тогда были такіе же, какъ теперь; какъ это водится въ настоящее время, такъ и тогда Виртъ противопоставлялъ ихъ, какъ „настоящую соціальную реформу", эксцентрическимъ, фантастическимъ и утопическимъ проектамъ соціалистовъ. „Молодое поколѣніе" отвѣчало на это: „О, Господи! и смѣшна же эта соціальная реформа съ ея сберегательными кассами и дѣлами благотворенія! Сберегательныя кассы! Почему же вы забыли еще о копилкахъ? Ну, конечно, общество еще недостаточно заражено духомъ жадно-

сти и ростовщичества, и поэтому надо учредить побольше разсадниковъ этого духа. Нѣтъ! нѣтъ! То, что съэкономишь на пищѣ, все равно пропадетъ; чѣмъ больше мы ограничиваемъ свои потребности, тѣмъ меньше намъ платятъ. Кто не осмѣливается тратить, у того нѣтъ и энергіи что-нибудь заработать. А дѣла благотворенія! Гдѣ же гордость ваша, германцы? Благотворительныя учрежденія, ѣсть хлѣбъ изъ милости подъ надзоромъ чиновниковъ и ученыхъ. Дома для бѣдныхъ! Свободный народъ и дома для бѣдныхъ! Не стыдно ли вамъ, господинъ Виртъ, пороть такую чепуху"! „Молодое поколѣніе" было вполнѣ право, высмѣивая голословное, надсмѣхающееся надъ дѣйствительностью утвержденіе Вирта, что, по крайней мѣрѣ, „при современныхъ государственныхъ порядкахъ въ Германіи довольно" заботятся о бѣдныхъ.

Однако, при всей умѣлости, съ которой Вейтлингъ и сторонники его вели свое дѣло, они не привлекли на свою сторону всѣхъ революціонныхъ элементовъ изъ среды жившихъ въ Швейцаріи германскихъ подмастерьевъ. Агитація „Молодой Германіи" всегда велась въ духѣ враждебнаго антагонизма по отношенію къ Вейтлингу. „Молодая Германія" все болѣе и болѣе теряла свой буржуазно-національный характеръ и принимала характеръ пролетарски-революціонный, но она попала не въ русло французскаго соціализма, а въ русло германской философіи. Агитаціей „Молодой Германіи" руководили два молодыхъ тюрингенца, занимавшихся во французской Швейцаріи преподаваніемъ языковъ, Германъ Делеке и Юлій Штандау. По образованію своему они стояли выше Вейтлинга, но далеко не могли сравняться съ нимъ по одаренности и по характеру своему. Отличавшее романтическую реакцію сплетеніе политики съ религіей способствовало тому, что революціонное развитіе германской философіи нашло себѣ живой откликъ въ средѣ проснувшихся подмастерьевъ; для нихъ источникомъ и центромъ

пролетарской революціи сталъ мыслящій человѣкъ, освобожденный отъ всякаго суевѣрія и всякихъ предразсудковъ; они видѣли, что освобожденіе человѣческаго духа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіе человѣка. Утопія Вейтлинга была для нихъ новымъ Евангеліемъ, самъ Вейтлингъ — новымъ пророкомъ, его сторонники — новой сектой. У нихъ не было нужды выстраивать новый міръ, такъ какъ въ эмансипаціи человѣческаго сознанія они видѣли уже эмансипацію человѣческаго общества; идеаломъ ихъ была полная свобода человѣка отъ всякаго принужденія, и въ этомъ заключался ихъ анархизмъ. Но полная туманность этого анархизма и въ особенности практическая борьба съ Вейтлингомъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что наиболѣе отличительной особенностью ихъ сталъ атеизмъ.

Естественный и непосредственный коммунизмъ Вейтлинга, созрѣвшій на экономическомъ антагонизмѣ классовъ, совершенно не понималъ спекулятивныхъ тонкостей философіи. Нѣмецкихъ философовъ онъ обвинялъ въ туманности, въ томъ, что они ловятъ абстракціи въ мутной водѣ сверхчувственнаго, что понятій ихъ никто не можетъ уловить. „Всѣми прославляемый Гегель для меня тоже не лучше другихъ, и я утверждаю это, хотя совсѣмъ не читалъ его. Почему же? Потому что никто не могъ мнѣ сказать, чего онъ хочетъ, хотя вся германская туманная философія такъ прокричала про него“. При всей свободѣ Вейтлинга отъ всякой догматической церковной вѣры его естественный коммунизмъ приковывалъ его вниманіе къ первобытному христіанству, къ Евангельскому Христу, къ которому онъ относился съ удивленіемъ и любовью. Умъ его былъ слишкомъ ясенъ и трезвъ, и онъ не могъ не понять того, что какъ ни революціонируй сознаніе, экономическихъ условій, отъ которыхъ рабочіе такъ невыразимо страдаютъ, этимъ даже не расшатаешь. Подмастерья, принадлежавшіе

къ „Молодой Германіи“ и подмастерья-коммунисты не могли примириться другъ съ другомъ. Эвербекъ убѣждалъ и тѣхъ и другихъ примириться въ виду общихъ враговъ и вызвалъ даже дружелюбную переписку между Вейтлингомъ и Моисеемъ Гессомъ въ Парижѣ; послѣдній тоже пришелъ отъ философіи къ соціализму, но лучше понималъ Вейтлинга, чѣмъ Делеке и Штандау. Однако антагонизма между „Молодой Германіей“ и Вейтлингомъ это не уничтожило, онъ сталъ даже глубже по мѣрѣ того, какъ Вейтлингу дѣйствительность все болѣе навязывала роль пророка.

Виной тому было указанное нами внутреннее противорѣчіе въ его агитаціи. Успѣхи Вейтлинга увеличивали его увѣренность въ себѣ, но они же увеличивали противодѣйствіе того міра, который онъ хотѣлъ уничтожить. Швейцарскія консервативныя правительства стали опасаться коммунистическаго движенія, заразившаго уже нѣкоторые органы радикальной печати; полиція стала преслѣдовать типографовъ „Молодого поколѣнія“; Вейтлингъ нѣсколько разъ долженъ былъ перемѣнить мѣсто печатанія. Въ Германіи, Австріи, Франціи работы его строго преслѣдовались. Министерство Гизо однажды отняло на границѣ тысячу двѣсти экземпляровъ „Молодого поколѣнія“ и сожгло, не потрудившись даже предварительно запретить этотъ органъ; подмастерье въ правѣ былъ сказать себѣ: вотъ какъ власть имущіе уважаютъ собственность. Не мало заботъ причинили Вейтлингу и столовыя, терпѣвшія часто неудачу отъ того, что одни и тѣ же союзы должны были вести борьбу со старымъ обществомъ и представить собой эмбріональный зачатокъ новаго общества. Несмотря на все самоотверженіе его сторонниковъ, личное положеніе Вейтлинга было очень стѣсненное. Вмѣстѣ съ успѣхами росла нужда его, росла самоувѣренность. Жажда дѣла у него отъ этого усиливалась, но тутъ роковымъ образомъ обнаружи-

лось, что революціонной агитаціи его недостаетъ ясной цѣли.

Вейтлингу приходили въ голову самыя разнообразныя и странныя идеи для того, чтобы возможно скорѣе разрушить существующій общественный строй Онъ хотѣлъ немедленно ввести „общность женъ", организовать воровскую шайку для партизанской войны съ имущими классами, организовать тайный заговоръ и затѣмъ неожиданно приступить къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Такимъ авантюристскимъ планамъ естественно противились Эвербекъ и Шапперъ, Августъ Беккеръ и Симонъ Шмидтъ. Излишне говорить о томъ, что они были правы, но, по крайней мѣрѣ, Эвербекъ и Беккеръ дѣлали ошибку въ другую сторону. Они не замѣчали того прогресса, который, несмотря на все, знаменовалъ собою революціонный пылъ Вейтлинга. Беккеръ написалъ „ребенку" письмо въ отечески-увѣщательномъ тонѣ, который довольно странно звучалъ въ устахъ этого остроумнѣйшаго, но и вѣтреннѣйшаго изъ сторонниковъ Вейтлинга. Не менѣе снисходителенъ былъ тонъ предостереженій Эвербека, стоявшаго подъ вліяніемъ морализирующаго утопизма Кабе; онъ настоятельно совѣтовалъ „любезному брату" не писать такихъ системныхъ книгъ, какъ „Гарантіи", книги, которой Вейтлингъ въ правѣ былъ гордиться. Эвербекъ совѣтовалъ ему перенести агитацію съ береговъ Женевскаго озера въ Цюрихъ, гдѣ онъ ближе къ Германіи и можетъ войти въ болѣе тѣсную связь съ литературными силами. Вейтлингъ былъ согласенъ на это, но противъ этого плана протестовалъ Фребель, который своею близостью къ соціалистическимъ воззрѣніямъ расшаталъ даже свое положеніе въ радикальномъ лагерѣ. Онъ предсказывалъ, что появленіе Вейтлинга въ Цюрихѣ вызоветъ насильственныя дѣйствія и не только противъ коммунизма, но и противъ радикализма.

Всѣ нападали на Вейтлинга, а у него не было на-

дежнаго компаса, чтобы разобраться въ этой путаницѣ. Онъ пересталъ понимать самыхъ близкихъ друзей своихъ; его самоувѣренность выросла въ тщеславіе, его живая жажда борьбы превратилась въ сварливость человѣка, считающаго себя всегда правымъ; онъ началъ считать себя непризнаннымъ геніемъ. Идея „второго Мессіи“ выступала передъ нимъ съ тѣмъ большей заманчивостью, чѣмъ меньше онъ видѣлъ, какъ дать революціи побѣду надъ старымъ обществомъ. Подъ такимъ настроеніемъ онъ и написалъ весною 1843 года свое „Евангеліе бѣдныхъ грѣшниковъ“.

Въ этой работѣ Вейтлингъ хотѣлъ доказать на основаніи болѣе чѣмъ ста библейскихъ цитатъ, что самые смѣлые выводы свободной мысли находятся въ полномъ согласіи съ духомъ Христова ученія. Вольтеръ и другіе для освобожденія человѣчества, хотѣли уничтожить религію. Напротивъ того, Ламенэ (къ слову сказать, оспаривавшій работу Вейтлинга, когда она была напечатана), а до него много христіанскихъ реформаторовъ, какъ Карльштадтъ и Томасъ Мюнцеръ, показали, что всѣ демократическія идеи только выводъ изъ христіанства. Вейтлингъ присоединяется къ нимъ; онъ полагаетъ, что религія должна быть использована для освобожденія человѣчества; Христосъ — пророкъ свободы и учитъ любви.

Съ точки зрѣнія коммунистической пропаганды эта работа представляетъ большой шагъ назадъ сравнительно съ Гарантіями; зато она лучше всего рисуетъ самого Вейтлинга и является своеобразнѣйшей пробой для его таланта. Вейтлингъ не отрицаетъ результатовъ современной критики Евангелія: онъ говоритъ только, что не его задача извлечь на свѣтъ тѣ противорѣчія въ Евангеліи, которыя въ немаломъ числѣ раскрыты Штраусомъ; онъ предпочитаетъ признать истиннымъ все то важное, опредѣленное и возможное, на чемъ основано христіанство, и изъ этого онъ желаетъ вы-

вести принципъ его. Въ евангельскомъ Христѣ онъ отражается самъ. Съ инстинктомъ родства онъ отыскиваетъ тѣ слѣды коммунизма, которые первобытное христіанство оставило въ евангельской исторіи. Онъ видитъ очень хорошо, что этотъ коммунизмъ распространялся только на потребленіе, а не на производство, но онъ полагаетъ, что „общность наслажденія" предполагаетъ „общность работъ". „Это было труднѣе объяснить и еще съ большимъ трудомъ это поняли; милліоны людей и теперь еще не могутъ этого постичь. Они могутъ понять только то, что можно взять отъ избытковъ одного и дать бѣдному. Это было бы цѣлесообразно только тогда, когда дѣло идетъ о съѣстныхъ припасахъ, платьѣ, мебели, но инструментъ, деньги земля не могутъ быть раздѣлены между всѣми; первое (избытокъ) становится безполезнымъ и устраняется, послѣднее (необходимое имущество) принадлежитъ всѣмъ вмѣстѣ и никому въ отдѣльности". Эта работа представляетъ своего рода исповѣдь Вейтлинга передъ собой и передъ свѣтомъ, передъ друзьями, пожалуй, больше, чѣмъ передъ врагами. Къ неудачамъ и успѣхамъ, къ радости и скорби своей онъ примѣшиваетъ дѣла и слова Іисуса. Если же вы скажете ему, что библіей можно доказать, что угодно, Вейтлингъ отвѣтитъ вамъ: „совершенно вѣрно, милостивые государи! Вы доказали это, вы превратили Евангеліе въ Евангеліе тираніи, угнетенія и обмана; я же хотѣлъ бы сдѣлать изъ него Евангеліе свободы, равенства и общности, знанія, надежды и любви, если-бъ оно не было имъ и безъ меня. Если тѣ заблуждались, то они дѣлали это изъ личной выгоды; если я ошибаюсь, то изъ любви къ человѣчеству. Цѣли мои извѣстны, а мѣста, которыми я пользовался, указаны. Пусть же читатель читаетъ, провѣряетъ, судитъ и вѣритъ, чему пожелаетъ. Аминь". Вейтлингъ больше думалъ о себѣ, чѣмъ о Христѣ; это второй Мессія отводитъ ради себя мѣсто первому. Это не только второй, но и болѣе ве-

ликій Мессія, потому что Вейтлингъ условіями того времени оправдываетъ Христа въ томъ, что, „какъ слѣдуетъ предположить, онъ или совсѣмъ не выработалъ или выработалъ вполнѣ несовершенно“ планъ устройства новаго общества; нельзя и требовать, чтобы „онъ уже тогда вполнѣ постигъ всю глубину современнаго коммунистическаго ученія“.

„Евангеліе бѣдныхъ грѣшниковъ“ Вейтлингъ написалъ еще въ Лозаннѣ; печатать его онъ думалъ въ Цюрихѣ, куда онъ и переселился въ маѣ 1843 года. Фребель отказался отъ изданія этой книги, чтобъ не повредить Литературной Конторѣ, но позаботился о другомъ типографѣ. Но катастрофа произошла еще прежде, чѣмъ работа вышла въ свѣтъ. Цюрихское духовенство обратилось къ прокурору съ обвиненіемъ Вейтлинга въ святотатствѣ на основаніи одного распространеннаго имъ проспекта этой книги. Прокуроръ немедленно началъ слѣдствіе и арестовалъ Вейтлинга въ ночь съ 8-го на 9-ое іюня. Послѣ обыска въ его квартирѣ и въ типографіи его частная корреспонденція и часть манускрипта „Евангелія бѣдныхъ грѣшниковъ“ оказались въ рукахъ властей.

Опасенія Фребеля оказались основательными; цюрихское правительство хотѣло поразить однимъ уничтожающимъ ударомъ коммунистическую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и радикальную партію. Это былъ первый подвигъ государственнаго спасенія такого рода, но онъ уже былъ типичнымъ для всѣхъ послѣдующихъ. Прокуроръ представилъ конфискованныя бумаги правительству, а правительственный совѣтъ назначилъ коммиссію изъ пяти членовъ для разслѣдованія „всей коммунистической пропаганды въ Швейцаріи“. Докладъ этой коммиссіи былъ составленъ самимъ профессоромъ Блунчли, напечатанъ на казенный счетъ и пущенъ въ книжное обращеніе. Работой своей Блунчли показалъ, что по своему историческому, экономическому и политическому пониманію онъ стоялъ глубоко ниже подмастерья Вейтлинга и что онъ

вполнѣ былъ достоинъ спустя поколѣніе засіять звѣздой первой величины на небѣ германскаго либерализма. У него нѣтъ даже попытки оцѣнить теоретическія цѣли, не говоря уже о практическихъ корняхъ, коммунистической агитаціи; вмѣсто этого онъ печально жалуется на то, что бездонная пропасть, раскрывающаяся передъ холоднымъ абстрактнымъ принципомъ коммунизма, поглотитъ божескій и человѣческій порядокъ; вмѣсто положительнаго проекта, какъ помочь рабочимъ, онъ зоветъ городового, предлагаетъ выселить изъ страны тѣхъ иностранныхъ членовъ цюрихскаго рабочаго союза, которые были въ сношеніяхъ съ Вейтлингомъ, такъ же поступить и со всѣми иностранцами, которые будутъ заподозрѣны въ пропагандѣ коммунизма, если же послѣ общаго разслѣдованія „дѣла“ они будутъ уличены въ такой пропагандѣ, то сдѣлать объ этомъ тайную помѣтку въ ихъ подорожной. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ еще одно чисто мѣщанское предложеніе: ограничить число трактировъ и винныхъ лавокъ, а затѣмъ, само собой понятно, елейное обращеніе къ христіанству, какъ коррективу, который долженъ „внутренней святостью душевной жизни“ вознести бѣднаго надъ различіями въ богатствѣ внѣшними благами.

Къ этой лицемѣрной ограниченности уже присоединилось у него то вѣроломство, которое пользуется краснымъ призракомъ для того, чтобы обдѣлывать свои партійныя дѣлишки. Съ благородной цѣлью скомпрометировать политическихъ противниковъ правительства Блунчли опубликовалъ письма нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, которыя, хотя и были найдены у Вейтлинга, но не имѣли никакой связи съ дѣломъ и не представляли ничего преступнаго по отношенію къ законамъ Цюрихскаго кантона, словомъ такія письма, на опубликованіе которыхъ у комиссіи не было даже какого-нибудь призрачнаго права. Эти противозаконно использованныя письма Блунчли преднамѣренно испра-

вилъ такъ, что противъ вождей цюрихскаго радикализма возникало совершенно неосновательное подозрѣніе въ томъ, что они содѣйствовали якобы преступнымъ цѣлямъ коммунистовъ. Напрасно противъ такого образа дѣйствій протестовали Фребель и Фолленъ, которыхъ главнымъ образомъ и имѣли въ виду; правительственный совѣтъ еще подвергъ ихъ денежному штрафу за „непристойныя выраженія“ по адресу комиссіи. И вотъ еще одно сходство между тогдашнимъ и нынѣшнимъ временемъ; буржуазный радикализмъ и тогда страшно испугался, когда наиболѣе близкіе друзья приписали ему коммунистическія тенденціи. Радикалы отшатнулись отъ Фребеля, и „Швейцарскій Республиканецъ“ погибъ отъ отсутствія подписчиковъ.

Что касается коммунистической агитаціи, то она вовсе не думала признать себя побѣжденной. Самъ Вейтлингъ защищался передъ судомъ съ мужественнымъ достоинствомъ. Какъ впослѣдствіи въ тюрьмѣ, такъ и теперь онъ обнаруживалъ уже слѣды болѣзненнаго возбужденія, но не скрывалъ своихъ убѣжденій. Букетъ, преподнесенный прокуроромъ въ обвинительномъ актѣ, былъ составленъ какъ всегда: святотатство, нападеніе на частную собственность, образованіе тайнаго сообщества и т. п.; вторая инстанція подобрала цвѣты нѣсколько иначе, чѣмъ первая, что же касается обоснованія подобныхъ тенденціозныхъ приговоровъ, то это уже неважно. То, что первая инстанція постановила уже суровый приговоръ, было очень печально для Вейтлинга и не дѣлаетъ чести цюрихскому правосудію; она приговорила его къ шести мѣсяцамъ тюрьмы съ вычетомъ двухъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія; вторая инстанція повысила наказаніе до 10 мѣсяцевъ тюрьмы съ вычетомъ четырехъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія. То обстоятельство, что первая инстанція выселяла его навсегда изъ Швейцаріи, а вторая только на пять лѣтъ, для обвиненнаго на дѣлѣ не составляло никакой разницы.

Около года Вейтлингъ просидѣлъ въ цюрихскихъ тюрьмахъ, не разъ былъ подвергнутъ дисциплинарному наказанію, а по нѣкоторымъ указаніямъ даже тѣлесному. Послѣ своего освобожденія онъ вмѣстѣ съ послѣдователемъ своимъ Андреемъ Дитшемъ думалъ переселиться въ Америку и основать тамъ коммунистическую колонію, но цюрихское правительство радо было оказать полицейскую услугу и настояло на томъ, чтобъ выдать его прусской полиціи. Несмотря на сильное сопротивленіе Вейтлинга, его переправили черезъ германскую границу, тащили черезъ разныя отечества въ сопровожденіи стражей безопасности, постоянно останавливались въ тюрьмахъ и наконецъ привезли его въ родной городъ его, Магдебургъ, гдѣ онъ былъ сданъ въ солдаты, какъ уклонившійся отъ военной службы. Вслѣдствіе физической неспособности, его скоро пришлось уволить отъ службы, тогда прусское правительство презрѣло его гражданскія права и то, что онъ могъ указать достаточно источниковъ существованія (за него ручался книготорговецъ) и отправило его въ Гамбургъ; тамъ оно дало ему на проѣздъ и продовольствіе цѣлыхъ семь талеровъ и указало ему путь на всѣ стороны. Вейтлингъ отправился въ Лондонъ; на большомъ митингѣ нѣмецкіе, англійскіе и французскіе соціалисты міроваго города привѣтствовали „мужественнаго и талантливаго вождя нѣмецкихъ коммунистовъ“, какъ назвалъ его органъ Оуена.

Въ Швейцаріи сторонники его тоже мужественно продолжали дѣло его. Направленный противъ нихъ ударъ не остался безъ обычнаго противодѣйствія: только теперь общество и обратило вниманіе на преслѣдуемыхъ, и даже докладъ Блунчли пропагандировалъ ихъ. Несмотря на искусственную группировку, несмотря на всѣ искажающія толкованія, онъ не могъ ослабить того глубокаго впечатлѣнія, которое должны были произвести на пролетаріатъ длинныя выдержки изъ сочиненій Вейтлинга, какъ документъ, предста-

вленный на судъ широкихъ слоевъ общества. Прусскій посолъ въ Парижѣ доносилъ въ Берлинъ, что докладъ этотъ побудилъ триста германскихъ подмастерьевъ поступить въ „Союзъ Справедливыхъ“, а Моисей Гессъ въ ироническомъ адресѣ благодарилъ мужественнаго спасателя отечества Блунчли за то, что онъ оказалъ хорошему дѣлу столь значительную услугу. Въ серьезномъ тонѣ какая-то анонимная статья „О коммунизмѣ въ Швейцаріи“ раскрывала пріемы Блунчли, а такъ какъ авторъ-коммунистъ былъ противникомъ революціонныхъ тенденцій Вейтлинга, то его критика Блунчли производила еще болѣе сильное впечатлѣніе. Послѣдняя работа Вейтлинга, которую друзьямъ его удалось спасти въ большей части ея, появилась въ Бернѣ подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ, какъ „Евангеліе бѣднаго грѣшника“, а прежнія его работы пошли новымъ изданіемъ. Въ короткое время выдержала одно за другимъ три изданія небольшая работа Андрея Дитша, швейцарца по происхожденію и щеточнаго мастера по профессіи. Поскольку кухни и столовыя процвѣтали при союзахъ, онѣ тоже сослужили хорошую службу пропагандѣ; онѣ не мѣшали коммунистамъ разсѣяться во время замѣшательства, вызваннаго исчезновеніемъ Вейтлинга и полицейскими преслѣдованіями.

Однако, несмотря на достойное уваженія сопротивленіе, коммунистическая агитація въ Швейцаріи все больше и больше мельчала. Не потому, конечно, или не только потому, что она потеряла въ Вейтлингѣ своего духовнаго главу. Можно сказать, пожалуй, наоборотъ: члены жили тѣмъ же темпомъ, какъ и глава. Коммунизмъ Вейтлинга всегда въ большей или меньшей мѣрѣ былъ коллективнымъ продуктомъ его послѣдователей; Вейтлингъ тоже очень хорошо зналъ это и, несмотря на растущее самомнѣніе, онъ говоритъ еще въ „Евангеліи бѣднаго грѣшника“, что союзъ ессеевъ распространялъ коммунистическое ученіе и

что собственныя идеи Іисуса немногимъ стояли выше идей его товарищей по союзу. Тѣ же причины, которыя приводили Вейтлинга къ религіозному утопизму, съ тѣмъ же успѣхомъ въ большей или меньшей мѣрѣ дѣйствовали и на его сторонниковъ; удаленіе Вейтлинга оказалось роковымъ только въ томъ отношеніи, что мѣсто честнаго и въ своемъ родѣ геніальнаго главы секты заняли разныя сомнительныя личности.

Первоначально замѣстителями Вейтлинга были добродушные вѣтрогоны въ родѣ Августа Беккера, намѣренія котораго были вполнѣ честны, который подъ руководствомъ твердаго характера могъ прекрасно работать, но который, будучи предоставленъ самъ себѣ, терялъ почву подъ ногами и начиналъ колебаться; оглушенный голосами правовѣрныхъ ревнителей, которые немедленно доносили своему стаду о всякомъ отклоненіи отъ спасительнаго ученія коммунизма, онъ готовъ былъ даже завязать сношенія съ безтолковыми представителями нѣмецкаго католицизма. Были и безобидные дураки, какъ, напр., „пророкъ“ Альбрехтъ, старый демагогъ изъ Альтенбурга; впослѣдствіи онъ попалъ въ тюрьму и, вынужденный въ теченіе шести лѣтъ ограничиваться чтеніемъ одной только библіи, заболѣлъ религіознымъ помѣшательствомъ. Наконецъ, были и явные обманщики и бродяги, какъ, напр., самозванный докторъ Кульманъ изъ Гольштейна, возвѣщавшій прекрасное ученіе, что въ новомъ мірѣ распредѣленіемъ удовольствій будетъ завѣдывать самый мудрый, а поэтому уже и въ старомъ мірѣ ученики должны преподносить мудрому учителю удовольствія цѣлыми мѣрами, сами должны довольствоваться малымъ. Этотъ Кульманъ, несмотря на свое прибыльное мошенничество, сумѣлъ одурачить не одних только коммунистовъ-подмастерьевъ; даже такой образованный человѣкъ, какъ Августъ Беккеръ, не могъ овладѣть своимъ восторгомъ передъ нимъ и громко заявилъ, что Кульманъ именно тотъ, кого требуетъ время,

„человѣкъ, уста котораго даютъ прекрасное выраженіе всѣмъ нашимъ страданіямъ, стремленіямъ и надеждамъ, словомъ, всему, что глубоко волнуетъ наше время"; эти факты лучше всякихъ длинныхъ описаній показываютъ, какъ скоро и неудержимо коммунизмъ подмастерьевъ потерпѣлъ крушеніе на пути религіознаго утопизма.

Разложеніе коммунизма дало новый толчокъ агитаціи „Молодой Германіи". Понятно, что плоскій атеизмъ ея понравился строптивымъ пролетаріямъ больше, чѣмъ религіозный сумбуръ Альбрехта и Кульмана. Во главѣ „Молодой Германіи" стоялъ въ это время Вильгельмъ Марръ, молодой приказчикъ изъ Гамбурга; въ Цюрихѣ онъ примкнулъ было къ Вейтлингу и послѣ ареста его былъ высланъ. Марръ былъ поверхностно знакомъ съ сочиненіями Фейербаха и Прудона и внесъ кой-какую систему въ агитацію „Молодой Германіи"; онъ популяризировалъ „Религію Будущаго" Фейербаха, въ которой самъ Фейербахъ популяризировалъ свое ученіе. Представляя собой всего только незрѣлаго болтуна, Марръ умѣлъ агитировать съ энергіей крайняго себялюбца; искусство демагогіи было ему извѣстно до тонкости, и онъ пользовался имъ, чтобъ вербовать членовъ въ тайный союзъ „Молодой Германіи". Марръ парадировалъ своимъ цинизмомъ и смѣялся надъ тѣмъ, что Вейтлингу не удалась карьера священника; но это дѣлало еще болѣе отвратительной его похотливую страстность при сравненіи ея съ здоровой чувственностью Вейтлинга. Его борьба съ коммунизмомъ не шла дальше избитыхъ мѣстъ; когда онъ говорилъ, что собственность, какъ вещь, можно уничтожить, но что нельзя уничтожить внутренней жажды собственности, то это было описательное выраженіе его сильнаго желанія получить богатую невѣсту.

Послѣ цюрихской катастрофы коммунистическая агитація обратно перенесла свою главную квартиру на берега Женевскаго озера, гдѣ агитація „Молодой Гер-

маніи“ давно уже получила права давности. Въ Лозаннѣ жили и Беккеръ, и Кульманъ, и Марръ, а въ рабочихъ союзахъ французской Швейцаріи оба тайныхъ союза боролись за преобладающее вліяніе. „Молодой Германіи“ удавалось получить господство во все большемъ и большемъ числѣ союзовъ, и она раздѣлила ихъ на три секціи: самая большая, Леманскій союзъ, стояла подъ руководствомъ Марра, другія двѣ— подъ руководствомъ Делеке и Штандау. Въ декабрѣ 1844 года Марръ основалъ „Современную Газету“ (Die Blätter der Gegenwart), органъ „Молодой Германіи“ посвященный соціальнымъ вопросамъ; нѣсколько мѣсяцевъ спустя Беккеръ основалъ „Радостную Вѣсть“, органъ коммунистической агитаціи, которая со времени прекращенія „Молодого поколѣнія“ не имѣла собственнаго органа и только отъ времени до времени немного пользовалась парижскимъ „Впередъ“. Обѣ газеты вели ожесточенную полемику, но дни ихъ уже были сочтены.

Въ Вадтскомъ кантонѣ политическія перемѣны отдали въ февралѣ 1845 года управленіе въ руки радикальной партіи. Въ главный Совѣтъ попали друзья Вейтлинга, Дюрей и Делагарецъ. Въ проектѣ новой конституціи они хотѣли осуществить право на трудъ; попытка эта, конечно, потерпѣла неудачу, но для отрѣшенныхъ отъ власти консерваторовъ она была прекраснымъ поводомъ для того, чтобы обвинить новое правительство въ сочувствіи коммунизму. Въ то же время правительство кантона Невшатель, находившагося еще тогда подъ протекторатомъ Пруссіи, выслѣдило тайный союзъ „Молодой Германіи“ и тайный коммунистическій союзъ; повидимому, во время слѣдствія взаимная вражда ихъ вылилась въ некрасивые и многочисленные взаимные доносы; какъ бы то ни было, обнаружилось, что оба тайныхъ союза имѣли свои главныя отдѣленія въ Вадтскомъ кантонѣ. Вадтскіе консерваторы тогда еще съ большей силой напа-

ли на радикальное правительство. Они не дѣлали отличія между „Молодой Германіей“ и коммунистами, и взваливали отвѣтственность за циничный стиль Марра на соціалистическихъ членовъ Главнаго Совѣта. Правительство ненамѣренно или намѣренно пошло въ поставленную ему ловушку, выслало Марра, закрыло его газету, и закрыло союзы „Молодой Германіи“. Съ другой стороны, оно хотѣло защитить коммунистическіе союзы мнимымъ разслѣдованіемъ, о результатахъ котораго радикальный префектъ Лозанны доносилъ въ такихъ выраженіяхъ: если бы союзовъ этихъ не было, онъ предложилъ бы основать ихъ. Такой легкой цѣной нельзя было отдѣлаться отъ консервативной оппозиціи. Если правительство хотѣло удержаться, оно должно было поступить и съ коммунистической агитаціей такъ, какъ поступило съ агитаціей „Молодой Германіи“. Такимъ образомъ Беккера выслали, газету его запретили, и коммунистическіе союзы подвергли той же участи, какъ союзы „Молодой Германіи“. Кульманъ еще до того оставилъ Вадтскій кантонъ.

Агитація „Молодой Германіи“ была убита навсегда. Съ тѣхъ поръ Марръ претерпѣлъ самыя разнообразныя превращенія; Делеке и Штандау кончили свою карьеру безвѣстными колонистами въ Алжирѣ. Беккеръ же снова взялся за коммунистическую агитацію и притомъ въ Цюрихѣ, такъ какъ при выборахъ 1845 года радикалы тамъ получили власть. Онъ склонилъ на свою сторону бывшаго учителя Трейхлера, издателя „Демократическаго еженедѣльника“. Пропагандируемый въ этой газеткѣ коммунизмъ оказался крайне расплывчатымъ; какъ увѣрялъ съ большою напыщенностью Трейхлеръ, стремленія этого органа были направлены не къ уничтоженію, но къ возстановленію частной собственности, не къ сверженію государства, но къ усовершенствованію его, не къ уничтоженію религіи, но къ осуществленію ея. Тактика его заключалась въ томъ, чтобъ по возможности от-

тѣснить на задній планъ коммунистическую теорію, но зато тѣмъ рѣзче нападать на „новыхъ либеральныхъ господъ“, на „мнимыхъ свободомыслящихъ“. Какого бы мнѣнія онъ не былъ объ этой тактикѣ, онъ основательно ошибался, когда въ письмѣ къ Вейтлингу старался оправдать ее изъ соображеній осторожности и осмотрительности.

Буржуазный радикализмъ всегда остается тѣмъ же. Цюрихскіе радикалы могли бы еще примириться съ коммунистической агитаціей, какъ это сдѣлали Вадтскіе радикалы; но когда имъ показалось, что власти ихъ грозитъ опасность, они пожертвовали и коммунизмомъ и собственными убѣжденіями. Чѣмъ рѣзче нападалъ на нихъ Трейхлеръ и чѣмъ громче Блунчли съ товарищами вопіяли, что радикализмъ только цвѣточки той ягодки, которая называется коммунизмомъ, тѣмъ больше они обнаруживали готовности издать исключительный законъ, не только запрещавшій оправдывать воровство и родственныя ему преступленія, но запрещавшій возбуждать одинъ классъ противъ другого на основаніи неравенства ихъ состоянія и злонамѣренно вредить спокойствію и благоденствію государства нападками на неприкосновенность собственности. Этимъ оружіемъ они убили коммунистическую агитацію. Трейхлеръ былъ понятливый малый и постепенно превратился въ либеральнаго профессора; Беккеръ оставилъ Швейцарію и послѣ долгихъ странствій въ 1872 году умеръ въ Цинцинати.

Коммунистическая агитація этимъ еще далеко не была уничтожена навсегда. Въ послѣднемъ счетѣ коммунизмъ подмастерьевъ потерпѣлъ неудачу отъ того, что промышленность еще не получила достаточнаго развитія, это лишало его, во-первыхъ, неисчерпаемаго источника рекрутовъ, а, во вторыхъ, возможности найти вѣрный путь къ побѣдѣ. Но то обстоятельство, что онъ ставилъ себѣ цѣли, для которыхъ еще не было фактическихъ предпосылокъ, было не

только недостаткомъ, но въ то же время и достоинствомъ его. Недостатки его коренились въ обстоятельствахъ, достоинства его въ людяхъ. Вейтлингъ и товарищи его боролись не напрасно. Пожаръ, который они хотѣли зажечь, былъ задушенъ, но подъ золой продолжали тлѣть угли, и изъ нихъ черезъ двадцать лѣтъ Фердинандъ Лассаль раздулъ пламя на очагѣ германской соціалдемократіи. Его „открытый отвѣтъ“ былъ адресованъ приверженцамъ Вейтлинга.

2. Германскій массовый пролетаріатъ.

Въ самой Германіи „Союзъ Справедливыхъ“, правда, имѣлъ много развѣтвленій, но агитація его не могла тамъ получить такихъ размѣровъ, какіе отъ времени до времени она принимала въ Швейцаріи. Германская полиція держала въ ежовыхъ рукавицахъ тѣ образовательные союзы и общества для развлеченій, которыя она иногда разрѣшала подмастерьямъ. Разъ или два ей удалось выслѣдить въ такихъ союзахъ связь съ „Союзомъ Справедливыхъ“, напр., заговоръ Ментеля въ Берлинѣ, но собранныя ею нити очень скоро порвались. Портняжному подмастерью Ментелю и товарищамъ его отчасти вынесенъ былъ оправдательный вердиктъ, отчасти же поразительно мягкій для прусскихъ условій приговоръ.

Съ несравненно большимъ усердіемъ экономическое развитіе Германіи работало надъ тѣмъ, чтобы создать массовый пролетаріатъ и тѣмъ самымъ фактическую предпосылку для коммунизма. Измѣненія въ производственныхъ отношеніяхъ и средствахъ сообщенія начались со времени основанія таможеннаго союза и начала постройки желѣзныхъ дорогъ и съ каждымъ днемъ они принимали все болѣе широкій и глубокій характеръ. Крупная промышленность и крупная торговля начали выстраивать современные крупные города, вытѣснять ремесло, небольшой кучкѣ однихъ предоставлять богатство и сытую мораль пла-

тожеспособнаго человѣка, громадное число другихъ повергать въ бездну нищеты и преступленія, разрушать тѣ жизненныя условія мелкобуржуазнаго общества, въ которыхъ до сихъ поръ прозябало городское населеніе. Внѣ городовъ феодальное владѣніе приняло буржуазный характеръ; все болѣе оно обращалось къ винокуренію, сахарному дѣлу, экспропріировало массы мелкихъ крестьянъ, незащищенныхъ законами о неотчуждаемости и регулированіи, феодальными гвоздями прикрѣпляло оно къ карликовому участку тѣ рабочія силы, которыя были ей нужны, создавало пролетаріатъ, нищій и безпомощный. Въ ужасной атмосферѣ собственнаго разложенія своего феодализмъ конвульсивно отстранялъ отъ себя гробъ свой, и съ такой же конвульсивностью старался пробиться на свѣтъ божій индустріализмъ; въ этой отчаянной борьбѣ пострадалъ рабочій классъ, какъ будто надъ нимъ пронеслись апокалиптическіе всадники.

Даже правительственный отчетъ, имѣвшій опредѣленную цѣль выступить противъ мнимыхъ преувеличеній прессы, и тотъ, говоря о положеніи сельскихъ работниковъ въ остъэльбскихъ латифундіяхъ, о положеніи крестьянъ собственниковъ, батраковъ, бобылей, да и о положеніи крестьянъ всѣхъ другихъ категорій, всюду сохраняетъ однообразный и печальный тонъ. Классъ этотъ живетъ въ крайней нуждѣ; положеніе этихъ работниковъ тоже весьма необезпеченное; въ большинствѣ случаевъ они стоятъ на очень низкой ступени духовнаго и нравственнаго развитія; большей частью этотъ классъ не достигаетъ высокаго возраста, что объясняется плохимъ образомъ жизни, чрезмѣрнымъ трудомъ и недоѣданіемъ. Въ другихъ же отчетахъ того времени, не имѣвшихъ нужды что-нибудь замалчивать, мы находимъ полные ужаса разсказы о томъ, какъ холодъ и голодъ косили обитателей цѣлыхъ приходовъ. Сельскій пролетаріатъ жилъ въ такихъ хатахъ, которыя больше напоминали берлогу

какого-нибудь звѣря, чѣмъ человѣческое жилище; обычная пища его состояла изъ картофеля, соли и водки; каждый неурожай картофеля велъ за собой голодный тифъ и другія повальныя болѣзни. Трехкратный неурожай картофеля въ Силезіи вызвалъ тамъ ужасную катастрофу: въ округахъ Плессъ, Рыбникъ, Ратиборъ надо было какъ-нибудь обезпечить 4000 безпомощныхъ сиротъ; въ одномъ 1847 году въ округѣ Плессъ умерло 6800 человѣкъ, т. е. почти въ три раза больше, чѣмъ обыкновенно умираетъ въ теченіе года; къ этой статистической замѣткѣ прусскій историкъ сухо прибавляетъ: изъ нихъ 900 умерло отъ голода.

Но и въ города, гдѣ начала обосновываться крупная промышленность, по слѣдамъ ея являлась массовая нужда со всѣми сопутствующими ужасами. Въ первыя девять лѣтъ правленія Фридриха Вильгельма IV число паровыхъ машинъ съ 29 и въ 392 лошадиныя силы возросло до 193-хъ въ 1265 лошадиныхъ силъ; въ то же время число проститутокъ возросло на 10000, преступниковъ на 12000, не прописанныхъ праздношатающихся на 12000, получающихъ милостыню на 6000, попрошаекъ на 4000, каторжанъ и арестантовъ смирительныхъ домовъ на 3000. Съ другой стороны, число продуктивныхъ гражданъ составляло всего 20000. Ремесло при наличности машинной промышленности и крупныхъ магазиновъ потеряло всякую самостоятельность. Изъ 4000 портныхъ, имѣвшихъ собственныя мастерскія въ Берлинѣ, двѣ трети не имѣли достаточно работы; зато было 206 торговцевъ платьемъ, эксплоатировавшихъ безработныхъ мастеровъ, платя имъ баснословно дешевыя цѣны. Не лучше обстояли дѣла 3000 самостоятельныхъ сапожниковъ и 2000 самостоятельныхъ столяровъ. Вмѣстѣ съ ремесломъ пришло въ разстройство и все мѣщанское хозяйство, державшееся на ремесленномъ производствѣ. Дешевые машинные продукты массоваго производства отняли у женщины самую большую часть

ся домашней работы и совершенно напрасно реакціонное законодательство начало тогда затруднять разводъ, чтобъ помѣшать разложенію буржуазнаго брака.

Рабочіе крупной промышленности очень страдали отъ разныхъ золъ. Фабричныя правила были для нихъ не только деспотическимъ игомъ, но подстерегали еще разными хитрыми ловушками послѣдній грошъ ихъ скуднаго жалованья. Система расплаты продуктами процвѣтала во многихъ фабричныхъ округахъ; на старой родинѣ этой системы въ Золингенѣ дѣло заходило такъ далеко, что, какъ установлено исторіей, рабочіе въ теченіе многихъ лѣтъ подъ рядъ не получали ни гроша заработной платы; вмѣсто денегъ они получали товары, которыхъ часто отпускалось имъ въ десять разъ больше, чѣмъ имъ было нужно, которые частью были имъ вполнѣ безполезны, а частью продавались слишкомъ дорого. Женская и дѣтская работа всюду стала преобладать. Бракъ пролетарія тоже былъ расшатанъ, но въ прямо противоположномъ направленіи. Въ буржуазной семьѣ женщина стала роскошной мебелью, а здѣсь главой семейства. Изъ Эльберфельда слышны были жалобы, что женщины должны идти на фабрику, а мужчины должны оставаться дома, вязать чулки и по возможности прикармливать грудныхъ дѣтей. Въ Эльберфельдѣ посѣщало школу 79, въ Берлинѣ нѣсколько больше 50, въ Аахенѣ всего 37 процентовъ дѣтей школьнаго возраста.

У промышленнаго пролетаріата и исчезающаго ремесла была одна общая и все сильнѣе дающая себя чувствовать нужда: квартирная нужда; тамъ гдѣ крупная промышленность создавала себѣновые центры, она была не такъ чувствительна, какъ въ старыхъ городахъ, въ которые вторгалась крупная промышленность. Къ послѣднимъ относятся Берлинъ, Кельнъ, Бреславль. Широкой извѣстностью пользовались семейные дома передъ Гамбургскими воротами въ Берлинѣ; въ 400

комнатахъ, и какихъ комнатахъ, они вмѣщали въ себѣ 2500 человѣкъ; часто въ одной такой дырѣ жили два семейства, а границей служила черта мѣломъ на полу или протянутая веревка. Изъ Кельна, гдѣ 30000 человѣкъ пользовались милостыней, рабочіе отправили петицію къ королю и въ яркихъ краскахъ описывали ему, какъ непосильная квартирная плата вытѣснила ихъ изъ человѣческихъ квартиръ въ помѣщенія, недостойныя человѣка, и какъ они теперь не застрахованы отъ того, что совсѣмъ останутся безъ крова. По описаніямъ бреславльскихъ врачей для бѣдныхъ обиталища рабочихъ этого города скорѣе напоминали свиной хлѣвъ, а не квартиру. Все тамъ такъ непрочно, что нельзя твердо вступить: сейчасъ все начинаетъ шататься. Жилища рабочихъ расположены во дворахъ, и загрязняются испареніями отхожихъ мѣстъ и конюшенъ; эта грязь часто течетъ по стѣнамъ цѣлыми ручьями, и тамъ выростаютъ вредные грибы. Суставный ревматизмъ, золотуха, блѣдная немочь разрушаютъ здоровье обитателей этихъ жилищъ.

Въ сравненіи съ нуждой рабочихъ домашней промышленности и особенно текстильной положеніе пролетаріата крупной промышленности могло бы еще показаться сноснымъ. Рабочіе домашней ткацкой промышленности положили начало главному ядру капиталистическаго производства, и имъ прежде всего германская промышленность обязана тѣмъ, что, какъ извѣстно всему свѣту, она удержалась на міровомъ рынкѣ при помощи самой ужасной голодной рабочей платы. Но и эта мрачная слава должна была померкнуть подъ уничтожающими ударами англійской конкурренціи. Механическое пряденіе льна получило столь сильное развитіе въ Англіи, что она могла выставить большее количество хорошей машинной пряжи и въ области таможеннаго союза, а англійскій ткачъ, работая на машинѣ, производилъ въ 500 разъ больше,

чѣмъ нѣмецкій ткачъ въ то же время поспѣвалъ голыми руками. Въ Берлинскомъ торговомъ управленіи билефельдскіе промышленники при опросѣ ихъ о положеніи вестфальскихъ ткачей сообщили между прочимъ слѣдующее: „Современное положеніе вещей дальше длиться не можетъ. Двѣ трети ткачей, число которыхъ доходитъ, вѣроятно, до 100000, работаютъ въ послѣдніе годы совсѣмъ даромъ... Хорошій прядильщикъ, работающій тонкую пряжу, вырабатываетъ только два зильбергрошена въ день, а прядильщикъ, приготовляющій пряжу второго сорта, зарабатываетъ только семь пфенниговъ“. Дѣйствительно, такъ дальше продолжаться не могло. Дѣло разрѣшилось тѣмъ, что многія тысячи прядильщиковъ погибли отъ голоднаго тифа.

Тѣ же биллефельдскіе промышленники въ Берлинскомъ торговомъ управленіи заявили: „Положеніе ткачей нѣсколько лучше, чѣмъ положеніе прядильщиковъ, но все-таки очень скверно“. Буржуазная „Барменская Газета“ напечатала статью свѣдущаго лица о положеніи домашнихъ ткачей въ Вуппорталѣ; въ ней говорилось: „Ткачъ долженъ встать съ пѣтухами и работать до или даже за полночь. Силы его скоро разстрачиваются, чувства прежде времени притупляются. Грудь его не выдерживаетъ неизмѣннаго скрюченнаго положенія, легкія заболѣваютъ, начинается кровохарканіе. Остальные члены его тоже ослабѣваютъ и деревенѣютъ. Такимъ то образомъ его физическая личность очень скоро становится украшеніемъ кладбища“. Ни одинъ изъ вуппертальскихъ фабрикантовъ не осмѣлился возразить что-нибудь на это описаніе, хотя знать всѣ они знали о немъ.

Въ этомъ ужасномъ адѣ домашней промышленности по величинѣ своихъ мученій первое мѣсто занимали силезскіе прядильщики и ткачи. Ноги ихъ еще не выбрались изъ феодальной тины, тогда какъ тѣло ихъ уже обдувалъ вихрь капиталистической кон-

курренціи. Правительственная торговая политика заткнула силезскому полотну послѣдній выходъ, черезъ который оно могло бы спастись отъ побѣднаго шествія англійскихъ ткачей; исходя изъ возвышеннаго отвращенія къ революціи, правительство не заключало торговыхъ договоровъ съ Испаніей и Португаліей и со средне и южно-американскими республиками; пусть прилежныя дѣти страны родной мрутъ, какъ мухи, лишь бы удовлетворены были легитимистскія причуды празднаго отца страны. Полное закрытіе русско-польскаго рынка было для прусскаго сатрапа только кроткимъ ударомъ кнута русскаго покровителя. Крупныя механическія прядильныя и ткацкія фабрики, основанныя въ горной Силезіи акціонернымъ обществомъ „Seehandlung", способствовали тому, что масса рабочихъ осталась безъ работы. Трудъ неудержимо опускался все ниже, а власть капитала, все быстрѣе концентрировавшаяся благодаря промышленной свободѣ, гигантски выростала. Мелкіе торговцы исчезали, а на мѣстѣ ихъ появились капиталисты съ очень солидной мошной, но далеко не солидными убѣжденіями. Какъ прежде, такъ и теперь они старались удержаться на міровомъ рынкѣ при помощи безсовѣстныхъ пріемовъ и со все большей жестокостью затягивали голодную петлю на шеѣ эксплоатируемаго ими пролетаріата. Гдѣ полотно отказывалось служить, они брались за хлопчатую бумагу, но рабочіе при этомъ только попадали изъ огня да въ полымя.

Годовой доходъ силезскаго ткача, вырабатывавшаго полотно, работавшаго въ собственномъ домикѣ, владѣвшаго парою моргеновъ земли, не превышалъ шестидесяти талеровъ при изнурительной работѣ его самого, жены и дѣтей. Почти треть этой суммы уходила на покрытіе феодальныхъ и казенныхъ повинностей, земельнаго и ткацкаго налога, охотничьяго и прядильнаго, общиннаго и школьнаго, земельныхъ и классовыхъ податей; ежедневнымъ заработкомъ въ

какихъ-нибудь четыре зильбергрошена ему приходилось покрыть расходы на хлѣбъ, картофель, соль, дрова, освѣщеніе, крахмалъ, мыло, одежду, починку жилища и разное другое. Но это уже были Крезы среди силезскихъ ткачей. Вотъ, что говорилось, напр., о положеніи ткачей хлопчатобумажной ткани въ воззваніи, опубликованномъ пасторомъ, полицейскимъ чиновникомъ и судейскимъ секретаремъ: „Хотя необходимыя при работѣ физическія усилія и кажутся легкими, однако и здоровый, крѣпкій и прилежный человѣкъ, работающій не только день, но и вечеръ до полуночи, не можетъ соткать 140 аршинъ скорѣе, чѣмъ въ 6 дней; фабрикантъ же даетъ за это нищенское вознагражденіе, всего 14 зильбергрошеновъ. Жизнь заключеннаго въ исправительной тюрьмѣ, жизнь военнаго арестанта оказывается по своей беззаботности, порядку и человѣчности куда привлекательнѣе жизни такого ткача. Нѣтъ дома, который могъ бы тамъ бороться съ проникающей всюду нуждой". По словамъ одного писателя того времени тѣ ткачи, у которыхъ не было собственной избы, жили въ такихъ „помѣщеніяхъ, по сравненію съ которыми хлѣвъ у богатаго помѣщика являлся роскошнымъ заломъ". Правда, они были свободны отъ земельныхъ податей и налоговъ, но зато въ качествѣ такъ называемыхъ „Inlieger" (батраковъ) они должны были уплачивать отъ 1-го до двухъ талеровъ сбору, какъ обезпеченіе помѣщику расходовъ по содержанію его въ смирительномъ домѣ на случай, если духовное и физическое одичаніе доведетъ этого ткача до преступленія. Среди силезскихъ юнкеровъ было очень мало такихъ, которые отказались бы отъ этихъ кровныхъ денегъ послѣдняго изъ нищихъ.

Правда, дикій крикъ голоднаго отчаянія изъ силезскихъ горъ прозвучалъ на всю Германію. Потекли пожертвованія, но это была капля воды въ раскаленной пустынѣ. Къ тому же еще немало пропало изъ-за

неумѣлости бюрократіи. Когда для бѣдныхъ громаднаго села Зальцбруннъ изъ управленія ландрата получено было 38 осьминъ картофеля, то по распредѣленіи его оказалось, что онъ весь замерзъ и что даже скотъ не ѣстъ его.

3. Голодные бунты. Силезскіе ткачи.

У новаго массоваго пролетаріата не было никакихъ законныхъ средствъ защиты и сопротивленія. Если капиталу было выгодно или даже угодно только, то онъ могъ выбрасывать на улицу десятки рабочихъ рукъ, но рабочіе не въ правѣ были отвѣчать на ударъ ударомъ. Тамъ, гдѣ рабочіе пытались устроить стачку для улучшенія жизненныхъ условій, напр., работники ситценабивныхъ фабрикъ въ Берлинѣ или желѣзнодорожные рабочіе въ Бранденбургѣ, на нихъ сейчасъ обрушивалась полиція. Полная безправность пролетаріата была одной изъ юридическихъ основъ того христіанскаго государства, надъ осуществленіемъ котораго съ особеннымъ усердіемъ работали нѣмецкіе правители, а въ особенности король прусскій.

Вмѣсто хлѣба голодающимъ массамъ преподносили добрые совѣты. Чахоточнымъ и рахитичнымъ ткачамъ совѣтовали стать желѣзнодорожными рабочими, дорожными рабочими, вообще заняться такимъ трудомъ, который требуетъ геркулесовскаго тѣлосложенія. Болѣзненное упорство, съ какимъ домашніе ткачи, изнуренные съ самаго дѣтства, держались за унаслѣдованные отъ отцовъ устарѣлые способы производства, вызывало только недоумѣніе: какъ это они не могутъ понять благодѣтельности той машины, которая вырвала изъ рукъ ихъ послѣдній кусокъ хлѣба. Сельскимъ пролетаріямъ, прикованнымъ къ землѣ, совѣтовали выселиться, и, хотя совѣтъ этотъ былъ не только глупъ, но и излишенъ, онъ казался безконечно мудрымъ. Тѣ представители угнетенныхъ классовъ, которые могли отряхнуть прахъ отечества

отъ ногъ своихъ, давно уже это сдѣлали сами и притомъ съ большимъ удовольствіемъ. Въ сороковыхъ годахъ число нѣмецкихъ эмигрантовъ возросло до 433626.

Пролетаріатъ былъ еще молодъ, и въ немъ не могло еще проснуться ясное классовое сознаніе. Онъ представлялъ собой весьма разношерстную массу; матеріальное паденіе ошеломило его, и онъ вообще еще не могъ понять, что нужда его была вызвана искусственно въ интересахъ господствующихъ классовъ и что только въ борьбѣ противъ этихъ интересовъ можно будетъ облегчить ее. Онъ старался въ пьянствѣ найти забвеніе отъ своей мрачной доли, которая казалась ему неотвратимой. Впрочемъ, новый порядокъ вещей имѣлъ хорошую сторону и для бѣдныхъ: картофельная водка стоила баснословно дешево. Алкоголизмъ свирѣпствовалъ среди пролетаріата, начиная отъ Верхней Силезіи, гдѣ онъ особенно неистовствовалъ, и кончая рейнскими промышленными округами, гдѣ онъ превращалъ въ неистовствующихъ буяновъ невинно-веселыхъ любителей пропустить кружку другую пива. Но Промысломъ Божіимъ было предусмотрѣно, чтобъ это послѣднее изъ средствъ для превращенія человѣка въ животное оказалось вмѣстѣ съ тѣмъ первѣйшимъ средствомъ для усиленія феодальныхъ столповъ трона и религіи!

Однако послѣдняя ступень паденія была вмѣстѣ съ тѣмъ первой ступенью возрожденія. Современный пролетаріатъ не позволяетъ, чтобъ его насильственно лишили человѣческаго облика, а тамъ, гдѣ этотъ ужасный процессъ грозитъ стать постояннымъ, и самый слабый человѣкъ находитъ средство сдѣлать его непріятнымъ и для угнетателей. Въ серединѣ сороковыхъ годовъ начались безпорядки—предшественники революціи,—и чѣмъ больше росла нужда, тѣмъ грознѣе они становились. Это были голодные бунты, возникавшіе безъ цѣли и безъ плана; они не могли привести къ чему-либо и ни къ чему не привели, кромѣ какъ къ

гибели зачинщиковъ и участниковъ. На крикъ о хлѣбѣ христіанское государство имѣло два раза по три отвѣта: во-первыхъ, инфантерія, кавалерія и артиллерій, а во вторыхъ, земляныя работы, каторга и наказаніе кнутомъ. Но безпорядки эти охватили всю Германію, отъ Бреславля до Майнца, отъ Регенсбурга до Штетина, и даже до отдаленныхъ частей Помераніи; ихъ повсемѣстное возникновеніе было убѣдительнымъ признакомъ того, что масса пролетаріата начинаетъ сознавать за собой право на человѣческое существованіе.

Самый значительный изъ этихъ голодныхъ бунтовъ разыгрался въ іюнѣ 1844 года въ верхнесилезскихъ ткацкихъ деревняхъ Петерсвальдау и Лангенбилау у подошвы Совиныхъ горъ. Въ Петерсвальдау особую ненависть заслужили братья Цванцигеръ. За 160 аршинъ бумазеи, требовавшихъ цѣлыхъ восьми дней напряженной работы, они платили только 12½—12 зильбергрошеновъ заработной платы. Но, не довольствуясь этимъ, они объявили, что готовы дать работу еще тремъ стамъ ткачамъ, если тѣ согласятся дѣлать эту работу за 10 зильбергрошеновъ. Нашлись охотники и на эти условія. Когда эти несчастные стали жаловаться, что имъ не на что жить и что этого не хватаетъ даже на картофель, Цванцигеръ отвѣтилъ будто бы, что ткачи еще должны будутъ работать и того дешевле или, по другой версіи, что, если у ткачей ничего другого нѣтъ, пусть они ѣдятъ траву, которая въ томъ году хорошо уродилась. Къ тому же эти безжалостные эксплоататоры задорно выставляли богатство свое на показъ; дерзко хвастая своимъ золотомъ, они смѣялись надъ своими жертвами, потомъ и кровью которыхъ создано было ихъ богатство.

Изъ души замученныхъ ткачей вылилась пѣсня, простые и безыскусственные стихи которой съ потрясающей силой рисуютъ, какъ изъ безконечной нужды ихъ выросло дикое сопротивленіе. Сама масса сочинила эту пѣсню, слово за словомъ, фразу за фразой; текстъ

ея неожиданно и круто обрывается, какъ сама борьба ткачей, внезапно оконченная подъ трескъ солдатскихъ залповъ. Отъ немногихъ строкъ этого стихотворенія разрывалось сердце:

Hier im Ort ist das Gericht,
Viel schlimmer als die Femen,
Wo man nicht mehr ein Urteil spricht,
Das Leben schnell zu nehmen.
Hier wird der Mensch langsam gequält,
Hier ist die Folterkammer,
Hier werden Seufzer viel gezählt
Als Zeugen von dem Jammer.
Die Herren Zwanziger die Henker sind,
Die Diener ihre Schergen,
Davon ein jeder tapfer schind't,
Anstatt was zu verbergen.
Ihr Schurken all, ihr Satansbrut!
Ihr höllischen Kujone!
Ihr fresst der Armen Hab' und Gut,
Und Fluch wird euch zum Lohne!
Hier hilft kein Bitten, hilft kein Flehn,
Umsonst sind alle Klagen;
Gefällt's euch nicht, so könnt ihr gehn,
Am Hungertuche nagen!
Nun denke man sich diese Not
Und Elend dieser Armen,
Zu Hause keinen Bissen Brot,
Ist das nicht zum Erbarmen?
Erbarmen? Ha, ein schön Gefühl,
Euch Kannibalen! fremde;
Ein jeder kennt schon euer Ziel:
Es ist der Armen Haut und Hemde!

---

* „Здѣсь судъ страшнѣе фемы (тайное средневѣковое судилище) здѣсь даже не произносятъ приговора, а быстро отнимаютъ жизнь. Здѣсь человѣка подвергаютъ медленнымъ мученіямъ, здѣсь—застѣнокъ, въ которомъ уже прозвучало много исторгнутыхъ горемъ вздоховъ. Палачи здѣсь — Цванцигеры, подручные—ихъ слуги: каж-

Ткачи деревни Петерсвальдау, насчитывавшей пять тысячъ жителей, нѣсколько разъ пѣли эту пѣсню передъ домомъ Цванцигеровъ. Одинъ изъ ткачей былъ схваченъ; его втащили въ домъ, поколотили и передали въ руки мѣстной полиціи. Это переполнило чашу терпѣнія ткачей. Послѣ обѣда 4 іюня толпа ткачей направилась на близлежащую гору Капелленбергъ, построилась попарно и двинулась на прекрасный домъ своихъ мучителей. Они требовали болѣе высокой заработной платы и подарка и получили отказъ въ вызывающей формѣ. Тогда толпа ворвалась въ домъ, взломала всѣ кладовыя, склады, чердаки и подвалы, уничтожила драгоцѣнную мебель, зеркала, фарфоръ, порвала книги, векселя и бумаги, въ пакгаузѣ, въ сушильныхъ камерахъ, въ амбарахъ она выбрасывала черезъ окна товары и запасы, а тамъ они рвались на куски, топтались ногами или распредѣлялись между присутствующими. Въ смертельномъ страхѣ Цванцигеръ со своимъ семействомъ бѣжалъ изъ города въ городъ, и ни одинъ изъ нихъ не могъ укрыть страшнаго гостя; наконецъ ему удалось найти убѣжище въ Бреславлѣ.

Несмотря на безграничный гнѣвъ свой, ткачи обнаружили тутъ же и безконечное добродушіе свое. Они не только пощадили жившаго по сосѣдству съ Цванцигеромъ фабриканта Вагенкнехта, но за небольшой подарокъ провозгласили „Hoch"! Даже фабриканту Фелльману, о которомъ въ ткацкой пѣснѣ поется, что онъ „дерзко и безъ стѣсненія" понижалъ заработную плату, удалось успокоить ткачей тѣмъ, что онъ каждому

дый изъ нихъ сдираетъ шкуру и не думаетъ щадить. Вы сволочь всѣ, чертово отродье! Вы трусливые негодяи. Вы пожираете все что есть у бѣдняка, и за это онъ вамъ шлетъ проклятье! Здѣсь не помогутъ просьбы, слезы, напрасны будутъ жалобы: не нравится вамъ, такъ идите и голодайте! Представьте себѣ же эту нужду, горе этихъ бѣдняковъ, когда въ домѣ ни куска хлѣба, неужели вы не пожалѣете ихъ? Пожалѣть? Это чувство каннибаламъ чуждо; всѣ ужъ знаютъ, чего вамъ надо: обобрать бѣдняка до послѣдней рубашки и отнять у него жизнь".

изъ нихъ заплатилъ пять зибельгрошеновъ и надѣлилъ ихъ хлѣбомъ, масломъ, саломъ. Съ другой стороны, все, что еще осталось у Цванцигеровъ, было окончательно уничтожено ночью 4-го и утромъ 5-го іюня. Нѣкоторые изъ ткачей предложили было сжечь всѣ постройки Цванцигеровъ, но масса ихъ отклонила на томъ интересномъ основаніи, что тогда пострадавшіе получатъ страховую премію; важно же то, чтобъ они тоже стали бѣдными и узнали, что такое голодъ.

5-го іюня толпа ткачей, возросшая до трехъ тысячъ, устремилась въ Лангенбилау, деревню, насчитывавшую тринадцать тысячъ жителей. Здѣсь особую ненависть заслужили братья Диригъ, у которыхъ было два большихъ предпріятія. Верхній поселокъ, который сперва подвергся нападенію, они защищали при помощи своихъ приказчиковъ и фабричной прислуги; послѣднимъ послѣ горячей схватки дубинами удалось отразить нападавшихъ ткачей. Тогда они двинулись на другой домъ Дириговъ, гдѣ къ нимъ присоединились эксплоатируемые этой фирмой ткачи. Тогда Диригъ обѣщалъ каждому ткачу, который будетъ защищать его собственность, подарокъ въ пять грошеновъ и объявленіе объ этомъ обѣщаніи наклеилъ на своемъ домѣ. Ткачи сейчасъ же образовали два ряда и снова дали успокоить себя подачкой. Между тѣмъ прибыли вызванныя изъ Швейдница войска. Ткачи стали говорить съ солдатами, и командовавшій ими маіоръ фонъ-Розенбергеръ справедливо увидѣлъ въ этомъ опасность; онъ отвелъ войска нѣсколько назадъ и занялъ болѣе выгодное положеніе позади и по сторонамъ дома. Съ прибытіемъ войскъ произошло нѣкоторое замедленіе въ уплатѣ обѣщаннаго подарка; ткачи стали обнаруживать нетерпѣніе и все ближе и ближе стали подступать къ солдатамъ. Тогда маіоръ приказалъ дать три залпа по безоружной толпѣ.

Дѣйствіе огня было ужасное. На мѣстѣ остались 11 убитыхъ и 24 раненыхъ. Всюду были видны брызги

крови и мозговъ. Видъ крови, стонъ и хрипѣніе умирающихъ, крики боли раненыхъ вызвали возмущенныхъ ткачей на отчаянное сопротивленіе. Съ топорами, дубинами и камнями они напали на солдатъ, прогнали ихъ изъ деревни и разрушили домъ братьевъ Диригъ.

Торжество ихъ было кратковременно. На завтра 6 іюня въ Лангенбилау вступилъ маіоръ фонъ Шлихтлингъ съ тремя ротами пѣхоты, батареей изъ четырехъ орудій, при чемъ у артиллеристовъ фитили уже горѣли. Потомъ прибыла еще и кавалерія. Сопротивленіе было безполезно. Часть возставшихъ ткачей отступила къ Фридрихсрунду у Лейтмансдорфа; тамъ она уничтожила товары, оказавшіеся у приказчика Цванцигеровъ, но отъ другихъ нападеній воздержалась. Вообще за всѣ три дня безпорядковъ никто изъ эксплоататоровъ купцовъ лично не подвергся нападенію и оскорбленію; нигдѣ ихъ не посѣтилъ и красный пѣтухъ; остались нетронутыми и булочныя, хотя у ткачей было противъ нихъ сильное озлобленіе.

Тѣмъ большей жестокостью отличалась начавшаяся теперь охота на ткачей, которые отчасти бѣжали въ горы и лѣса. Восемьдесятъ три человѣка было отдано подъ судъ и приговорено къ тяжелымъ наказаніямъ, доходившимъ до десяти лѣтъ земляныхъ работъ и двадцати четырехъ ударовъ кнутомъ. Нужда ткачей не только не была этимъ устранена, но даже возросла еще. Нѣсколько палліативныхъ мѣръ сказались въ той же мѣрѣ недѣйствительными, въ какой дѣйствительнымъ оказался приказъ короля силезскимъ газетамъ держать языкъ за зубами и не писать о положеніи въ ткацкихъ округахъ и о глупости прусской дипломатіи; послѣдняя два года спустя закрыла послѣдній рынокъ для силезской текстильной промышленности участіемъ въ насиліи Священнаго Союза надъ польскимъ свободнымъ городомъ Краковомъ и согласіемъ на включеніе его въ австрійскую таможенную линію.

Даже зоркій глазъ прусской полиціи не сумѣлъ

найти въ голодномъ бунтѣ силезскихъ ткачей какія-нибудь коммунистическія тенденціи. Полиція поспѣшила заполнить этотъ пробѣлъ крикливымъ открытіемъ коммунистическаго заговора въ Гиршбергской долинѣ. Весною 1845 года тамъ появился докладчикъ высшаго суда Штиберъ изъ Берлина подъ именемъ пейзажиста Эмануила Шмидта и открылъ, что столяръ Вурмъ изъ Вармбрунна стоитъ во главѣ тайнаго союза, состоящаго изъ шести или восьми членовъ и имѣющаго цѣлью уничтоженіе богатыхъ. У современниковъ сейчасъ же возникло подозрѣніе, что этотъ заговоръ „сдѣланъ", и ужасные статуты ужаснаго тайнаго общества дѣйствительно составлены такъ, какъ будто бы они были внушены провокаторомъ какой-нибудь сумасбродной головѣ. Что этотъ заговоръ не былъ искусственно сдѣланъ, нельзя доказывать указаніемъ на то, что Вурмъ за государственную измѣну былъ приговоренъ высшимъ судомъ къ смертной казни, что потомъ онъ былъ помилованъ и сосланъ въ безсрочныя каторжныя работы, что товарищи его были приговорены къ продолжительному тюремному заключенію, что всѣ эти наказанія были приведены въ исполненіе и что пострадавшіе были освобождены только амнистіей 1848 года. Однако, въ настоящее время невозможно ясно установить, въ чемъ заключалось дѣло государственнаго измѣнника Вурма и предполагаемыхъ соучастниковъ его преступленія, да это и не особенно важно. То же, что нужно было спасителю отечества Штиберу и пославшимъ его, стоитъ внѣ сомнѣній: имъ нужно было уничтожить двухъ порядочныхъ людей, фабриканта Шлефеля въ Эйхбергѣ и школьнаго учителя Вандера въ Гиршбергѣ. Бюрократія возненавидѣла обоихъ ихъ за работу въ дѣлѣ политическаго развитія массъ; Шлеффеля, кромѣ того, возненавидѣли и юнкеры, потому что онъ и словомъ и дѣломъ помогалъ сельскому пролетаріату бороться противъ произвольнаго повышенія феодальныхъ тяготъ.

Съ полнымъ нарушеніемъ той скромной защиты, которую предоставляло домартовское законодательство личности подданныхъ, Штиберъ арестовалъ Шлеффеля, и Вандера, какъ предполагаемыхъ соучастниковъ въ заговорѣ Вурма, забравъ ихъ бумаги до мельчайшаго клочка. Но онъ не нашелъ въ нихъ ни одной нити, изъ которой его творческая фантазія свила бы веревку для заключенныхъ. Обоихъ пришлось выпустить черезъ болѣе или менѣе короткое время, и единственной жертвой неудавшагося спасенія государства былъ Меркель, оберпрезидентъ Силезіи. Господинъ этотъ вообще былъ испытанный бюрократъ, доказавшій это тѣмъ, что не замѣчалъ нужды ткачей и не слышалъ, какъ они взываютъ о помощи. Было ли то ревность бюрократа или какое-нибудь лучшее чувство, но дѣятельность Штибера, распоряжавшагося, какъ какой-нибудь паша, была противна ему, и онъ не обращался съ арестованнымъ Шлеффелемъ такъ грубо, какъ этого требовалъ сыщикъ. Меркелю было дано знать о недовольствѣ короля, и ему пришлось выйти въ отставку.

Уже при первомъ появленіи своемъ на исторической аренѣ Штиберъ могъ сказать то, что громко твердили дѣла его: прусское государство это я!

Глава двѣнадцатая.

Германскій соціализмъ.

Для того, чтобы западно-европейскій соціализмъ могъ проникнуть въ Германію, ростъ массоваго пролетаріата въ этой странѣ вовсе не былъ необходимымъ условіемъ. Одно литературное развитіе германской буржуазіи имѣло своимъ естественнымъ слѣдствіемъ то, что такія выдающіяся произведенія, какъ работы Сенъ-Симона и Фурье, находили живыхъ и внимательныхъ читателей и по ту сторону Рейна. Но, съ другой стороны, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого

было и то, что при оцѣнкѣ французскаго утопизма перевѣшивала литературная точка зрѣнія, что экономическая сущность его, скрытая подъ фантастической оболочкой, не только оставалась не понятой, но даже просто не замѣчалась.

Прежде всего и главнымъ образомъ въ германскихъ образованныхъ кругахъ нашли себѣ откликъ уродливыя стороны сенъ-симонизма; нѣкоторые теологи, напр., разсматривали въ началѣ тридцатыхъ годовъ сенъ-симонизмъ, какъ новую церковную секту. Въ то же время „Молодая Германія“ и эстетическіе кружки Берлина истолковывали въ чувственномъ смыслѣ эмансипацію плоти, и даже такая въ своемъ родѣ замѣчательная женщина, какъ знаменитая Рахиль, не пошла дальше остроумнаго или даже только дѣланно-остроумнаго разсмотрѣнія этого пункта. Въ настоящее время для насъ было бы совершенно безцѣльнымъ подробно останавливаться на такого рода литературной игрѣ въ соціализмъ.

Что-то такое слышится, правда, въ слѣдующихъ словахъ князя Пюклера изъ письма его къ Рахили отъ 5 февраля 1832 г.: „Это, дѣйствительно, новое ученіе и твердое убѣжденіе въ наступленіи новой эпохи, хотя, можетъ быть, она будетъ развиваться очень медленно и осуществится еще черезъ столѣтія“; но онъ тотчасъ прибавляетъ: „впрочемъ, эта эпоха еще болѣе далека для насъ, и тому, кому не хочется попасть въ Шпандау, остается созерцать ее, какъ далекій метеоръ“. Однако, не одинъ только страхъ передъ Шпандау парализовалъ руки и головы этихъ курьезныхъ соціалистовъ. Послѣ бесѣды съ Пюклеромъ о сенъ-симонизмѣ Рахиль пишетъ ему: „Изложенныя Вами вчера идеи благородны и чисты, невинны и кротки, скромны и рѣшительны; они подкрѣпили меня и освѣжили, какъ майскій дождь засохшую землю. Это было для меня утѣшеніемъ и поддержкой“! Этому старому грѣховоднику нравилось выслушивать отъ своихъ

подругъ такія возвышенно-восторженныя изліянія, и это не мѣшало ему тутъ же въ письмѣ къ мужу Рахили, удивительно пронырливому Варнгагену, сдѣлать вполнѣ понятную оговорку, что соціализмъ ничуть не отзовется на прекрасныхъ условіяхъ жизни, въ которыхъ онъ живетъ, живутъ его друзья и приличное общество. Въ лучшемъ случаѣ соціалистическое кокетство тридцатыхъ годовъ было моднымъ времяпрепровожденіемъ для такихъ людей, у которыхъ нарушалось эстетическое равновѣсіе при видѣ голодныхъ, больныхъ и грязныхъ людей и которые загорались, какъ костеръ изъ соломы, при чтеніи евангелія, обѣщающаго всѣмъ людямъ образованіе и благосостояніе.

Среди германскихъ соціалистовъ того времени, поскольку вообще здѣсь умѣстно подобное обозначеніе, былъ одинъ, который по силѣ своихъ симпатій къ страданіямъ рабочаго класса, по критическому отношенію своему къ условіямъ капиталистическаго процесса производства, по своей безкорыстной самоотверженности справедливо можетъ быть поставленъ наряду съ великими утопистами западно-европейскаго пролетаріата. Его звали Людвигъ Галль, а былъ онъ мелкимъ чиновникомъ въ Рейнской области сперва на французской, а потомъ на прусской службѣ. Создавая одну утопію за другой, онъ все хотѣлъ ими достигнуть одного и того же: устранить нищету пролетаріата. Сперва Галль хотѣлъ организовать эмиграцію и онъ вложилъ въ это дѣло все унаслѣдованное имъ состояніе; дѣло кончилось для него печальнымъ разочарованіемъ. О слѣдующемъ планѣ его можно судить по заглавію самаго важнаго сочиненія его: „Обезпеченіе бумажныхъ денегъ хлѣбными запасами; скорое, пожалуй, единственное средство поднять и упрочить понизившееся благосостояніе Германіи и сразу уничтожить дурныя стороны нужды и избытка“ Единственно, чего онъ добился этимъ сочиненіемъ,

былъ грубый приказъ министра Шукмана, въ которомъ указывалось па то, что у Галля, повидимому, недостаточно служебныхъ обязанностей, и предписывалось, чтобъ этого впредь не было. Наконецъ, по выходѣ въ отставку, Галль занялся новымъ планомъ поселиться въ сельскомъ обществѣ и при помощи такихъ выгодныхъ общественныхъ учрежденій, какъ общественныя молотилки, пекарни и прачешныя, возбудить въ населеніи стремленіе ко всеобщему обобществленію. Галль былъ ловкимъ изобрѣтателемъ, и надѣялся, что доходы отъ изобрѣтеній дадутъ ему средства для осуществленія этой утопіи. Но до этого дѣло не дошло. Отъ попытки литературной пропаганды идей Сенъ-Симона, Фурье и Оуена въ собственномъ органѣ, подъ названіемъ „Человѣколюбивыя записки“ (Menschenfreundliche Blätter) ему пришлось отказаться сейчасъ же послѣ выпуска перваго номера: органъ его не нашелъ себѣ читателей. Вся соціалистическая дѣятельность Галля представляетъ собой длинный рядъ непрерывныхъ разочарованій.

Онъ утѣшался тѣмъ, что въ концѣ концовъ истина все же побѣдитъ, и надежда эта его не обманула. Въ исторіи германскаго соціализма имя его останется памятнымъ. То, что Галль сдѣлалъ, сдѣлало бы честь вообще нѣмцу двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ; въ особенности же оно дѣлаетъ честь прусскому окружному правительственному секретарю. Съ другой стороны, было бы безплодной попыткой стараться доказать ковыряніемъ въ отдѣльныхъ словахъ и толкованіемъ отдѣльныхъ фразъ, что Галль былъ теоретикомъ, открывшимъ новые пути. Лучшее, что содержится въ его работахъ, не болѣе, чѣмъ мощный откликъ на западно-европейскій соціализмъ; онъ даже посѣтилъ однажды Фурье и Овена, какъ представителей этого движенія. Все, что Галль говоритъ о нуждѣ у однихъ при избыткѣ у другихъ, о необходимости объединить капиталъ, трудъ и талантъ, объ

изсякающей производительности общественнаго производства, все это взято у Фурье. Всюду, гдѣ его проекты уклоняются отъ предложеній утопистовъ, напр., организація эмиграціи или непрерывность хлѣбныхъ запасовъ, они въ историческомъ смыслѣ представляютъ собой шагъ назадъ, и въ этомъ, правда, не его личная вина, а вина общей германской отсталости. Дальше Фурье и Овена Галль нигдѣ не заходитъ, и хотя онъ умеръ въ 1863 г., онъ ни разу не принялъ какого-нибудь участія въ самостоятельномъ движеніи рабочаго класса.

Въ 1842 году появилась „Исторія французскаго соціализма и коммунизма“ Лоренца Штейна; въ извѣстномъ смыслѣ она знаменуетъ собой поворотъ въ германскомъ соціализмѣ: кончилась дѣтская и ребяческая игра въ соціализмъ, началась серьезная жизнь. Эта книга раскрыла передъ германской интеллигенціей дверь, ведущую къ тѣмъ подземнымъ ходамъ, въ которыхъ будутъ заложены мины для уничтоженія буржуазнаго общества. Въ общемъ мы имѣемъ еще передъ собой легковѣсный товаръ, сильно отдающій беллетристикой, особенно подробно останавливающійся на странной внѣшности утопизма, на фантазіяхъ Фурье о возможномъ развитіи земли, на іерархическомъ расчлененіи общины у Анфантена. Книга эта обнаруживаетъ часто и невѣрное пониманіе и простое непониманіе, но все-таки она раскрыла экономически-соціальную основу французскаго соціализма и коммунизма, классовую борьбу между буржуазіей и пролетаріатомъ. Это было кислое и незрѣлое яблоко, но все же яблоко познанія. Рошеръ говоритъ, что книга Штейна была для нѣмецкой публики сказкой, не имѣющей отношенія къ дѣйствительности, но это невѣрно; гораздо болѣе подходитъ мнѣніе Гвидо Вейса, который говоритъ, что при помощи этой книги буржуазія познала самое себя. Когда Штейнъ говоритъ, что соціалистическое движеніе въ Германіи началось съ по-

явленіемъ его книги, то онъ слишкомъ высоко цѣнитъ значеніе ея успѣха. Въ игрушечной формѣ оно уже существовало въ Германіи и до того, а въ осязательной формѣ оно не было создано книгой, а экономическими фактами: возрастающимъ обнищаніемъ массъ. Чтобы понять это, буржуазные круги болѣе или менѣе усердно работали надъ книгой Штейна.

Но для насъ было бы безцѣльнымъ останавливаться подробно и на этихъ идеологическихъ нитяхъ. Тогда въ Германіи еще не было рѣзко разграниченныхъ партій, и флагомъ „соціальный" прикрывалось столько же, если не больше, разнаго добра, чѣмъ флагомъ „либеральный". Гораздо плодотворнѣе будетъ, если мы спустимся до корня вещей и, поскольку возможно, отдѣлимъ другъ отъ друга отдѣльныя формы буржуазнаго соціализма по тѣмъ экономическимъ интересамъ, которые сознательно или безсознательно участвовали въ созданіи ихъ.

1. Христіанско-феодальный соціализмъ.

Подобно „Молодой Англіи" и части французскихъ легитимистовъ, германскій феодализмъ рано сдѣлалъ попытку использовать нужду пролетарскихъ массъ для борьбы съ грозно возрастающими силами капитала.

Однако то, что ему удалось, было только неуклюжей поддѣлкой подъ упомянутый остроумный образецъ. Всѣ или почти всѣ феодально-соціалистическія проявленія были проникнуты такимъ бездушнымъ піетизмомъ, который уже напередъ дѣлалъ ихъ совершенно безопасными. Орденъ Лебедя, который въ торжественномъ патентѣ рекомендовался прусскимъ королемъ, какъ духовный союзъ для проявленія христіанской любви по отношенію къ бѣднымъ и нищимъ, скоро сталъ всеобщимъ посмѣшищемъ. Пришлось отказаться отъ всякой попытки призвать его къ жизни. Романическія причуды короля не прикры-

вали собой и малѣйшихъ слѣдовъ искренняго сочувствія пролетаріату. Беттина фонъ-Арнимъ краснорѣчиво описала въ книгѣ, предназначенной для короля, страданія столичнаго пролетаріата, и Фридрихъ-Вильгельмъ, не зная, что дѣлать, стоялъ передъ этимъ лучемъ любви къ человѣку; лучъ этотъ заронилъ когда-то великій Гете въ голову этой Сибиллы романтики и отъ времени до времени онъ не переставалъ освѣщать ея запутанныя мысли. Но какъ этому фантасту королю было понять человѣческія слова Беттины, что для короля ближній это — голодающій народъ? Какъ ему было понять ея горькое обвиненіе, что преступникъ самъ по себѣ уже преступленіе со стороны государства.

Какъ двѣ мрачныя крѣпости, возвышались единственныя два христіанско-соціальныхъ учрежденія, удавшіяся королю: на югѣ столицы больница Виѳанія, а на сѣверѣ ея — одиночная тюрьма Моабитъ. Здѣсь внутренней миссіи предстояло приступить къ леченію физическихъ и духовныхъ болѣзней народа. Въ больницѣ господствовали достойныя короля діакониссы, которыя съ духовнымъ высокомѣріемъ вмѣшивались въ распоряженія врачей; въ одиночной тюрьмѣ братья изъ „Rauhe Haus“ (такъ называлась внутренняя миссія) испытывали свое умѣнье спасать души на заключенныхъ, когда они отъ жестокихъ условій одиночнаго заключенія становились податливѣе. Третьей Бастиліей христіанскаго соціализма явился работный домъ со всѣми его ужасами; отъ пяти часовъ утра до девяти вечера безработные нищіе тамъ должны были щипать шерсть подъ кнутомъ инспектора, распоряжавшагося имъ по своему произволу. Одновременно король провозгласилъ себя великимъ мастеромъ ордена Лебедя, утвердилъ законъ 1842 г. о попечительствѣ о бѣдныхъ, въ которомъ устанавливалось слѣдующее „основное правило управленія бѣдными“: бѣдные „вообще не имѣютъ никакого права и не могутъ въ

законномъ порядкѣ домогаться поддержки". Попечительство о бѣдныхъ имѣетъ своей цѣлью „исключительно удовлетвореніе крайне необходимыхъ потребностей и должно предупреждать дѣйствительную гибель отъ нужды"; прусскій обертрибуналъ въ общемъ засѣданіи неизвѣстно зачѣмъ разъяснилъ эту законодательную мудрость въ такомъ смыслѣ, что нуждающіеся въ помощи рабочіе не должны умереть съ голоду, въ виду „опасностей, возникающихъ для общественнаго спокойствія и нравственности, отъ нужды, безпомощности и отсутствія средствъ къ пропитанію". Таковы были размѣры этой христіанско-феодально-соціальной лягушки, и никакіе мѣхи романтической рекламы не могли раздуть ее въ вола.

Романтики-юнкеры не далеко ушли отъ своего романтика короля. Они были набожны, но ихъ христіанской любви къ ближнему хватало лишь на то, чтобъ эксплоатировать сельскій пролетаріатъ не современно-капитилистическимъ, но патріархально-феодальнымъ способомъ. Главнымъ гнѣздомъ ихъ была восточная Померанія: патріархъ Тадденъ жилъ въ Триглаффѣ, его зять Бланкенбургъ въ Циммергаузенѣ, горячій Клейстъ-Рецовъ въ Гроссъ-Тиховѣ и, наконецъ, въ Книпгофѣ жилъ упрямый юнкеръ Отто фонъ-Бисмаркъ. Что касается послѣдняго, то онъ былъ весь въ долгахъ и безъ гроша оборотнаго капитала и кредита, хозяйничалъ въ разстроенныхъ имѣніяхъ и изучалъ главу 32 второй книги библіи, гдѣ разсказывается забавная исторія о золотомъ тельцѣ; остальные же, разъяснявшіе другимъ положеніе вещей и понявшіе его, говорили языкомъ четырехъ великихъ и двѣнадцати остальныхъ пророковъ Ветхаго Завѣта. На общемъ собраніи померанскаго экономическаго общества старый Тадденъ прочиталъ елейный докладъ, въ которомъ онъ разболталъ всѣ сердечныя тайны этого общества, онъ журилъ своихъ благородныхъ товарищей за то, что ихъ пьяными

должны выносить съ окружныхъ собраній, проклиналъ еврейскую спекуляцію дворянскими имѣніями, смѣялся надъ „безстыдными притязаніями народовъ", которые не перестаютъ спрягать передъ князьями глаголъ осчастливить во всѣхъ временахъ, нашелъ, что дворянскій мундиръ съ блестящими эполетами есть глубокій символъ: — „что обозначаютъ украшенія на нашихъ плечахъ, если не крылья для того, чтобы подняться къ возсѣдающему на тронѣ орлу"! Подъ конецъ онъ спѣлъ пѣсню „о прекрасныхъ и отеческихъ отношеніяхъ между помѣщикомъ и живущими на его землѣ крестьянами". Противникамъ феодальныхъ привилегій на эксплоатацію онъ въ гнѣвно-пророческомъ тонѣ говоритъ слѣдующее: „Они хотятъ лишить насъ права судить, нести полицейскую службу, быть попечителями школъ и церквей, и по возможности отнять у насъ значеніе государственнаго сословія, свести насъ по возможности къ состоянію травоядныхъ... Наши противники готовятъ намъ будущее, въ которомъ мы не будемъ больше ѣздить на четверкѣ, а пополземъ на всѣхъ на четырехъ". Дѣйствительно, поденщики для этихъ юнкеровъ были „четвероногими травоядными", и они хотѣли попрежнему давить ихъ своими экипажами; единственная уступка, на которую они были согласны это — не держать кнута въ рукахъ, а вмѣсто того призвать на помощь Господа Бога.

Христіанско-феодальный соціализмъ далъ только двухъ писателей съ болѣе широкимъ кругозоромъ: Губера и Германа Вагенера. Губеръ получилъ вольподумное воспитаніе, много путешествовалъ за границей, но вдругъ на него нашло просвѣтленіе и онъ увѣровалъ во внутреннюю миссію и въ божественное происхожденіе королевской власти. Въ своемъ родѣ онъ былъ искренній и добрый человѣкъ, успѣвшій понять во Франціи и въ Англіи невозможность феодально-цеховой реакціи и оцѣнить до извѣстной степени хо-

рошія стороны въ стремленіи пролетаріата къ ассоціаціи. Его ввела въ заблужденіе призрачная надежда, что господствующіе классы вообще, а „соціальная королевская власть“ въ особенности добровольно осуществятъ соціальную реформу. Король призвалъ Губера въ Берлинъ, но онъ тамъ не сумѣлъ создать себѣ такой кругъ, гдѣ бы онъ могъ проявить какую-нибудь практическую дѣятельность. Противъ воли роптавшаго при Эйхгорнѣ университета онъ былъ приставленъ къ послѣднему; враждебное отношеніе университетскихъ товарищей заставило его покинуть службу, а въ прусской бюрократіи, какъ онъ самъ говоритъ, онъ натолкнулся на „противную породу живыхъ труповъ“. Его печатный органъ Янусъ имѣлъ такъ мало читателей, что король долженъ былъ изъ собственнаго кармана покрывать расходы по изданію.

Германъ Вагенеръ былъ человѣкъ совсѣмъ другого покроя. Уроженецъ пограничной деревни онъ со всей своей угловатой, худощавой, костлявой фигурой, съ рѣзкими чертами лица, былъ одновременно воплощеніемъ трезвости и чего-то донъ-кихотскаго; онъ умѣлъ выступать со своимъ ржавымъ мечемъ на защиту неосуществимыхъ идеаловъ, и, какъ членъ религіозной секты ирвингіанцевъ, онъ достигъ степени архидіакона. Онъ не былъ ни фантазеромъ, ни аферистомъ, но какой-то странной нераздѣльной смѣсью фантазера и афериста. Уже первые шаги его характеризуютъ всю его дальнѣйшую карьеру. Практическую школу соціализма Вагенеръ прошелъ при улучшеніи Тухельскихъ луговъ; эта попытка „внутренней колонизаціи“ стала извѣстна, благодаря своей выдающейся неудачѣ, въ которой король утѣшился остроумнымъ замѣчаніемъ, что фунтъ сѣна съ улучшенныхъ луговъ стоитъ странѣ столько же, сколько фунтъ настоящаго китайскаго чая. Послѣ этого мы видимъ Вагенера консисторскимъ ассесоромъ въ Магдебургѣ,

и здѣсь пара остроумныхъ романтиковъ изъ среды его начальниковъ помогли ему остепениться. Однако, страсть къ практическимъ экспериментамъ, равно какъ неудача въ нихъ не покидали его. Неудачи эти проистекали именно отъ того, что онъ не былъ опытнымъ спекулянтомъ, обыкновеннымъ биржевымъ волкомъ, но довольствовался незначительной личною прибылью, лишь бы самая большая часть прибыли пошла на пользу того, что онъ считалъ справедливымъ дѣломъ. Только подмѣтивъ слабыя стороны капитализма, не оцѣнивая слишкомъ низко и сильныя стороны его, Вагенеръ все-таки относился къ капитализму съ ненавистью; онъ зналъ очень хорошо, что при помощи феодализма, не могшаго занять опредѣленную позицію по отношенію къ промышленному пролетаріату, противъ капитализма ничего не сдѣлаешь. Неразборчивый въ средствахъ, безпощадный въ полемикѣ, находчивый и искусный агитаторъ и публицистъ, Вагенеръ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, былъ подходящимъ человѣкомъ для феодально-соціалистической агитаціи среди массъ; но духовная неподвижность остъ-эльбскаго юнкерства помѣшала ему хоть одинъ разъ сочинить сколько-нибудь соблазнительную мелодію. Въ отчаяніи онъ жаловался на то, что консерваторы наполовину ослы по рожденію, а наполовину ослы изъ принципа, но онъ не замѣчалъ при этомъ того, что за духовной ограниченностью ихъ можетъ скрываться вполнѣ вѣрный классовый инстинктъ. Уже съ самаго начала юнкерство пугалось какъ самой личности Вагенера, такъ и его политики.

Пока что Вагенеръ дѣлалъ пробы своему демологическому искусству въ „Рейнскомъ Наблюдателѣ", оффиціальной кельнской газетѣ, задачей которой было вырвать съ корнемъ засѣянную Рейнской Газетой сорную траву. Молодой либерализмъ съ самаго начала боролся противъ налога на помолъ и убой, взымавшагося въ большихъ городахъ вмѣсто сословныхъ по-

датей, видя въ этомъ несправедливое притѣсненіе бѣдняковъ; либерализмомъ руководили при этомъ наполовину идеалстическія основанія, наполовину же, напр., Ганземанномъ, тотъ же ходъ мыслей, который настраивалъ англійскихъ промышленниковъ противъ хлѣбныхъ пошлинъ. Онъ требовалъ, чтобы этотъ косвенный налогъ на хлѣбъ и мясо въ интересахъ бѣднѣйшихъ классовъ былъ замѣненъ сословными податями, если же эти подати не дадутъ прежней суммы доходовъ, то пополнить ее подоходнымъ налогомъ съ богатыхъ классовъ. Правительство внесло такого рода проектъ закона въ объединенный ландтагъ 1847 года; оно предложило такой подоходный налогъ: каждый самъ заявляетъ сумму своихъ доходовъ; со всякаго дохода, превышающаго четыреста талеровъ, взимается два процента, а если онъ былъ обезпеченъ имуществомъ, то три процента. Правительство очень вяло защищало проектъ, потому что оно вовсе не желало принятія его; оно внесло его только затѣмъ, что надѣялось на отклоненіе его объединеннымъ ландтагомъ, и думало этимъ, съ одной стороны, скомпрометировать его въ глазахъ массы, а, съ другой, самому дешево поблистать своимъ расположеніемъ къ рабочимъ. Планъ этотъ не удался вполнѣ. Князья, бароны и рыцари объединеннаго ландтага за нѣкоторыми исключеніями рѣзко выступили противъ правительственнаго проекта, большая же часть западнопрусскихъ и рейнскихъ либераловъ была достаточно честна и дальновидна и осталась вѣрной проекту. Кампгаузенъ и Ганземанъ энергично выступили въ защиту предлагавшагося подоходнаго налога; Кампгаузенъ говорилъ даже по этому случаю, что въ самомъ корнѣ соціализма содержится истина, именно та „истина, что разъ человѣкъ живетъ, то онъ и въ правѣ жить, и что общество должно признать это право въ болѣе широкомъ объемѣ“. Въ томъ значительномъ большинствѣ, которое отвергло проектъ, сторонники правительства преобладали.

Другіе же либералы, между прочимъ весьма уважаемые корифеи рейнской буржуазіи, напримѣръ, меннонитъ Бекератъ, самъ ставшій капиталистомъ и хваставшій тѣмъ, что колыбель его стояла возлѣ ткацкаго станка его отца, попались въ ловушку, говорили противъ подоходнаго налога, видя въ немъ возмутительную мѣру, угрозу нравственности, революціонный шагъ. Вотъ тутъ-то „Рейнскій наблюдатель“ и закинулъ свою христіански-феодально-соціалистическую удочку. Подоходный налогъ возмутительная мѣра? „А развѣ не возмутительно, что бѣдный человѣкъ, которому едва хватаетъ на хлѣбъ, еще долженъ платить налогъ за него; вѣдь если бы доходъ этого человѣка былъ сколько-нибудь достаточнымъ, онъ охотно объявилъ бы размѣры его“. Подоходный налогъ угроза нравственности? „А положеніе бѣдняка, котораго давятъ налогами, которому сокращаютъ заработную плату, оно не угрожаетъ нравственности?“ Подоходный налогъ ведетъ къ революціи? „Онъ, конечно, ведетъ, но не къ революціи, а къ измѣненію соціальныхъ отношеній, къ устраненію безконечной нищеты; онъ ведетъ и къ коммунизму, но не къ тому, который придумали коммунисты, а къ тому, который содержится уже во всеобщемъ сводѣ гражданскомъ, который освященъ уже христіанствомъ“. Итакъ дальше вплоть до гимна союзу короны съ пролетаріатомъ.

Если христіански-феодальный соціализмъ хотѣлъ показать этимъ не только то, что онъ умѣетъ бичевать противорѣчія либеральной буржуазіи, но и то, что онъ умѣетъ привлекать и сочувствіе рабочаго класса, то это ему не удалось. Такіе фокусы были уже слишкомъ просты для рейнскаго пролетаріата. Онъ слушалъ обращенную къ нему рѣчь, но у него было достаточно основаній не вѣрить ей.

з. Буржуазный соціализмъ.

Буржуазія тоже искала средствъ, чтобъ какъ-нибудь облегчить нужду пролетаріата. Какъ теперь, такъ она

и тогда любила выставлять свои внутренніе раздоры, какъ, напр., споръ о свободѣ торговли и покровительственныхъ пошлинахъ, какъ борьбу, въ которой она благородно и геройски отдавала себя на растерзаніе въ интересахъ рабочаго класса.

Кромѣ этихъ ораторскихъ пріемовъ, ей нравились еще: спортъ умѣренной благотворительности, учрежденіе фабричныхъ кассъ, капиталовъ для премій и разныя другія реформы этого рода, имѣвшія всѣ одну и ту же цѣль: укрѣпить господство буржуазіи надъ пролетаріатомъ при помощи такихъ мѣръ, которыя казались пожертвованіемъ въ пользу рабочихъ, фактически же были средствомъ уменьшить стоимость производства. Уже тогда буржазія считала очень важнымъ дѣломъ сдѣлать изъ пролетаріевъ довольныхъ людей, подъ тѣмъ условіемъ, во-первыхъ, чтобы это не только ей ничего не стоило, но даже принесло доходъ, и, во вторыхъ, чтобы примѣняемыя ею мѣры не только не будили классоваго сознанія рабочихъ, но по возможности усыпляли его тамъ, гдѣ оно проснулось уже.

Гордостью и славой буржуазнаго соціализма въ сороковые годы былъ „Центральный союзъ на благо рабочаго класса". Онъ былъ основанъ осенью 1844 года, когда голодный бунтъ силезскихъ ткачей нагналъ страху буржуазіи, только что представившей себя въ выгодномъ свѣтѣ на берлинской выставкѣ. Союзъ долженъ былъ открыть отдѣленія во всей Германіи и взяться за корни страданій пролетаріата. Въ это неспокойное время и при значительной незрѣлости классовой борьбы мысль эта произвела сильное дѣйствіе. Велико было воодушевленіе, вызванное этимъ союзомъ въ различныхъ кругахъ: король обѣщалъ ему пятнадцать тысячъ талеровъ. Недовольная оппозиція связывала съ этимъ союзомъ прекрасные планы о бюро для пріисканія труда и организаціи труда, наконецъ, сами рабочіе сотнями стали записываться въ него.

Это были прекрасныя мечты, и на дѣлѣ вышло

иначе. Въ первомъ воззваніи своемъ сами фабриканты считали необходимымъ „дѣятельное участіе рабочаго класса“, но они сейчасъ же измѣнили это убѣжденіе, когда замѣтили, что имъ придется имѣть дѣло не съ маріонетками, а съ дѣйствительными рабочими. Когда берлинское отдѣленіе постановило установить годовой членскій взносъ въ размѣрѣ десяти зильбергрошеновъ и устраивать еженедѣльныя или ежемѣсячныя собранія, то фабриканты заявили, что нельзя вызывать рабочихъ на новые расходы и что въ городѣ нѣтъ достаточнаго числа помѣщеній для устройства столькихъ собраній. Кромѣ того, они говорили, что они и сами прекрасно знаютъ, чего надо народу, самъ народъ далеко еще не созрѣлъ для такихъ вопросовъ, а предполагаемыя собранія превратятся въ якобинскіе клубы и въ бурные центры коммунистическихъ споровъ. Понятно, что эта скорбь нашла себѣ сочувственный откликъ со стороны христіанскаго государства, и берлинское отдѣленіе союза не было утверждено властями.

Еще болѣе удивительныя явленія разыгрались при открытіи кельнскаго отдѣленія. Бывшіе сотрудники „Рейнской Газеты“, Бюргерсъ и Юнгъ, внесли на учредительномъ собраніи предложеніе, чтобъ союзъ назывался союзомъ самообразованія и взаимопомощи, такъ какъ они желали бы устранить изъ названія его всякіе слѣды снисходительнаго патроната. Но лишь только это предложеніе было принято, какъ Лудольфъ Кампгаузенъ, наиболѣе уважаемый и сравнительно наиболѣе дальновидный вождь рейнской буржуазіи, заявилъ о своемъ уходѣ, при этомъ онъ съ заслуживающей признательности откровенностью заявилъ, что онъ не можетъ содѣйствовать такому дѣлу, „которое можетъ вызвать въ рабочемъ классѣ повышенныя требованія, можетъ сдѣлать ихъ болѣе недовольными своимъ положеніемъ, менѣе усердными въ работѣ, и которое, вмѣсто удовлетворенія существующихъ потреб-

ностей, способно возбуждать у рабочихъ лишь новыя потребности". Все остальное и въ Кельнѣ взяла на себя полиція, и то же самое произошло во всей странѣ тамъ, гдѣ союзы на благо рабочаго класса стремились стать чѣмъ-нибудь лучшимъ, чѣмъ средствомъ укрѣпить власть господствующихъ классовъ и вводить ради этого угнетенный классъ въ заблужденіе относительно причинъ его мукъ. Самый безспорный патріотизмъ не могъ защитить отъ подозрѣнія въ „космополитизмѣ и филантропизмѣ", нужно было только, чтобъ этотъ патріотизмъ былъ связанъ съ нѣкоторымъ расположеніемъ къ пролетаріату; на берлинскомъ собраніи въ 1848 году вождь правой, профессоръ Баумштаркъ изъ Грейсвальда горько упрекалъ правительство въ томъ, что оно намѣренно оттягивало разрѣшеніе балтійскаго отдѣленія, которое онъ съ Родбертусомъ предполагали устроить, и что оно дѣйствительно затянуло его до того времени, пока интересъ къ дѣлу не исчезъ совершенно.

Въ концѣ концовъ и самъ центральный союзъ возбудилъ подозрительность христіанскаго государства и соціальной королевской власти. Ему не выдали королевскаго пожертвованія, не дали оффиціальнаго утвержденія, несмотря на всѣ старанія союза „пересмотрѣть" свой уставъ. Послѣ мартовскихъ дней союзъ этотъ испыталъ усиленное желаніе одурачить рабочихъ, и онъ возвѣстилъ въ торжественномъ воззваніи, что пали наконецъ „душившія его оковы смерти" и что теперь онъ покажетъ, что „онъ способенъ жить". Но „сила, вновь пріобрѣтенная имъ, благодаря свободѣ", помогла ему такъ же мало, какъ полученное наконецъ королевское пожертвованіе. Съ пробужденіемъ пролетаріата буржуазный соціализмъ исчезъ самъ собой. Выгоды, которыя онъ обѣщалъ, съ каждымъ днемъ становились все менѣе значительными, и потому буржуазія предпочла отказаться отъ этого нелегкаго и не особенно пріятнаго лицемѣрія. Центральный союзъ

на благо рабочаго класса и теперь еще подобно фіалкѣ процвѣтаетъ въ укромныхъ уголкахъ и удовлетворяетъ первоначальнымъ намѣреніямъ своихъ основателей: дѣятельность его исчерпывается тѣмъ, что онъ пользуется различными газетами и трактатами для нападокъ на сознательный рабочій классъ съ манчестерско-капиталистической точки зрѣнія. Но это никого не интересуетъ; не только пролетаріатъ, но даже буржуазію.

Впрочемъ буржуазный соціализмъ эпохи расцвѣта такъ же хорошо характеризуется практикой своихъ благотворительныхъ учрежденій, какъ христіански-феодальный соціализмъ своимъ принципіальнымъ законодательствомъ о бѣдныхъ. Буржуазные представители берлинскаго попечительства о бѣдныхъ обнаружили свою любовь къ ближнему довольно страннымъ образомъ: прежде чѣмъ дать пособіе, управленіе попечительства о бѣдныхъ подвергало молодыхъ матерей семейства изслѣдованію, не имѣютъ ли еще эти несчастныя женщины молока.

3. Соціализмъ философствующихъ романтиковъ.

Третья форма буржуазнаго соціализма въ результатѣ своего вліянія также оказалась реакціонной, несмотря на то, что она искренне считала себя революціонной. Представителями ея были Моисей Гессъ, Отто Люнингъ, Карлъ Грюнъ и другіе писатели изъ Рейнской провинціи, изъ Силезіи, изъ королевства Саксонскаго; въ большинствѣ случаевъ они отъ Гегеля пришли къ Фейербаху и теперь, испуганные растущей нуждой пролетаріата, хотѣли осуществить при помощи французскаго соціализма „истиннаго человѣка“ на землѣ. Они создали себѣ цѣлый рядъ печатныхъ органовъ: „Общественное Зеркало,“ выходившее съ лѣта 1845 года до лѣта 1846 года, затѣмъ „Рейнскіе Ежегодники“ и „Нѣмецкая Гражданская Книга,“ выдержавшіе 2 года существованія, 1845 и 1846 годъ, потомъ „Вестфальскій Па-

роходъ", ежемѣсячный журналъ, начавшій свое существованіе въ 1845 году и просуществовавшій до германской революціи, наконецъ, отдѣльныя ежедневныя газеты, напр., „Трирская Газета".

Безспорно, это движеніе имѣло свои свѣтлыя стороны. Прежде всего въ этомъ отношеніи надо упомянуть о томъ, что оно раскрывало передъ всѣми страданія пролетаріата. Въ органахъ этого направленія по этому вопросу печатались столь содержательныя корреспонденціи, что ихъ и сегодня можно еще прочесть съ большой пользой. Въ „Нѣмецкой Гражданской Книгѣ" Вильгельмъ Вольфъ съ революціоннымъ задоромъ написалъ исторію силезскихъ ткачей. Въ „Рейнскихъ Ежегодникахъ" Бабефа и Марата называли истинными друзьями голоднаго народа. Комичныя возраженія мѣщанства противъ коммунизма ѣдко высмѣивались въ этихъ журналахъ, не забывали при этомъ и упрека по вопросу о „распредѣленіи", равно какъ трагической задачи найти кого-нибудь, кто въ „государствѣ будущаго" будетъ чистить сапоги,—возраженія, которыя и тогда уже были въ полномъ ходу. Съ того времени измѣнилось въ этомъ отношеніи только то, что знаменитый вопросъ о чисткѣ сапогъ теперь глубокомысленно обсуждается предусмотрительными свободомыслящими или государственными людьми, тогда же этимъ вопросомъ пользовались только коммивояжеры для того, чтобы за ужиномъ въ трактирѣ уничтожить соціализмъ. Гуманизмъ Фейербаха и анархизмъ Прудона были главными центрами умственной работы Гесса и Грюна. Благодаря этому, казалось, что они стоятъ на высшей точкѣ духовнаго развитія Германіи и Франціи.

Въ дѣйствительности же это было не такъ. Быстрое развитіе промышленности имѣло своимъ послѣдствіемъ, что и въ Германіи разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ философскимъ путемъ перестало быть занятіемъ революціоннымъ, а стало дѣломъ реакціоннымъ; между

тѣмъ ни Гессъ, ни Грюнъ не сумѣли освободиться отъ чаръ философіи. Поскольку они усвоили себѣ французскій соціализмъ, они лишили его значенія, такъ какъ они видѣли въ немъ не то, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности; они видѣли въ немъ не литературное проявленіе экономической борьбы классовъ, а философскую спекуляцію на тему о сущности человѣка. Главнымъ же образомъ они ухватывались за искусственные общественные порядки, создаваемые утопизмомъ, и при помощи разныхъ философскихъ фокусовъ „уничтожали“ и „одолѣвали“ ихъ въ возвышенной пустотѣ гегелевскихъ категорій; не замѣчая, проходили они мимо той острой критики, которой утопизмъ подвергалъ буржуазное общество. Даже въ Прудонѣ ихъ больше интересовали его философскіе промахи, чѣмъ правильные выводы его политической экономіи.

Но и германскую философію они испортили въ неменьшей степени, чѣмъ французскій соціализмъ. Если Фейербахъ раскрылъ, что христіанскій Богъ это только отвлеченная отъ человѣка сущность его, что человѣку надо только познать самого себя, чтобы освободиться отъ Бога, то Гессъ утверждалъ, что деньги въ области экономическихъ отношеній то же самое, что Богъ въ философіи, что человѣку нужно только познать въ себѣ самомъ дѣятельнаго члена человѣческаго общества, творческую всемогущую личность, чтобы стать независимымъ отъ денегъ и всей грязи безчеловѣчной дѣйствительности. Гессъ пытался пояснить этотъ удивительный соціализмъ, переводя экономическія понятія на языкъ философіи. Но когда онъ съ важностью заявляетъ, что матеріальная собственность это — ставшее idee-fixe самобытіе духа, то это изреченіе оракула никогда нельзя поставить въ одинъ рядъ даже съ самыми странными картинами будущаго, которыя созданы были утопизмомъ. Что касается Грюна, то онъ разбавлялъ водой фейербахскіе гимны любви; онъ пре-

вратилась у него въ любовную напыщенность, превращающую борьбу человѣчества въ розовую гармонію и успокаившуюся мечтой о томъ, что когда-нибудь дѣти играя будутъ намъ добывать все, что даетъ современное производство.

При всемъ томъ было бы несправедливо, если бы мы отнеслись къ этой разновидности германскаго соціализма съ тою же безпощадной критикой, какую мы находимъ въ „Коммунистическомъ манифестѣ“ Маркса и Энгельса. Только съ большими оговорками можно теперь поддерживать самое главное изъ тѣхъ обвиненій, которыя были выставлены противъ этого теченія, именно обвиненія въ томъ, что оно работало на руку домартовской реакціи. Конечно, гордое высокомѣріе, съ которымъ соціализмъ философствующихъ романтиковъ обыкновенно трактовалъ о либеральныхъ стремленіяхъ буржуазіи, облегчало положеніе абсолютизма. Какъ ни пуглива была буржуазная оппозиція на безсильныхъ провинціальныхъ ландтагахъ, она все же была непріятна берлинскому правительству, непріятнѣе, чѣмъ переводъ французскаго утопизма на языкъ испорченнаго гегеліанства. Но соціализмъ философствующихъ романтиковъ или, какъ Грюнъ его называлъ, „истинный соціализмъ“, былъ далекъ отъ желанія служить „желаннымъ пугаломъ противъ буржуазіи, переходившей въ угрожающую позицію“. Этотъ соціализмъ дѣйствительно желалъ быть революціоннымъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ понималъ это слово; представители его забывали только о томъ, что то, что носило революціонный характеръ на почвѣ развитого буржуазнаго общества, должно было получить реакціонный характеръ тамъ, гдѣ такой почвы еще не было и гдѣ ее нужно было еще завоевать.

Если бы Марксъ и Энгельсъ въ то время уже видѣли, что представители „истиннаго соціализма“ безсознательно играютъ роль предателей, то они не стали бы сотрудничать въ органахъ того направленія.

Правда, сами они никогда не были „истинными соціалистами“; когда въ 1845 году въ Германіи началъ распространяться соціализмъ философствующихъ романтиковъ, Марксъ и Энгельсъ давно уже переросли его; однако они не сдѣлали того, въ чемъ ихъ несправедливо такъ часто обвиняли: они не прошли съ видомъ высокомѣрнаго превосходства мимо неразвитой формы движенія, но старались способствовать тому, чтобы движеніе это поскорѣе переросло эту стадію. Вотъ почему Энгельсъ вмѣстѣ съ Гессомъ основалъ „Общественное Зеркало,“ а Марксъ принялъ въ немъ участіе, хотя въ программной передовой статьѣ этого органа Гессъ заявилъ, что „всѣ политическія либеральныя стремленія стали намъ болѣе, чѣмъ безразличны, даже прямо противны“. Такимъ образомъ въ оцѣнкѣ соціализма философствующихъ романтиковъ Марксъ и Энгельсъ стояли на той правильной точкѣ зрѣнія, что плохіе музыканты могутъ быть порядочными людьми, и нельзя не признать правильнымъ и то, что они выступали противъ него въ его же собственныхъ органахъ всякій разъ, когда видно было, что эти порядочные люди не хотятъ отказаться отъ своей плохой музыки.

Вотъ что писалъ „въ Нѣмецкой Гражданской Книгѣ“ за 1846 годъ Энгельсъ черезъ годъ послѣ основанія „Общественнаго Зеркала“: „Нѣмцы начинаютъ съ того, что портятъ коммунистическое движеніе. Какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ они являются послѣдними и самыми бездѣятельными и думаютъ прикрыть свою сонливость презрѣніемъ къ своимъ предшественникамъ и рекламированіемъ собственной философіи. Не успѣлъ коммунизмъ появиться въ Германіи, какъ на него напала цѣлая армія философовъ, которые видятъ чуть ли не подвигъ въ томъ, что имъ удается перевести на языкъ гегелевской логики такія мысли, которыя во Франціи и въ Англіи стали уже тривіальными; эту премудрость они выдаютъ за нѣчто такое, что еще никогда не было высказано,

за истинную германскую теорію", а затѣмъ уже сколько душѣ угодно бросаютъ грязью въ „скверную практику" въ „возбуждающія улыбку" соціальныя системы ограниченныхъ французовъ и англичанъ". „Этимъ мудрецамъ" Энгельсъ преподноситъ главу изъ Фурье о торговлѣ для того, чтобы они могли поставить себѣ его въ примѣръ. „Правда, Фурье не явился продуктомъ гегелевской теоріи и къ сожалѣнію не могъ дойти до познанія абсолютной истины или хотя бы абсолютнаго соціализма; правда, что вслѣдствіе этого недостатка Фурье дошелъ до того, что методъ рядовъ поставилъ на мѣсто абсолютнаго метода; это привело его къ обсужденію того, какъ море превратится въ лимонадъ, какъ возникнетъ анти-левъ и планеты вступятъ въ бракъ; но если ужъ на то пошло, то я предпочитаю вмѣстѣ съ веселымъ Фурье вѣрить во всѣ эти исторіи, а не въ царство абсолютнаго духа, гдѣ нѣтъ лимонада, въ тождество „бытія" и „ничего", въ бракъ вѣчныхъ категорій. Французская безсмыслица, по крайней мѣрѣ, веселая безсмыслица, тогда какъ нѣмецкая мрачна и глубокомысленна".

Приведя отрывокъ изъ Фурье, Энгельсъ продолжаетъ: „Перестали бы, наконецъ, нѣмцы придавать такое значеніе своей основательности. Исходя изъ самыхъ жалкихъ данныхъ, они могутъ связать сотни и тысячи вещей не только между собой, но и со всей всемірной исторіей. Они берутъ любой фактъ, часто изъ третьихъ рукъ, не зная даже вполнѣ опредѣленно характера его, и тѣмъ не менѣе начинаютъ доказывать, что этотъ фактъ долженъ былъ быть такимъ-то и такимъ-то... Вотъ почему такъ страшно жалокъ германскій „абсолютный соціализмъ". Немножко „человѣчности", какъ выражаются въ послѣднее время, немножко „реализаціи" этой человѣчности, а вѣрнѣе дикости, совсѣмъ немножко о собственности по Прудону (изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ), немножко о бѣдствіяхъ пролетаріата, организаціи труда, о несчастныхъ

союзахъ для поднятія благосостоянія низшихъ классовъ, при безконечномъ невѣжествѣ въ политической экономіи и общественной жизни,—вотъ и все; если мы еще примемъ во вниманіе ихъ теоретическую безпартійность, „абсолютное спокойствіе мысли“, то мы поймемъ, что ихъ абсолютный соціализмъ не имѣетъ ни капли теплой крови, или слѣда силы и активности. Неужели же эта тоскливая философія можетъ революціонизировать Германію, привести въ движеніе пролетаріатъ, заставить массы думать и дѣйствовать“? Въ заключеніе Энгельсъ совѣтуетъ „истиннымъ“ и „абсолютнымъ“ соціалистамъ сперва основательно познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано до нихъ, а затѣмъ показать, что они — могли бы сдѣлать; однако ни юморъ, ни серьезныя обращенія Энгельса не поколебали неподвижнаго самосознанія философовъ, убѣжденныхъ въ томъ, что имъ удалось поймать весь видимый и невидимый міръ въ сѣти гегелевскихъ понятій.

Послѣдствіемъ внутренней неясности соціализма философствующихъ романтиковъ было то, что послѣдователи его не представляли собой строго опредѣленной группы и что тѣмъ не менѣе онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ широко распространенъ въ Германіи. Самымъ выдающимся изъ духовныхъ представителей его былъ Моисей Гессъ, который еще раньше Маркса и Энгельса сталъ склоняться къ соціализму, но никогда не могъ отъ всего сердца рѣшиться порвать съ философіей. О немъ можно сказать уже скорѣе, чѣмъ о Марксѣ, что это былъ схоластическій умъ, находившій высшее удовлетвореніе въ разборѣ и расчлененіи понятій. Но и о немъ нельзя это утверждать безъ оговорокъ; его нѣсколько узкій и сухой, его скорѣе хитрый, чѣмъ острый умъ не могли слишкомъ уже ввести его въ заблужденіе; его честное сердце всегда показало бы ему въ концѣ концовъ, гдѣ дѣйствительные интересы рабочаго класса. Свою долгую жизнь, полную лишеній, Гессъ принесъ въ жертву

пролетаріату, до старости лѣтъ боролся храбро въ рядахъ соціалъ-демократіи, пошедшей совсѣмъ не тѣми путями, которые онъ указывалъ для нея въ свои молодые годы. Онъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ и работалъ вмѣстѣ съ Марксомъ и Энгельсомъ какъ разъ во время пребыванія ихъ въ Брюсселѣ; онъ пытался свыкнуться съ ихъ міровоззрѣніемъ и добровольно подчинился Марксу, признавъ его духовное превосходство. Однако, окончательно онъ не могъ освободиться отъ идеализма, и это постоянно служило источникомъ шероховатостей и размолвокъ.

Отто Люнингъ былъ въ гораздо большей степени политикомъ, чѣмъ философомъ, онъ мечталъ о томъ, что его „Вестфальскій Пароходъ" принесетъ ему лавры какого-нибудь Луи Блана, и поэтому меньше всего грѣшилъ выходками по адресу либераловъ; зато онъ, подобно своему французскому образцу, почувствовалъ себя безпомощнымъ и перешелъ на сторону буржуазіи, какъ только классовая борьба между послѣдней и пролетаріатомъ приняла острый характеръ. Но классическаго выразителя своего романтическая сторона этого соціализма нашла себѣ въ Карлѣ Грюнѣ. Это былъ настоящій литераторъ въ дурномъ смыслѣ этого слова; не глубокій и не серьезный, столь же рѣшительный, какъ и поверхностный въ своихъ сужденіяхъ, онъ своими случайными остроумными и блестящими фразами даже не скрывалъ, а раскрывалъ свою тривіальность. Марксъ и Энгельсъ справедливо видѣли въ немъ самаго несноснаго изъ „истинныхъ соціалистовъ" даже въ ту пору, когда онъ отправился въ Парижъ (1844 годъ) и тамъ написалъ свою книгу о соціальномъ движеніи во Франціи и Бельгіи. Въ этой книгѣ Грюнъ прочиталъ мораль великимъ утопистамъ, называя ихъ заблудшими, усердно и не безуспѣшно стараясь въ то же время сдѣлать изъ остроумнаго Прудона скучнаго педанта, путемъ прививки ему неправильно понятаго гегельянства.

При всей своей расплывчатости соціализмъ философствующихъ романтиковъ не остался столь безплоднымъ, какъ жалкая призрачная мечта какихъ-нибудь домосѣдовъ. Въ немъ отразился страхъ германскаго мѣщанина передъ признаками классовой борьбы, которая грозила нарушить его летаргическій сонъ. Именно это мѣщанство „истинный соціализмъ", старался убѣдить, что они, „истинные соціалисты", стоятъ на высшей ступени, достигнутой современнымъ человѣчествомъ, и какъ новый Спаситель міра пошли по морю революціи, не омочивъ даже подошвъ своихъ. Этимъ и объясняется эпидемическое распространеніе соціализма философствующихъ романтиковъ въ до-мартовскіе дни и его безслѣдное исчезновеніе послѣ мартовскихъ дней.

4. Максъ Штирнеръ.

Другимъ путемъ, чѣмъ Гессъ и Грюнъ, пытался придать реальность абсолютной идеѣ Гегеля, самосознанію Бауэра, гуманизму Фейербаха и анархизму Прудона Каспаръ Шмидтъ. Онъ принадлежалъ къ берлинскимъ Свободнымъ и не мало былъ повиненъ въ ихъ стремленіи казаться геніями, выставлять себя на показъ и въ ихъ доходившемъ до дикости филистерствѣ. Но наряду съ этимъ онъ былъ въ значительной степени философомъ и революціонеромъ и благодаря этому онъ завоевалъ себѣ въ исторіи такое мѣсто, которое въ извѣстномъ смыслѣ ставитъ его наряду съ Марксомъ и Энгельсомъ. Опубликованныя имъ подъ псевдонимомъ Макса Штирнера разсужденія „объ отдѣльномъ человѣкѣ и о собственности", вполнѣ исчерпали въ одномъ направленіи идеалистическую философію, подобно тому, какъ появившееся вскорѣ послѣ этого „Святое Семейство" исчерпало ее въ другомъ. Подобно „Святому Семейству", и книга Штирнера начинается полемикой со „Всеобщей Литературной Газетой" Бауэровъ.

Какой-то профессоръ философіи совершенно не-

справедливо высказалъ мысль, что книга Штирнера является не болѣе, чѣмъ сатирой на Фейербаха. Штирнеръ по своему и совершенно серьезно хотѣлъ поставить на землю того фейербаховскаго человѣка, который все еще носился въ заоблачныхъ высотахъ. Дѣло только въ томъ, что тотъ отдѣльный человѣкъ, котораго онъ могъ оживить, былъ не человѣкомъ вообще, а исключительнымъ человѣкомъ, самый передовой сортъ, изученный полуголоднымъ учителемъ Каспаромъ Шмидтомъ въ Берлинѣ въ домартовскіе дни: то былъ буржуа, его собственность и его капиталъ, не нуждавшіеся больше въ ласкахъ деспотизма и окрѣпшіе настолько, чтобъ жить самостоятельно въ сферѣ безграничной конкурренціи и наслажденія своимъ существованіемъ. Штирнеръ былъ въ слишкомъ значительной степени и философомъ и революціоперомъ и не могъ не почувствовать противорѣчія между этимъ порожденіемъ грязи и огня, съ одной стороны, и его философскимъ идеаломъ человѣка, съ другой; вотъ это-то чувство и было источникомъ тѣхъ молній его юмора отчаянія, которыя вызвали подозрѣніе, что вся книга не болѣе, чѣмъ остроумная сатира.

Но чего Штирнеръ оживить не могъ, такъ это своего философскаго идеала, человѣка вообще, то я, которое ставитъ себя выше всего, которое для охраненія своей индивидуальности сбрасываетъ съ себя всѣ оковы, которыя налагаетъ на него совѣсть, право, обычай, законъ, семейство, общество, государство. Это я было столь же абстрактнымъ понятіемъ, какъ человѣкъ Фейербаха; болѣе того, тѣмъ самымъ, что оно хотѣло еще доказать свою реальность, оно еще очевиднѣе становилось абстрактнымъ понятіемъ. Человѣкъ — существо общественное; какъ человѣкъ, онъ можетъ существовать только въ средѣ человѣческаго общества и только благодаря этому обществу; становясь одинокимъ я, онъ тѣмъ самымъ превращается въ дикаго звѣря. Это, правда, понималъ и Штирнеръ, и

нъ старался отдѣлаться отъ этого непоколебимаго факта при помощи своихъ „союзовъ эгоистовъ“; въ эти свободные союзы каждое я вступало или выступало, какъ только этого требовали его личные интересы. Но эти союзы страдали внутреннимъ противорѣчіемъ; предпосылкой всякаго союза, желающаго только дѣйствовать и работать въ качествѣ союза, является требованіе, чтобъ каждый изъ членовъ его принесъ ему въ жертву свои личныя цѣли въ той степени, въ какой требуютъ этого цѣли общія. Въ союзѣ я перестаетъ быть отдѣльнымъ человѣкомъ.

Особенностью системы Штирнера является то, что онъ основательно раздѣлывается съ буржуазнымъ и христіанскимъ лицемѣріемъ, которое умѣло такъ много говорить о добродѣтельномъ самопожертвованіи господствующихъ классовъ, объ ихъ нѣжной любви и самозабвеніи по отношенію къ угнетеннымъ классамъ. Больше, чѣмъ кто-либо другой, Штирнеръ высмѣиваетъ эту иллюзію. Онъ говоритъ господствующимъ классамъ: „Отъ васъ я ничего не требую, потому что чего бы я ни требовалъ, вы все же останетесь повелителями и законодателями, должны ими остаться, потому что воронъ не можетъ не каркать, грабитель не можетъ жить безъ грабежа“. Онъ смѣется надъ фразой „о тысячелѣтней несправедливости богатыхъ по отношенію къ бѣднымъ“. Богатые поступаютъ такъ, какъ они должны поступать, и они были бы дураками, если бы они поступали иначе. Въ дѣйствительности неправильно поступаютъ бѣдные. „Справедливой и законной собственностью другого будетъ только то, что ты считаешь справедливымъ оставить его собственностью. Какъ только ты начинаешь считать это несправедливымъ, эта собственность потеряла для тебя законность, и ты смѣешься надъ этимъ абсолютнымъ правомъ собственности... Зачѣмъ сваливать вину на другихъ, обвиняя въ томъ, что они насъ грабятъ, когда мы сами виновны въ томъ, что не грабимъ у другихъ.

Бѣдные виноваты въ томъ, что существуютъ богатые... Прудонъ могъ бы обойтись безъ своего туманнаго паѳоса и могъ просто сказать: существуютъ вещи, которыя принадлежатъ лишь немногимъ; мы всѣ остальные отнынѣ заявляемъ притязаніе на нихъ, будемъ домогаться ихъ. Дайте намъ взять это, потому что только такимъ образомъ можно пріобрѣсти собственность и потому что отнятая у насъ собственность только такимъ путемъ досталась теперешнимъ собственникамъ. Она принесетъ больше пользы, находясь въ нашемъ распоряженіи, чѣмъ въ рукахъ немногихъ людей. Образуемъ же союзъ въ цѣляхъ такого грабежа“. Но этотъ союзъ немедленно уничтожаетъ индивидуальную собственность; всякая стачка показываетъ, какъ эгоистическіе интересы при этомъ очень скоро приходятъ въ столкновеніе съ интересами общими. Штирнеръ по своему проповѣдуетъ тутъ классовую борьбу, но по его собственной теоріи въ этой борьбѣ отдѣльный человѣкъ и его собственность играютъ роль предателя и платы за предательство.

Желая одѣть въ плоть и кровь туманный образъ философскаго человѣка, онъ противъ воли своей просто разсѣялъ этотъ образъ. Въ рѣзкой противоположности съ нимъ Марксъ и Энгельсъ добровольно оставили въ покоѣ всѣ туманные образы философіи и стали искать человѣка тамъ, гдѣ его только и можно было найти: въ историческомъ развитіи человѣческаго общества. Они искали его не въ философіи, а въ политической экономіи.

Но исторія идей есть только отраженіе исторіи дѣйствительности. Въ западной Европѣ уже началась пролетарская классовая борьба, когда въ восточной Германіи только начиналась борьба капиталистической конкурренціи. Та борьба повліяла на воззрѣнія Маркса и Энгельса, эта борьба на воззрѣнія Штирнера. Никто этого такъ быстро не сообразилъ, какъ тотъ буржуа, который сидѣлъ въ Руге. Онъ сейчасъ же оцѣнилъ

въ Штирнерѣ противоядіе противъ Маркса и Энгельса. Произведеніе его онъ нѣсколько разъ называетъ „освободительной работой“, и пишетъ о ней такъ: „Эту книгу слѣдовало бы поддерживать и распространять. Она освобождаетъ насъ отъ глупѣйшей изъ всѣхъ глупостей, отъ соціальной догматики подмастерьевъ, этого новаго христіанства, которое проповѣдуется простаками и привело бы въ случаѣ своего осуществленія къ низкому стадному строю жизни“. Правда, революціонное настроеніе, которымъ проникнута книга Штирнера, заставляло сильно морщиться филистера Руге, но онъ зналъ, какъ раздѣлаться и съ этимъ недостаткомъ. По его мнѣнію, Штирнеръ все же позаимствовалъ отъ Маркса и Энгельса одну „глупость“, именно, желаніе „уйти отъ современной реальной дѣйствительности“. „Для всѣхъ случаевъ это было бы безуміемъ, въ частномъ случаѣ это истина“, или какъ Руге въ другомъ мѣстѣ выражаетъ ту же мысль: „Открытый эгоизмъ Штирнера — истина, эгоизмъ, какъ тайное ученіе, эгоизмъ Маркса это — лицемѣріе“; на чистомъ капиталистическомъ языкѣ фразы эти значатъ слѣдующее: для пролетаріата безуміе, для буржуазіи истина; для буржуазіи эгоизмъ, для пролетаріата-самоотреченіе. Однако изъ-за внѣшности Руге не забывалъ о содержаніи; квинтэссенціей штирнеровскаго ученія являются для него слѣдующія сильныя слова: „полагайся на самого себя, кто полагается на другихъ, уже покинутъ всѣми“. Это была та же пѣсенка, которой двадцать лѣтъ спустя приверженцы „одной только“ свободной торговли думали усыпить оживающее рабочее движеніе.

Благодаря своему изощренному классовому инстинкту, Руге сразу додумался до того простого пріема, которымъ можно было извлечь изъ подъ грубой внѣшности пріятное ему содержаніе. Достаточно было рѣшиться на то, чтобы не отказываться отъ современной дѣйствительности, достаточно было только признать, что намъ не надо стремиться къ лучшему изъ міровъ,

потому что мы уже имѣемъ его,—и на мѣстѣ штирнеровской революціонной и уничтожающей критики всего существующаго получилось простое евангеліе свободы торговли. Если оставить въ сторонѣ споръ о таможенномъ тарифѣ, то до этого времени это новое евангеліе во всей своей красотѣ было возвѣщено поселившимся въ Германіи англичаниномъ, бравымъ Джономъ Принсъ Смитомъ; этотъ ограниченный и тупой человѣкъ доказывалъ, что Пруссія уже вполнѣ созрѣла для того, чтобъ „легализировать фактическую силу денегъ конституціонными законами". Германская идеологія этого не могла еще переварить, и Юлій Фаухеръ въ качествѣ почтительнаго ученика сперва опустился передъ Штирнеромъ на колѣни, а потомъ приступилъ къ изученію тѣхъ лозунговъ, при помощи которыхъ можно было бы упрочить навсегда царство всеобщаго шахермахерства. Въ Берлинской Вечерней Почтѣ молодая школа германскихъ фритредеровъ свободно проповѣдывала уничтоженіе морали и государства по Штирнеру, и все это было въ интересахъ возлюбленной торговли.

Другихъ какихъ-нибудь осязательныхъ слѣдовъ работа Штирнера въ германской жизни не оставила. Основать философскую школу она не могла, потому что она сама и словомъ и дѣломъ свидѣтельствовала о банкротствѣ философіи; только за границей, и притомъ спустя нѣсколько десятилѣтій, нашли въ работѣ Штирнера предвѣстницу анархизма. Штирнеръ однако не былъ и не хотѣлъ быть анархистомъ въ смыслѣ какой-нибудь школы; съ парадоксальной основательностью нѣмецкаго учителя и съ логической послѣдовательностью человѣка, прошедшаго школу Гегеля, онъ далъ только описаніе строя анархическаго общества.

5. Государственный соціализмъ Родбертуса.

Германскіе фритредеры были людьми энергичными и любили заработокъ. Практическая цѣль ихъ была

такова: уничтожить всякія ограниченія для капиталистической борьбы на почвѣ конкурренціи; пароль ихъ гласилъ такъ: laisser faire, laisser passer, потому что жизнь идетъ сама по себѣ. Они говорили такъ: жажда наживы во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ одинаково владѣетъ людьми; стремленіе къ максимальной выгодѣ само собой создаетъ гармонію въ строѣ человѣческаго общества. Они опирались на англійскую манчестерскую школу, а Фаухеръ впослѣдствіи даже сталъ секретаремъ Кобдена; изъ классической политической экономіи они брали только то, что имъ нужно было, и это было очень мало: нѣсколько понятій и словъ, которыя они выхватили изъ текста и употребляли произвольно, какъ того требовали торговые интересы.

Въ качествѣ застрѣльщиковъ капитализма, они находились въ большемъ или меньшемъ антагонизмѣ съ домартовскими правительствами, которыя все еще не хотѣли разстаться съ феодально-цеховымъ укладомъ. Имъ не давали университетскихъ каѳедръ, да они и не домогались университетскихъ почестей, такъ какъ они и такъ умѣли находить занятія и притомъ болѣе доходныя. Все это заставляло ожидать, что патентованные представители экономической науки, изъ года въ годъ на мелкобуржуазный ладъ пережевывавшіе своего Адама Смита и Рикардо, выступятъ противъ недобросовѣстныхъ ссылокъ фритредеровъ капиталистовъ. Но этого не было, или это случилось весьма страннымъ образомъ. Профессорская мудрость сказала манчестерцамъ: ваши ссылки на классическую политическую экономію до нѣкоторой степени вѣрны, но классическая политическая экономія сама нѣсколько сбилась съ пути. Въ сороковые годы въ германскихъ университетахъ возникъ „историческій методъ“ изученія народнаго хозяйства, и скоро онъ засвѣтилъ очень яркимъ свѣтомъ.

Если бы сторонники этого метода хотѣли дока-

зать только то, что воззрѣнія классической политической экономіи не представляютъ собой непогрѣшимой истины, но что ученія ея возникли исторически, исторически могутъ быть оправданы, но исторически же должны и исчезать, то нельзя было бы не увидѣть въ этомъ настоящаго прогресса. То, что дали Адамъ Смитъ и Рикардо, было, выражаясь по гегелевски, мысленное выраженіе современнаго имъ способа производства; они были теоретиками мануфактурнаго періода и начала крупной промышленности. Чѣмъ глубже они заглядывали въ современность, тѣмъ меньше они могли видѣть будущее; экономическое положеніе своего времени они считали осуществленіемъ вѣчныхъ естественныхъ законовъ, получившихъ наконецъ власть послѣ долгаго періода отклоненій и укрѣпившихся навсегда; но вся эта историческая ограниченность ихъ была только тѣнью того свѣта, которымъ они освѣтили законы народнаго хозяйства, Если германскіе учителя этой науки хотѣли быть не простыми поклонниками и замѣстителями ихъ, если они хотѣли дальше самостоятельно развивать науку, то они должны были исправить этотъ недостатокъ, эту историческую ограниченность; работы французскаго и англійскаго соціализма шли уже въ этомъ направленіи и обѣщали очень многое.

Но нѣмецкіе профессора совсѣмъ другое понимали подъ своимъ „историческимъ методомъ“. Чѣмъ болѣе экономическій антагонизмъ въ Германіи на практикѣ обострялся, тѣмъ болѣе они терялись передъ нимъ, тѣмъ болѣе они боялись того, что изъ тихой и мирной аудиторіи ихъ увлечетъ въ ожесточенную борьбу жизни. Именно потому, что ученіе Адама Смита и Рикардо было взято не изъ головы, а было чисто историческимъ продуктомъ, они и сумѣли нанести послѣдній ударъ феодальному міровоззрѣнію; по этой же причинѣ въ ихъ ученіи таились уже и зачатки соціалистическаго міровоззрѣнія. И то, и другое было

одинаково непріятно вѣрнымъ слугамъ романтически настроенныхъ властителей. Поэтому этимъ лойяльнымъ патріотамъ было очень пріятно, что радикальные фритредеры свели все содержаніе классической политической экономіи на пару абстрактныхъ и тощихъ понятій, такъ какъ благодаря этому ярче выступали полнота и блескъ ихъ „историческаго метода.“ Этотъ методъ представлялъ собой не что иное, какъ весьма неисторическую попытку уклониться отъ послѣдствій историческаго развитія, а въ лучшемъ случаѣ — попытку примирить непримиримое. Подъ флагомъ „историзма“ они могли защищать отсталые способы производства, занимавшіе въ Германіи столь значительное мѣсто, какъ отъ нападокъ съ капиталистической, такъ и отъ нападокъ съ соціалистической точки зрѣнія; кромѣ того, спрятавшись за кучами историческихъ замѣтокъ, они могли бросать какъ ласковые, такъ и гнѣвные взгляды и на капитализмъ, и на соціализмъ.

Главой этого направленія былъ Вильгельмъ Рошеръ въ Гетингенѣ. Инстинктъ хорошо подсказалъ ему, что его методъ надо назвать подражаніемъ тому методу, которымъ историческая школа права пыталась повернуть назадъ колесо исторіи. Онъ отказался критически изслѣдовать современные способы производства и ясно формулировать результаты этого изслѣдованія, онъ предпочелъ подвергнуть сравненію всевозможные народы и періоды и изъ этой громадной массы историческихъ явленій извлечь закономѣрную сущность, Онъ хотѣлъ не выставить въ ясномъ свѣтѣ, а скрыть отличительныя особенности капиталистическаго способа производства. Вмѣсто того, чтобъ въ качествѣ образца прослѣдить исторію Франціи и Англіи, онъ „главнымъ образомъ“ занимался изученіемъ древнихъ народовъ; изъ того неоспоримаго факта, что „развитіе ихъ совершенно законченно“, онъ дѣлалъ тотъ сомнительный выводъ, что, поскольку древній хозяйственный строй

походитъ на современный, онъ можетъ служить намъ „неоцѣнимымъ руководствомъ“. Этотъ замѣчательный методъ почти полстолѣтія служилъ основаніемъ для славы Рошера, какъ „великаго учителя національной политической экономіи“; онъ же помогалъ ему отдѣлываться отъ всѣхъ экономическихъ вопросовъ неяснымъ и да и нѣтъ, несмотря на то, что всѣ они все время требовали яснаго да или нѣтъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать, что это былъ человѣкъ обширной учености, и нѣкоторое уваженіе къ классическимъ представителямъ буржуазной политической экономіи все же не позволяло ему обращаться съ ними „какъ съ собаками“, какъ это скоро вошло въ моду среди его гораздо менѣе ученыхъ и добросовѣстныхъ подражателей. „Историческій методъ“ выродился въ вполнѣ безпринципную оппортунистскую политику; всякіе феодальные пережитки она прикрашивала со своей исторической точки зрѣнія, а лучшее изъ того, что она сдѣлала, то, что она называла открытіями, начинающими новую эпоху, было не болѣе, чѣмъ пережевываніе того, что Адамъ Смитъ и Рикардо не только не оставили незамѣченнымъ, но особенно ясно подчеркивали.

Въ сороковые годы былъ всего одинъ германскій ученый, который дѣйствительно стоялъ на высотѣ классической политической экономіи и до извѣстной степени сумѣлъ развить ее дальше, но и онъ не принадлежалъ къ казенному цеху. Карлъ Родбертусъ родился въ профессорской семьѣ. Его отецъ былъ профессоромъ права въ Грейсвальдскомъ университетѣ, его дѣдомъ съ материнской стороны былъ извѣстный въ восемнадцатомъ вѣкѣ физіократъ Шлеттвейнъ, который практически помогалъ маркграфу Фридриху Баденскому устроить сельскія общины на принципахъ физіократовъ, потомъ преподавалъ въ Базелѣ и въ Гиссенѣ и кончилъ жизнь помѣщикомъ въ Мекленбургѣ въ имѣніи, полученномъ имъ за женой своей. Но такъ какъ этотъ дѣдъ умеръ еще до рожденія

Карла Родбертуса, то прямо онъ не могъ вліять на духовное развитіе своего внука; какъ бы то ни было, унаслѣдованная имъ склонность къ наукѣ въ связи съ практическимъ опытомъ и экономическою независимостью крупнаго помѣщика благопріятно повліяли на природные задатки его. Въ университетѣ Родбертусъ получилъ юридическое и философское образованіе того времени; послѣ этого онъ прошелъ черезъ первыя ступени прусской бюрократіи, въ силезскихъ областныхъ управленіяхъ въ Бреславлѣ и Оппельнѣ онъ имѣлъ случай познакомиться съ тѣмъ, что такое соціальныя проблемы, получилъ правительственныя служебныя командировки въ Англію и Францію, затѣмъ онъ въ Гейдельбергѣ и Дрезденѣ изучалъ исторію и политическую экономію и наконецъ тридцати лѣтъ отъ роду пріобрѣлъ имѣніе Ягецовъ въ Помераніи, гдѣ онъ могъ употребить свой пріятный покой сообразно со своими склонностями, не заботясь о чьей-нибудь милости или немилости, далекій отъ шума и вліянія жизни.

Уже первая статья, которую Родбертусъ хотѣлъ въ 1839 году напечатать во „Всеобщей Аугсбургской Газетѣ", свидѣтельствуетъ о томъ, что по глубинѣ пониманія экономическихъ отношеній онъ стоялъ выше всѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ того времени; статья эта была посвящена требованіямъ рабочаго класса, и профессорскій органъ вернулъ ее ему, какъ несвоевременную фантазію. Когда больше, чѣмъ тридцать лѣтъ спустя, Родбертусъ приступилъ къ печатанію пожелтѣвшихъ страницъ этой рукописи, онъ считалъ себя вправѣ сказать, что въ ней содержалась уже тогда вся его система, въ правильности которой онъ съ теченіемъ времени все больше и больше убѣждался. Эта похвала себѣ нѣсколько двусмысленна, потому что это могло значить и дѣйствительно значило, что въ общемъ Родбертусъ остался на той точкѣ зрѣнія, на которой онъ стоялъ въ 1840 году. Несмотря на то,

онъ остался выше всего, что фабриковалось въ Германіи въ правительственной и буржуазной средѣ подъ именемъ экономической науки. Въ сороковыхъ годахъ онъ стоялъ выше Рошера и Листа, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ онъ блестяще разбилъ коробейниковъ фритредерства, въ семидесятыхъ годахъ онъ критически оцѣнилъ государственный соціализмъ, какъ безнадежную половинчатость, наконецъ передъ смертью онъ предсказалъ, что слава Бисмарка въ соціальномъ вопросѣ кончится такъ же, какъ кончился русскій походъ Наполеона, и оказался въ этомъ отношеніи соціальнымъ пророкомъ. Такимъ образомъ Родбертусъ, какъ сказалъ Лассаль, является дѣйствительно величайшимъ представителемъ германской національной политической экономіи.

Родбертусъ никогда не считалъ нужнымъ заходить въ исторіи далѣе классической экономіи. „Историческому методу" германскихъ университетскихъ политико-экономовъ онъ противопоставилъ настоящій историческій принципъ; онъ говорилъ слѣдующее: „всякое учрежденіе, существовавшее и отжившее, представляется мнѣ реакціоннымъ въ соціальномъ смыслѣ, если его хотятъ и на будущее время ввести въ жизнь, не считаясь съ тѣмъ, что условія существованія этого учрежденія могутъ противорѣчить исторической ступени развитія этого будущаго времени". Родбертусъ всегда высказывался за свободу промышленности и за свободу передвиженія, онъ осмѣивалъ попытки возстановленія цеховъ, называя ихъ миражемъ, призракомъ, оптическимъ обманомъ, онъ отвергалъ протекціонизмъ и считалъ свободу торговли одной изъ лучшихъ сторонъ системы Адама Смита; онъ пригвождалъ къ позорному столбу тѣхъ реакціонныхъ „политиковъ", которые готовы были бросить незначительную подачку рабочимъ для того, чтобы заручиться поддержкой пролетаріата при достиженіи ими своихъ корыстныхъ цѣлей; онъ доказалъ, что страхованіе на случай ста-

рости, неспособности къ труду и болѣзни не затрагиваетъ сущности рабочаго вопроса; онъ смѣялся надъ попыткой заглушить справедливыя требованія рабочаго класса при помощи полиціи и пушекъ, моральной проповѣди и школьнаго обученія. Какъ онъ напередъ заявилъ, для общества, по его мнѣнію, нѣтъ дороги назадъ; оно сожгло свои корабли и можетъ только идти дальше.

Послѣ этого понятно, что Родбертусъ пытался разработать въ соціалистическомъ направленіи теорію цѣнности Рикардо. Онъ сдѣлалъ это уже въ первой статьѣ, но потомъ онъ то же самое подробнѣе разработалъ въ первомъ сочиненіи своемъ, посвященномъ изученію состоянія германскаго государственнаго хозяйства и опубликованномъ въ 1842 году. Для Германіи, но только Германіи, это сочиненіе представляло очень важный шагъ впередъ. Дѣло въ томъ, что все, что сказалъ Родбертусъ, отъ начала до конца такъ же хорошо, если не лучше, давно уже было сказано въ Англіи и во Франціи: Родбертусу очень хорошо было извѣстно все, что въ этихъ странахъ было опубликовано до 1840 года по политической экономіи и по соціализму. Когда никто еще не думалъ о Марксѣ и Энгельсѣ, онъ говорилъ, что кто незнакомъ съ литературой по соціальнымъ вопросамъ за періодъ съ 1818 года, тотъ незнакомъ съ лучшими произведеніями по этому предмету; восемь лѣтъ спустя послѣ основанія Международнаго Общества Рабочихъ, пять лѣтъ спустя послѣ появленія „Капитала“ Маркса, онъ считалъ возможнымъ, ко всеобщему изумленію, написать, что ни въ наукѣ, ни на рабочихъ собраніяхъ обсужденіе соціальныхъ вопросовъ не достигло той высоты, съ какой они обсуждались въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ.

Въ подробностяхъ очень трудно установить, въ какой мѣрѣ Родбертусъ непосредственно черпалъ изъ англійской и французской литературы, насколько онъ

подъ ихъ вліяніемъ самостоятельно развивалъ идеи Рикардо; объясняется это тѣмъ, что онъ лѣнился цитировать въ той же мѣрѣ, въ какой онъ ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы кто-нибудь не нарушилъ его дѣйствительныя или мнимыя права первенства на какую-нибудь соціалистическую мысль. Онъ обвинялъ въ плагіатѣ даже такихъ людей, которые, подобно Марксу, напр., придерживались во всѣхъ главныхъ пунктахъ воззрѣній, діаметрально противорѣчившихъ его воззрѣніямъ. Однако вопросъ этотъ представляетъ гораздо больше интереса для біографа Родбертуса, чѣмъ для историка соціализма. Послѣдній можетъ удовлетвориться тѣмъ фактомъ, что соціалистъ Родбертусъ, откуда бы и какимъ бы путемъ онъ ни пріобрѣлъ свои знанія, не сказалъ ничего, что не было бы такъ же хорошо, если не лучше сказано въ литературѣ англійско-французскаго соціализма; исключеніемъ изъ этого является его государственный соціализмъ, который знаменуетъ собой не прогрессъ, а огромный шагъ назадъ какъ по отношенію къ соціализму крупной буржуазіи, такъ и по отношенію къ мелко-буржуазному соціализму Западной Европы.

Въ первыхъ своихъ работахъ Родбертусъ сравнительно чаще другихъ цитируетъ Сисмонди. Уже въ первой статьѣ своей онъ, правда, прямо не называетъ его, но ссылается на него, какъ на „эконома, имя котораго не просто извѣстно, а извѣстно какъ имя гуманнаго человѣка“; ссылается онъ здѣсь на него для подтвержденія закона заработной платы, извѣстнаго обычно подъ именемъ закона Рикардо; по этому закону въ капиталистическомъ обществѣ уровень заработной платы колеблется около стоимости средствъ къ существованію, необходимыхъ рабочему для поддержанія своей рабочей силы и для воспитанія въ дѣтяхъ своихъ замѣстителей. Въ противоположность Рикардо, Сисмонди отстаивалъ ту точку зрѣнія, что торговые кризисы объясняются недостаточнымъ по-

требленіемъ рабочихъ классовъ; это объясненіе было основной мыслью теоріи Родбертуса, такъ какъ, по его собственному утвержденію, все остальное, что приводится для объясненія и обоснованія торговыхъ кризисовъ, имѣетъ только побочное значеніе. Однако, мы вовсе не должны поспѣшить сдѣлать изъ этого тотъ выводъ, что Родбертусъ просто позаимствовалъ у Сисмонди ту свою основную мысль, которую онъ выдалъ за свою и за совершенно новую. Еще до Сисмонди Овэнъ подобнымъ же образомъ объяснялъ торговые кризисы, и въ первой статьѣ Родбертуса сильно замѣтны слѣды вліянія Овэна, хотя имя его ни разу даже косвеннымъ образомъ не упоминается въ ней.

Въ первой своей статьѣ Родбертусъ слѣдующимъ образомъ описываетъ общественную организацію, которая должна обезпечить лучше всѣхъ другихъ организацій то, чтобы каждый получалъ продуктъ своего труда „Пришлось бы уничтожить собственность, приносящую ренту, т. е. то, что даетъ доходъ собственнику безъ всякаго труда съ его стороны; наоборотъ, собственность на продуктъ своего труда пришлось бы установить на болѣе твердыхъ основаніяхъ. Земля и капиталъ стали бы общественной собственностью, но все, что произведено при помощи этихъ орудій труда, за вычетомъ доли на воспроизводство капитала, было бы собственностью рабочихъ, соразмѣрно затраченному каждымъ изъ нихъ труду. Такой порядокъ вещей былъ бы основанъ на томъ юридическомъ основаніи, что трудъ является не только принципомъ происхожденія собственности, но и принципомъ распредѣленія ея. Съ сенъ-симонистскимъ общественнымъ строемъ этотъ строй имѣлъ бы ту общую сторону, что и въ немъ не было бы собственности, приносящей доходъ, но онъ отличался бы отъ него тѣмъ, что собственность, доведенная до естественныхъ размѣровъ своихъ, явилась бы составною частью правового порядка этого строя и не зависѣла бы, какъ въ сенъ-симонистскомъ обществѣ, отъ произвола старѣй-

шинъ; наоборотъ, при нашемъ предположеніи собственность была бы основана на личномъ правѣ индивидуума, и этимъ же правомъ опредѣлялись бы размѣры ея. Прослѣдимъ хозяйственный принципъ, трудъ, въ сочиненіяхъ школы Рикардо, продѣлаемъ по Рикардо опредѣленіе реальной цѣнности (послѣдній цѣликомъ опредѣляетъ ее рабочимъ временемъ, включая сюда и ту часть основного капитала, которая переходитъ въ продуктъ); обратимъ вниманіе на то, что при такомъ строѣ рабочій всѣ свои притязанія обоснуетъ на затраченномъ рабочемъ времени и этимъ самымъ дастъ мѣру своего права на то или иное количество благъ; сдѣлаемъ еще одинъ шагъ и введемъ новыя деньги на основѣ этого всеобщаго количественно опредѣленнаго права на цѣнности; пусть эти деньги будутъ пущены въ обращеніе въ формѣ индифферентныхъ удостовѣреній о рабочемъ времени, затраченномъ рабочимъ на производство опредѣленныхъ благъ, и о правѣ его на такое же количество благъ другого рода; примемъ во вниманіе и то, что никакія другія деньги не могутъ представить лучшихъ гарантій того, что ихъ можно будетъ реализовать въ полной цѣнности,—если обо всемъ этомъ хорошенько подумать, то нельзя будетъ не признать, что такой порядокъ вещей вполнѣ возможенъ и ничѣмъ не вредитъ производству". Все, что Родбертусъ описываетъ здѣсь въ этихъ длинныхъ періодахъ, есть не что иное, какъ соціалистическая утопія Оуэна. Фактъ этотъ остается фактомъ, несмотря на то, что Родбертусъ развиваетъ эту утопію, какъ свою собственную идею; вѣдь могло же случиться, что онъ ошибся; не можетъ здѣсь явиться доказательствомъ и утвержденіе Родбертуса, сдѣланное имъ нѣсколько десятилѣтій послѣ опубликованія этой работы, когда онъ говорилъ, что во время сочиненія этой статьи онъ ничего не зналъ о практическихъ попыткахъ Овэна осуществить эту утопію и о неудачѣ ихъ.

Утопія Оуэна была идеаломъ Родбертуса, и онъ не

только прекрасно описалъ возможность общей собственности на землю и орудія производства, но и огромное значеніе ея для прогресса человѣчества. Однако идеалъ этотъ былъ для него столь же недосягаемымъ, какъ далекое синее небо. Еще полтысячи лѣтъ должно человѣчество „блуждать въ пустынѣ“, прежде чѣмъ оно достигнетъ „обѣтованной земли, не знающей частной собственности на землю и капиталъ“. Такова была его добрая воля, потому что какихъ-нибудь экономическихъ или вообще реальныхъ основаній, доказывающихъ необходимость столь продолжительной переходной стадіи, у него не было. Въ своей первой статьѣ онъ говоритъ, что современность еще слишкомъ далека отъ осуществленія этого идеала, и поэтому онъ не станетъ дольше останавливаться на немъ; въ другомъ же мѣстѣ той же статьи онъ говоритъ, что всѣ хотятъ увеличить собственность рабочаго, но не хотятъ сдѣлать это ни на счетъ земельной, ни на счетъ капиталистической собственности. Впослѣдствіи онъ еще высказалъ мнѣніе, что въ теченіе упомянутаго полутысячелѣтія человѣчество не можетъ обойтись безъ того принужденія къ труду, которымъ оно обязано частной собственности, какъ источнику дохода. Все это и многое подобное было въ лучшемъ случаѣ продуктомъ внутренняго убѣжденія, не имѣвшаго за собой никакихъ фактическихъ данныхъ.

Но пока что Родбертусъ нашелъ выходъ, который облегчилъ бы перенести эту пятисотлѣтнюю подготовительную ступень къ общей собственности. Проводя послѣдовательно положеніе Смита-Рикардо о томъ, что всѣ блага въ хозяйственномъ смыслѣ являются только продуктами труда, что ихъ стоимость выражается ни въ чемъ иномъ, какъ въ трудѣ, онъ хотѣлъ создать бумажныя „рабочія деньги“ на манеръ Оуэна; этимъ онъ вовсе не думалъ обезпечить каждому право на продуктъ своего труда, не думалъ уменьшить земельную ренту или процентъ на капи-

талъ, не думалъ даже остановить ростъ ихъ; цѣли его были куда скромнѣе; при помощи этихъ „рабочихъ денегъ“ онъ надѣялся дать государству возможность при возрастаніи производительности труда увеличивать заработную плату въ томъ же отношеніи, какъ растутъ земельная рента и проценты на капиталъ. Если напр., весь создаваемый трудомъ продуктъ распредѣляется такъ, что треть представляетъ земельную ренту, треть—прибыль на капиталъ, треть заработную плату. то при помощи его „рабочихъ денегъ“ это отношеніе сохранится и на будущее время, такъ что при возрастаніи производительности труда изъ прироста продуктовъ на заработную плату придется такая же треть, какъ на земельную ренту и на прибыль на капиталъ, Отъ всѣхъ другихъ утопій съ „рабочими деньгами“, отъ утопіи Овэна, Грея и Прудона эта утопія отличалась тѣмъ, что и цѣли и средства ея были наиболѣе уродливыми, а если ужъ говорить объ осуществимости, то ее надо считать и наиболѣе неосуществимою. Родбертусъ всегда ограничивался неопредѣленными намеками на нормальный рабочій день и на какіе-то готовые уже рецепты, когда рѣчь заходила о томъ, какъ государство выполнитъ эту задачу; рецептовъ своихъ онъ ни до, ни послѣ своей смерти никому не раскрылъ. Но и осуществленіемъ этой утопіи ни въ коемъ случаѣ нельзя было бы достигнуть тѣхъ цѣлей, которыхъ отъ осуществленія ея ожидалъ Родбертусъ. Въ торговыхъ кризисахъ недостаточное потребленіе рабочаго класса играетъ, конечно, роль, но далеко не рѣшающую. Не оно является причиной той нужды, которой характеризуется вѣкъ крупной промышленности; это ясно хотя бы уже изъ одного того, что, пока существуетъ господство одного класса надъ другимъ, отъ нужды страдалъ только эксплоатируемый классъ.

Причина этой уродливости утопіи Родбертуса заключается въ томъ, что соціальному изслѣдователю Родбертусу, начавшему свою работу многообѣщающей

попыткой развить дальше классическую политическую экономію въ соціалистическомъ направленіи стоялъ на пути утопистъ, нѣмецкій философъ и прусскій помѣщикъ Родбертусъ.

Подобно всѣмъ утопистамъ, и Родбертусъ ничего не зналъ о классовой борьбѣ. Онъ не хотѣлъ давать девизовъ для знаменъ рабочаго класса. Онъ искренне сожалѣлъ о нихъ, но столь же искренне боялся. Онъ очень мѣтко высмѣивалъ некрасивую брань нѣмецкихъ буржуазныхъ газетъ по адресу парижской коммуны; онъ могъ проклинать и громить „христіанскую мораль", которую преподносили рабочимъ въ качествѣ панацеи отъ всѣхъ бѣдъ, онъ сильно ощущалъ, что пролетаріатъ духовно и нравственно начинаетъ обгонять имущіе классы. Но, съ другой стороны, всякое самостоятельное движеніе рабочаго класса имѣло для него только значеніе угрожающаго „мене-текелъ" по адресу господствующихъ классовъ. Если по адресу парижской коммуны онъ не разразился бранью, то онъ бросилъ по ея адресу фразу о варварахъ, взрощенныхъ современной цивилизаціей; эта фраза была впервые сказана роялистомъ Малэ дю Паномъ во время великой французской революціи и съ тѣхъ поръ осталась у феодальнаго соціализма среди другого залежавшагося товара. Родбертусъ даже не мало гордился тѣмъ, что, выкопавъ свою первую статью, онъ открылъ въ ней, что въ тридцатые годы онъ употребилъ ту же фразу по отношенію къ чартистскимъ безпорядкамъ. Онъ не понималъ пролетарской классовой борьбы даже въ ея вполнѣ законныхъ формахъ. Онъ пророчествовалъ, что черезъ сто лѣтъ право рабочихъ на образованіе союзовъ будетъ признано сумасшествіемъ; какъ онъ ни отвергалъ направленныя противъ рабочихъ карлсбадскія постановленія, ему все-таки доставляло удовольствіе грозить полиціей „безсмысленнымъ стачкамъ". Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда онъ обращался или хотѣлъ обратиться непосредственно къ ра-

бочимъ, онъ предостерегалъ ихъ противъ политической борьбы и совѣтовалъ имъ искать мирнаго соглашенія съ господствующими классами.

Англійскіе и французскіе утописты идеи „рабочихъ денегъ“ тоже отвергали пролетарскую классовую борьбу, но они не выходили изъ среды современнаго буржуазнаго общества; съ большей или меньшей логикой, хотя всегда одинаково неудачно, они старались придумать какія-нибудь общественныя учрежденія для осуществленія своей утопіи; экономическій вопросъ они хотѣли рѣшить экономическимъ путемъ. Для нѣмецкаго же философа и прусскаго помѣщика самымъ простымъ средствомъ было обращеніе къ государству.

Нѣмецкая философія сильно повліяла на Родбертуса. Онъ былъ знакомъ со всѣми ея государственными проектами, начиная „замкнутымъ торговымъ государствомъ“ Фихте и кончая философіей права Сталя; онъ даже утверждалъ, и этого нельзя не признать страннымъ, что изъ произведеній этого рода больше всего дали ему эти неудачные послѣдыши классической философіи. Но, можетъ быть, это вовсе не странно! Сознаваясь въ этомъ, онъ тутъ же характеризуетъ методъ Сталя въ такихъ словахъ: Сталь почерпнулъ свои соціальныя идеи изъ средневѣковыхъ отношеній, разукрасилъ имъ престолъ Всемогущаго, и потомъ снова взялъ оттуда пару такихъ божественныхъ лучей, чтобъ освѣтить ими новую сословную монархію. Въ другомъ мѣстѣ онъ выступаетъ противъ требованія Сталя, что наука должна измѣнить свое направленіе; онъ соглашается съ тѣмъ, что наука о государствѣ должна оставить индивидуалистическія воззрѣнія, но, говоритъ онъ, она не можетъ сдѣлать это въ какой-нибудь созданной ею самой для этого пустынѣ, а должна это сдѣлать, не прерывая своего историческаго развитія; исторія не знаетъ такихъ столѣтій, которыя можно было бы вычеркнуть изъ прошлаго. При всемъ томъ остается непонятнымъ, что именно притягивало

Родбертуса къ сочиненіямъ Сталя, и почему онъ, къ сожалѣнію, дѣйствительно многому научился у него Такъ какъ въ сущности своей государство покоится на противоположности классовъ, такъ какъ оно одновременно и организуетъ и прикрываетъ господство одного класса надъ другими, то безусловный культъ государства отличается нѣкоторыми чертами догматизма и мистицизма; въ безусловныхъ приверженцахъ этого культа черты эти выступаютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе рушатся ихъ иллюзіи подъ напоромъ все растущаго возмущенія противъ господствующихъ классовъ. Въ такомъ именно положеніи находился и Родбертусъ. По мѣрѣ того, какъ революціонное рабочее движеніе становилось въ глазахъ его все болѣе и болѣе грознымъ, онъ все болѣе и болѣе превращалъ государство въ своего идола или бога.

Это была какая-то смѣсь мистической игры именами и числами и истинно религіознаго поклоненія. Исторію человѣчества Родбертусъ старался уложить на прокрустовомъ ложѣ государственныхъ порядковъ: античпо-языческій порядокъ съ характеризующимъ его правомъ собственности на человѣка, католическо германскій съ правомъ собственности на землю и капиталъ и христіанско-соціальный съ правомъ собственности на продуктъ труда. Каждый изъ этихъ государственныхъ порядковъ онъ подраздѣлялъ на нѣсколько видовъ государствъ: католическо-германскій порядокъ, напр., на государства церковное, сословное, бюрократическое и представительное. Мы переживаемъ теперь этотъ послѣдній видъ католическо-германскаго государственнаго порядка, а за нимъ послѣдуетъ первый видъ христіанско-соціальнаго государственнаго порядка, который будто бы будетъ отличаться особенно сильно замѣтнымъ религіознымъ характеромъ. Когда Родбертусъ, считая представительное государство далеко не совершеннымъ, все-таки ставилъ его выше сословнаго, то онъ былъ въ этомъ отношеніи вполнѣ послѣдова-

теленъ; въ теченіе сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ онъ примыкалъ къ демократически-либеральной оппозиціи противъ того сословнаго государства съ христіанскимъ оттѣнкомъ, которое защищалъ Сталь. Кромѣ того, это былъ слишкомъ трезвый и свѣтлый умъ, не могшій по природѣ своей мириться съ какимъ бы то ни было ханжествомъ; въ соціальномъ вопросѣ „онъ имѣлъ зубъ противъ черныхъ“; когда онъ разъ посѣтилъ внутреннюю миссію (Rauhe Haus) и нашелъ среди изданій миссіонеровъ разныя географическія, историческія и естественно-научныя статейки „съ христіанской точки зрѣнія“, то ему трудно было удержаться отъ ѣдкаго вопроса о томъ, „не занимаются ли они и математикой съ христіанской точки зрѣнія“. Спрашивается теперь, почему же „государство будущаго“, государственный порядокъ, характеризующійся собственностью на продуктъ труда, должно быть христіанско-соціальнымъ, почему первый видъ этого порядка долженъ носить еще особенно замѣтныя религіозныя черты?

Дѣло объясняется просто тѣмъ, что этого требовала набросанная Родбертусомъ схема хода всемірной исторіи. Первымъ видомъ католическо-германскаго государственнаго порядка было средневѣковое церковное государство. Изъ этого вытекало, что и первымъ видомъ антично-языческаго государственнаго порядка должно было быть церковное государство. Для этой цѣли Родбертусъ ставилъ въ началѣ теократію, представлявшую собой на дѣлѣ конецъ египетскаго государства, какъ самостоятельнаго общественнаго организма. Если такое исправленіе хода всемірной исторіи не стоило ему особаго труда, то что для него могло значить предсказать, что во имя аналогіи и „государство будущаго“ начнется новымъ оживленіемъ религіознаго принципа. Право, удивительно, до какого формальнаго схематизма довелъ культъ государства этого умнаго и несомнѣнно исторически-образованнаго человѣка. Что касается того факта, что современныя госу-

дарства, несмотря на принадлежность свою къ одному виду, все таки обнаруживаютъ большія отличія, то Родбертусъ считалъ достаточнымъ для объясненія этого указать на то, что человѣку предоставлена „свобода въ предѣлахъ разновидности“; отъ человѣка зависитъ разукрасить представительное государство „конституціонализмомъ“ въ большей или меньшей степени. Во всемъ прочемъ онъ долженъ „повиноваться правящему исторіей Божеству“ и неукоснительно пройти черезъ всѣ государственные порядки и особые виды ихъ, въ той послѣдовательности, какъ это предписывалъ Родбертусъ по волѣ этого Божества. Чтобы придать сужденіямъ своимъ еще большую доказательность, Родбертусъ открылъ еще какой-то законъ триединства и неутомимо старался прослѣдить его во всѣхъ фазахъ не только человѣческой, но и божественной жизни; методъ, которымъ онъ пользовался при этомъ, былъ вполнѣ надеженъ: онъ всегда дѣлалъ предпосылкой то, что ему хотѣлось доказать.

Въ своихъ нападкахъ на государственный соціализмъ сидѣвшій въ Родбертусѣ прусскій помѣщикъ оказался гораздо практичнѣе нѣмецкаго философа Родбертуса. Мы говоримъ это вовсе не въ уничижительномъ для него смыслѣ. Родбертусъ былъ человѣкъ съ чистой душой, симпатичный и милый вплоть до причудъ своихъ, джентльменъ насквозь; дружеское привѣтствіе собранія соціалъ-демократическихъ рабочихъ „глубоко трогало его“, глубже, чѣмъ должности и титулы, которыми осыпало его возлюбленное имъ государство. Но сорокъ лѣтъ жизни въ качествѣ крупнаго остъэльбскаго землевладѣльца не могутъ пройти безслѣдно. Уже въ первыхъ и самыхъ молодыхъ работахъ его сказывается уже безсознательное соціальное вліяніе его классоваго положенія. Слабость и кротость его утопіи, его недовѣріе къ зрѣлости рабочаго класса, его удивительное предположеніе, что найдется пролетаріатъ, который будетъ терпѣть пятьсотъ лѣтъ, не-

смотря на то, что ему ежедневно съ несомнѣнной ясностью показываютъ, что бо́льшая часть затраченной имъ рабочей силы поглощается праздно живущими классами,—какъ все это объяснить у такого одареннаго и всесторонне образованнаго соціальнаго политика?—Все это можно объяснить только тѣмъ, что нѣмецкій пролетаріатъ былъ еще вообще неразвитъ, а Родбертусъ лично былъ знакомъ съ наименѣе развитымъ слоемъ его, съ померанскимъ сельскимъ пролетаріатомъ.

Германская промышленность продолжала развиваться все больше, а вмѣстѣ съ ней развивалась и классовая борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей; по своимъ воззрѣніямъ Робертусъ не могъ ожидать ничего, кромѣ зла, какъ отъ побѣды буржуазіи, такъ и отъ побѣды пролетаріата, и онъ пришелъ къ мысли, что необходимо сохранить равновѣсіе неизбѣжнаго въ теченіе извѣстнаго времени классоваго государства и для этого укрѣпить и поддержать третій крупный классъ буржуазнаго общества, землевладѣльцевъ, на которыхъ, съ одной стороны, опустились уже мощные щупальцы капитала и подъ которыми, съ другой стороны, уже заложены мины буйными представителями труда. Такъ то случилось, что послѣ тридцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ со своеобразнымъ мужествомъ выступалъ въ пользу требованій трудящихся классовъ, онъ вдругъ обратился къ своимъ товарищамъ по соціальному положенію, къ представителямъ своего класса, съ призывомъ: сплотимся вокругъ нашей ренты!—Такъ то случилось, что онъ настойчивѣе сталъ требовать государственной помощи задолженнымъ юнкерамъ, чѣмъ государственной помощи голодающимъ рабочимъ. Этотъ образъ дѣйствій его вовсе не объясняется безнравственностью его классовой морали, онъ самъ вполнѣ ясно говоритъ, что соціальный вопросъ — гигантская проблемма по сравненію съ принципомъ ренты, вновь предложенной имъ

формы для задолженности землевладѣнія. Образъ дѣйствій его былъ логическимъ слѣдствіемъ такого міровоззрѣнія, которое въ послѣднемъ счетѣ объяснялось только его классовымъ сознаніемъ.

Съ первымъ сочиненіемъ Родбертусу повезло больше, чѣмъ съ его первой статьей. Свое сочиненіе ему все-таки удалось выпустить въ свѣтъ, хотя и при помощи какого-то захудалаго мекленбургскаго издателя. Однако сочиненіе его осталось совершенно неизвѣстнымъ и не оказало сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на соціальное движеніе сороковыхъ годовъ. Только въ послѣдующія десятилѣтія отъ Родбертуса пала громадная тѣнь на исторію германской соціалдемократіи. Точнѣе говоря, это была тѣнь его тѣни. Только послѣ смерти къ нему стали взывать, какъ къ ортодоксальному папѣ противъ великихъ еретиковъ революціоннаго соціализма; побужденія призывавшихъ его были столь же сомнительны, какъ странна была форма, въ которой они это дѣлали: эти поклонники Родбертуса объявляли его незрѣлымъ мечтателемъ всякій разъ, когда дѣло касалось дѣйствительныхъ заслугъ его, и возводили его въ историческаго генія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ровно ничего не сдѣлалъ.

Онъ заслужилъ лучшую долю, потому что въ самомъ главномъ онъ всегда оставался вѣренъ себѣ. Нельзя понять старика Родбертуса, не зная юноши Родбертуса, и наоборотъ. Вотъ почему мы нашли нужнымъ набросать и его портретъ въ главѣ о домартовскомъ соціализмѣ; это былъ періодъ, когда соціализмъ сталъ получать тѣ очертанія, которыя въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ стали только рѣзче и опредѣленнѣе.

6. Соціалистическая лирика.

Среди проявленій германскаго соціализма сороковыхъ годовъ соціалистическая поэзія занимала далеко не послѣднее мѣсто. Въ литературѣ все еще жили

традиціи классической эпохи нѣмецкой буржуазіи; стоны обездоленнаго пролетаріата нашли себѣ въ ней могучій отзвукъ. Слабѣе всего этотъ отзвукъ былъ въ восточной Германіи, сильнѣе въ западной, но наиболѣе силенъ онъ былъ среди нѣмецкихъ эмигрантовъ, среди тѣхъ поэтовъ, которыхъ, по словамъ одного изъ нихъ, мечъ пѣсенъ погналъ на западъ.

Стихи Карла Бека, Мейсснера, Ленау первоначально полны были тупой злобы и неопредѣленной надежды на избавленіе. Въ пѣснѣ о бѣдномъ человѣкѣ Бекъ обрушился на Ротшильда, какъ на короля королей, страстными обвиненіями и въ заключеніе грозилъ повелителю рабовъ судомъ Свободныхъ. Мейсснеръ видѣлъ кучу блѣдныхъ дѣтей тамъ, гдѣ дымятся высокія фабричныя трубы и желѣзныя колеса въ жаркой атмосферѣ отбиваютъ свой тяжелый тактъ; онъ гнѣвался на Мессію, обѣщавшаго когда-то дѣтямъ царство небесное. Ленау глубже ихъ понималъ, что значатъ эти порывы въ періодъ общественныхъ сумерекъ, что значитъ умереть на зарѣ свободы съ неутоленными желаніями, неотомщенными муками; яснѣе ихъ онъ видѣлъ, что онъ стоитъ на порогѣ новой эпохи, какъ въ свое время его альбигойцы. Ихъ смутное предчувствіе свободы онъ претворилъ въ прекрасное видѣніе, которое Марксъ въ виду скрытой въ немъ чистой философской истины припомнилъ, когда солнце науки засіяло обильнымъ свѣтомъ въ его великой книгѣ:

Das Licht vom Himmel lässt sich nicht versprengen
Noch lässt der Sonnenaufgang sich verhängen
Mit Purpurmänteln oder dunklen Kutten;
Den Albigensern folgen die Hussiten
Und zahlen blutig heim, was jene litten;
Nach Huss und Ziska kommen Luther, Hutten,
Die dreissig Jahre, die Zevennenstreiter,
Die Stürmer der Bastille und so weiter [1].

---

[1] Не разсѣять небеснаго свѣта, не завѣсить пурпурными мантіями и темными плащами восходящее солнце; за альбигойцами идутъ гуситы и несутъ кровавую месть за страданія своихъ предшественниковъ; за Гусомъ и Жижкой слѣдуютъ Лютеръ и Гутенъ, тридцатилѣтняя война, борцы Цевенна, герои Бастиліи и т. д.

Совсѣмъ иначе звучали уже пѣсни Гейнриха Гейне! Въ то время, когда Марксъ жилъ въ Парижѣ, они видѣлись другъ съ другомъ ежедневно; какъ разъ къ этому времени, къ 1844 году, относится появленіе безсмертно і „Зимней сказки" Гейне, въ которой разгорающіеся огни соціализма свѣтятъ съ такой же силой, съ какой въ появившемся три года тому назадъ „Атта Тролль" носились исчезающія тѣни романтики. Въ духѣ Гейне съ самаго начала боролись три великихъ міровоззрѣнія: вотъ эта-то именно удивительная игра красокъ и формъ, не терявшая гармоніи при самыхъ рѣзкихъ сочетаніяхъ послѣднихъ, дѣлаетъ его самымъ выдающимся изъ поэтовъ того времени. Гейне никогда не могъ совсѣмъ забыть о синемъ цвѣткѣ романтики и никогда вполнѣ не могъ преодолѣть своего страха передъ коммунизмомъ. Но „Зимняя сказка" это — самая свободная изъ его пѣсенъ: насмѣшка ея уничтожающа, паѳосъ — искрененъ; огонь этой пѣсни разрушаетъ прогнившій міръ для того, чтобы изъ пепла его возникъ Фениксъ новаго. Въ освободительной борьбѣ пролетаріата не замолкнутъ побѣдные стихи этой пѣсни, ея свѣтлая серьезность и веселый задоръ:

Ein neues Lied, ein besseres Lied,
O Freunde, will ich euch dichten:
Wir wollen hier auf Erden schon
Das Himmelreich errichten,
Wir wollen auf Erden glücklich sein
Und wollen nicht mehr darben;
Verschlemmen soll nicht der faule Bauch
Was die fleissigen Hände erwarben.
Es wachst hinieden Brot genug,
Für alle Menschenkinder,
Auch Rosen und Myrten, Schönheit und Lust
Und Zuckererbsen nicht minder.
Ja, Zuckererbsen für jedermann,
Sobald die Schoten platzen!
Den Himmel überlassen wir
Den Engeln und den Spatzen. [1]

Другую, другую и лучшую пѣснь
Для васъ я, друзья, начинаю:

Если бы у насъ даже не было подъ рукой прямого свидѣтельства Руге, то по самому содержанію произведеній Гейне, относящихся къ этому періоду, мы могли бы увидѣть, какъ сильно на него вліялъ тогда Марксъ. Они часто вдвоемъ взвѣшивали каждое слово какого-нибудь стихотворенія въ нѣсколько строкъ и неутомимо обрабатывали его до тѣхъ поръ, пока все не выходило отточеннымъ. Но и Гейне сильно повліялъ на Маркса и Энгельса; въ статьяхъ ихъ, относящихся ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ, часто встрѣчаются стихи его. То, чего не могъ сдѣлать радикальный мѣщанинъ Берне, то, чего и теперь еще не можетъ сдѣлать радикальный филистеръ, то сразу сумѣли Марксъ и Энгельсъ, то сегодня умѣетъ сознательный пролетаріатъ: они поняли Гейне во всемъ его величіи, а потому и во всѣхъ слабостяхъ его. Когда Марксъ снисходительно судилъ о слабыхъ сторонахъ Гейне, когда онъ говорилъ, что поэты странные, не простые люди, что ихъ нельзя судить по той же мѣркѣ, какъ обыкновенныхъ или необыкновенныхъ людей, то Марксъ не становился отъ этого менѣе нравственнымъ, чѣмъ Берне. Но Марксъ понималъ все это шире, — и если вопросъ ужъ переносится въ область нравственности, — то и нравственнѣе; онъ понималъ исторически, почему Гейне не могъ быть дру-

---

Небесное царство ужъ здѣсь на землѣ
Я съ вами найти уповаю.
Мы счастливы будемъ и здѣсь на землѣ...
Пройдутъ голоданія муки,
Лѣнивому брюху не лопать того,
Что намъ заработаютъ руки.
Достаточно хлѣба растетъ на землѣ.
Не бойтесь — для всѣхъ наберется;
Есть мирты и розы, краса и любовь,
И сладкій горошекъ найдется.
Да, сладкій горошекъ для всѣхъ мы найдемъ,
Пусть только стручечки облупимъ;
А страны небесныя мы воробьямъ
И духамъ воздушнымъ уступимъ.

(Перев. В. И. Водовозова)

гимъ, чѣмъ онъ былъ, онъ понималъ, что дѣятельность Гейне имѣетъ огромное значеніе для освобожденія угнетенныхъ классовъ, на личныя же слабости его онъ смотрѣлъ, какъ на такую бездѣлицу, которая можетъ вызвать нравственное возмущеніе только со стороны затрапезныхъ моралистовъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ Марксъ не остановился ни на минуту, когда ему пришлось рѣзко порвать съ Руге изъ-за ограниченности его буржуазнаго міровоззрѣнія; буржуазная респектабельность Руге не имѣла для него никакого значенія.

Гервегъ пытался подражать Гейне, но у него получался не освободительный юморъ и шутка, а ѣдкая, злобная насмѣшка. Его поэзія была и осталась надорванной. Гораздо сильнѣе распустилась соціалистическая поэзія его прежняго противника Фрейлиграта, сторицей собиравшаго теперь лавры, которыми онъ пренебрегъ когда-то только для того, чтобъ посмѣяться надъ тріумфомъ Гервега. Позорный деспотизмъ, угнетавшій дорогую ему Германію, вызывалъ въ этомъ поэтѣ „красной земли“ упорство древняго саксонца; онъ вернулся на родину со своихъ странствій по тропическимъ странамъ и бросился ей на грудь тѣмъ же поэтомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ. Въ исповѣди своей онъ отказывается отъ романтической реакціи и, вынужденный изъ-за этого бѣжать заграницу, онъ послалъ оттуда реакціи свое ça ira: это были вдохновенныя бурныя пѣсни; о вдохновляющемъ дѣйствіи ихъ и сегодня еще передъ нами свидѣтельствуетъ съ полной компетентностью прусскій военный министръ, называя ихъ плодомъ раскаленной фантазіи. Въ пароходѣ, на которомъ по свѣтлому Рейну спускается король, поэтъ видитъ символъ государства и вкладываетъ въ уста пролетарія машиниста такую пѣсенку:

Du bist viel weniger ein Zeus, als ich, o König, ein Titan!
Beherrsch' ich nicht, auf dem du gehst, den allzeit kochenden Vulcan?
Es liegt an mir: — Ein Ruck von mir, ein Schlag von mir zu gieser Frist,

Und siehe, pas Gebäude stürzt, von welchem du die Spitze bist!
Der Boden birst, aufschlägt die Glut und sprengt dich krachend
in die Luft!
Wir aber steigen feuerfest aufwärts ans Licht aus unsrer
Gruft!
Wir sind die Kraft! Wir hämmern jung das alte morsche Ding,
den Staat,
Die wir von Gottes Zorne sind bis jetzt das Proletariat! [1].

До послѣдняго дня своего существованія „Рейнская Газета“ не переставала поражать Фрейлиграта своими острыми стрѣлами; теперь же, когда Марксъ былъ изгнанъ изъ Парижа и переѣхалъ въ Брюссель, то чуть ли не первымъ словомъ его къ сопровождавшему его Бюргерсу было: „намъ сегодня надо пойти къ Фрейлиграту; онъ здѣсь, и я долженъ исправить все, чѣмъ провинилась передъ нимъ „Рейнская Газета“, когда онъ еще не принадлежалъ къ партіи; его исповѣдь устранила всѣ недоразумѣнія“. Вскорѣ послѣ этого Фрейлигратъ писалъ: „Марксъ уже здѣсь цѣлую недѣлю; это интересный, милый, простой въ обращеніи парень“, и съ того времени между Фрейлигратомъ и Марксомъ установилась тѣсная дружба; во многихъ революціонныхъ пѣсняхъ Фрейлиграта чувствуется духъ Маркса не только въ отдѣльныхъ мысляхъ, но и въ оборотахъ рѣчи. Сокровенный смыслъ грандіозной фантазіи „Калифорнія“ становится только тогда понятнымъ, когда не забываешь о томъ, что могъ сказать Марксъ объ историческомъ и экономическомъ значеніи открытія золотыхъ розсыпей въ Калифорніи. Мы этимъ вовсе не думаемъ умалять заслугъ Фрейлиграта, наоборотъ. Что бы ни говорили, однако, о поэтической риторикѣ или риторической поэзіи, стихи,

[1] Я не Титанъ, король, но еще менѣе ты Зевсъ! Я владѣю тѣмъ вѣчно кипящимъ вулканомъ, на которомъ ты стоишь. Все въ моихъ рукахъ: сдѣлаю я сейчасъ одно движеніе, одинъ ударъ, и рухнетъ все зданіе, на вершинѣ котораго ты сидишь. Разверзнется почва вырвется пламя и съ шумомъ взорветъ тебя на воздухъ; мы же не боимся огня и изъ нашей ямы поднимемся вверхъ къ свѣту. Сила это мы! Мы вдохнемъ молодость этому старому чудовищу государству, мы гнѣвомъ Божіимъ пролетаріатъ!

созвучное сочетаніе слоговъ, имѣютъ болѣе высокое назначеніе и вовсе не должны ограничиваться тѣмъ, чтобъ раздражать чувствительность слушателя или услаждать его слухъ.

Подобно Фрейлиграту и Георгъ Веертъ былъ уроженцемъ Детмольда. Занимая мѣсто приказчика нѣмецкой фирмы въ Брадфордѣ, онъ сблизился съ Энгельсомъ, который называлъ его первымъ и замѣчательнѣйшимъ поэтомъ германскаго пролетаріата. Силезскимъ ткачамъ Веертъ пропѣлъ пѣсню, которую можно смѣло поставить наряду съ тройнымъ молніеноснымъ проклятіемъ Гейне и преисполненной мрачнаго гнѣва пѣсней Фрейлиграта о Рюбецалѣ; мощными штрихами онъ набрасывалъ могучіе образы чартистовъ; эти гнѣвные дикіе люди изъ Іорка и Ланкашира приходятъ у него въ болѣзненный восторгъ при вѣсти о битвѣ силезскихъ ткачей. Веертъ воспѣвалъ промышленность, какъ поработительницу и освободительницу человѣчества; своимъ мрачнымъ взглядомъ и тяжелымъ кнутомъ она гонитъ бѣдняковъ на неслыханную барщину:

Und Menschen opfernd steht sie wieder da,
Des Irrtums unersättliche Begierde;
Weinend verhüll sein Haupt der Paria,
Indes der andre strahlt in güldner Zierde—
Doch Tränen fliessen jedem grossen Krieg,
Es führt die Not nur zu gewisserm Sieg.
Und wer sie schmieden lernte, Schwert und Ketten,
Kann mit dem Schwert aus Ketten sich erretten.
Was er verlieh, des Menschen hehrer Geist,
Nicht einem — allen wird es angehören!
Und wie die letzte Kette klirrend reisst,
Und wie die letzten Arme sich empören:
Verwandelt steht die dunkle Göttin da,
Beglückt, erfreut ist alles, was ihr nah!
Der arbeit Not, die Niemand lindern wollte,
Sie wars, die selbst den Fels bei Seite rollte[1].

---

[1] Передъ нами снова страсть, не перестающая дѣлать ошибки и приносить жертвы людьми; парія со слезами прячется, а на другихъ сверкаютъ золотыя украшенія; нѣтъ войны, которая не вызывала бы слезъ, но нужда уже есть залогъ побѣды. Тотъ, кто научился

Веертъ очень часто писалъ размѣромъ Гейне; это единственный подражатель неподражаемаго поэта; онъ сумѣлъ вдохнуть новый духъ въ заимствованныя формы, оживить ихъ чувственнымъ огнемъ, болѣе яркимъ, чѣмъ огонь Гейне, и приближающимся къ здоровому чувству Гете. И въ качествѣ поэта Веертъ умѣлъ быть свободнымъ человѣкомъ и сумѣлъ стать выше предразсудковъ поэтическихъ круговъ; у него не было привычки кудахтать надъ своими произведеніями; напишетъ и сейчасъ же посылаетъ копію Марксу и Энгельсу, съ которыми онъ впослѣдствіи въ Брюсселѣ жилъ вмѣстѣ. Его музой была революція; „отпускать глупыя шутки, сыпать неудачными прибаутками для того, чтобы вызвать тупую улыбку на глупой физіономіи соотечественника — право, я не знаю болѣе жалкаго занятія“, писалъ онъ однажды Марксу.

Остальные поэты домартовскаго соціализма, Пютманъ, Неугаузъ, Венкштернъ и даже Эрнстъ Дронке стояли ниже разсмотрѣнныхъ нами писателей. Правда, пѣсни и новеллы послѣдняго стояли выше средняго уровня, но наиболѣе ярко выступилъ его своеобразный талантъ въ его книгѣ о прусской столицѣ, прекраснѣйшемъ изъ существующихъ описаній домартовскаго Берлина. Дронке обладалъ здравымъ смысломъ и тонкой наблюдательностью, а, кромѣ того, и серьезными познаніями въ самыхъ различныхъ областяхъ. Онъ прекрасно умѣлъ раскрывать и описывать классовыя противорѣчія, поэтическій же талантъ и глубокая симпатія къ пролетаріату придавали его описаніямъ

ковать мечи и цѣпи, спасется ужъ отъ цѣпей только при помощи меча. Дары высшаго человѣческаго духа не будутъ больше частнымъ достояніемъ, они будутъ принадлежать всѣмъ. Когда же бренча разовьется послѣдняя цѣпь, когда послѣднія руки подымутся въ знакъ возмущенія, темная богиня преобразится, и все, дорогое ей, будетъ счастливо. Нужда работниковъ, которой никто не желалъ облегчить, она это сдѣлала, а ей не трудно было даже горы сдвигать со своего пути.

свѣжесть и жизненность. Пусть книга эта сегодня устарѣла уже, во всякомъ случаѣ послѣ нея ничего подобнаго о Берлинѣ написано не было.

Книга эта имѣетъ свою исторію. Дронке изучалъ въ Берлинѣ юриспруденцію, но былъ высланъ оттуда полиціей въ качествѣ „иностранца“. Основаніемъ для того, чтобы признать его „иностранцемъ“, послужило то обстоятельство, что отецъ его, учитель гимназіи въ Кобленцѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занималъ ту же должность въ гессенскомъ городѣ Фульда, гдѣ Эрнстъ Дронке и родился. Послѣ высылки онъ въ качествѣ литератора поселился во Франкфуртѣ на Майнѣ и при помощи одной изъ издательскихъ фирмъ этого свободнаго города издалъ эту книгу о Берлинѣ. Прусская полиція нашла въ ней такъ называемое оскорбленіе величества и, когда Дронке разъ пріѣхалъ въ Кобленцъ навѣстить своихъ родителей, она его арестовала и продала суду. Напрасно онъ оправдывался тѣмъ, что въ качествѣ „иностранца“ онъ можетъ печатать „за границей“ все, что угодно; прусскіе судейскіе крючкотворы приговорили его къ двумъ годамъ крѣпости за то, что онъ прислалъ два экземпляра своего сочиненія въ Пруссію и совершилъ такимъ образомъ оскорбленіе величества въ самой Пруссіи. Дронке отбывалъ свое наказаніе въ Везелѣ, когда началась февральская революція. Чтобъ избѣжать помилованія прусскимъ королемъ, онъ предпринялъ смѣлую попытку бѣжать, и счастье ему не измѣнило. Онъ перешелъ голландскую границу и явился въ Брюссель къ Марксу и Энгельсу.

Въ дни борьбы соціалисты-поэты остались вѣрными идеѣ. Дронке, Фрейлигратъ, Веертъ вошли въ составъ сотрудниковъ „Новой Рейнской Газеты“.

Глава тринадцатая.

Историческій матеріализмъ.

Весной 1845 года Энгельсъ переселился изъ Бармена въ Брюссель. Въ этомъ рѣшеніи его могли играть роль и соображенія личнаго характера. Онъ находился въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ политическими и религіозными воззрѣніями своей семьи, а нѣкоторыя изъ лекцій его о коммунизмѣ, которыя онъ совмѣстно съ Моисеемъ Гессомъ и художникомъ Кеттгеномъ читалъ передъ буржуазной публикой своего родного города, были насильственно прерваны полиціей, несмотря на мирный и академическій характеръ ихъ. По ходу мысли эти лекціи ничѣмъ не отличаются отъ статей Энгельса, относящихся къ тому же времени; замѣчательны въ нихъ только прекрасныя разсужденія, при помощи которыхъ онъ разбиваетъ меркантильную политику Листа.

Сильнѣе же всего влекло его въ Брюссель желаніе окончательно выяснить совмѣстно съ Марксомъ ихъ новую точку зрѣнія. Съ этой цѣлью Энгельсъ привезъ съ собой цѣнную предварительную работу: это книга о положеніи рабочаго класса въ Англіи, написанная имъ въ теченіе послѣдней зимы. Предисловіе помѣчено: Барменъ, 15 марта 1845 года.

1. Энгельсъ о положеніи англійскаго рабочаго класса.

Въ предисловіи Энгельсъ говоритъ, что цѣль его сочиненія дать твердую почву соціалистическимъ теоріямъ и критикѣ ихъ, положить конецъ всѣмъ фантазіямъ и мечтаніямъ за или противъ нихъ. Онъ считалъ необходимымъ, чтобы именно нѣмецкіе теоретики познакомились съ дѣйствительными условіями жизни пролетаріата, такъ какъ они всѣ безъ исключенія пришли къ коммунизму благодаря фейербаховской

критикѣ гегелевской спекулятивной философіи. Но положеніе пролетаріата только въ Англіи приняло классическую, законченную форму, поэтому то Энгельсъ описываетъ положеніе англійскаго рабочаго класса.

Совершенно вѣрно, что не Энгельсу принадлежитъ первая по времени попытка описать современный пролетаріатъ. И онъ меньше, чѣмъ кто бы то ни было, склоненъ былъ сколько-нибудь умалить заслуги своихъ предшественниковъ, на работахъ которыхъ онъ самъ основывался. Но его книга первое произведеніе этого рода въ нѣмецкой литературѣ. При этомъ для характеристики этого сочиненія меньше всего значенія имѣетъ то обстоятельство, что авторъ далъ потрясающе вѣрную картину страданій современнаго пролетаріата; гораздо большаго удивленія заслуживаетъ сила мысли этого двадцатичетырехлѣтняго автора, сумѣвшаго понять духъ капиталистическаго производства, сумѣвшаго разглядѣть въ немъ не только причину подъема буржуазіи, но и причину ея паденія, не только причину нужды пролетаріата, но и спасенія его.

Появленіе этой работы раскрывало истинное значеніе очерковъ по критикѣ политической экономіи, напечатанныхъ Энгельсомъ въ „Нѣмецко-французскихъ Ежегодникахъ". Тамъ онъ останавливался на самомъ принципѣ, на свободной конкурренціи, въ этой книгѣ онъ занялся уже практической стороной вопроса, крупной промышленностью. Не разъ говорилось уже, что между обѣими работами существуетъ отличіе, но отличіе вовсе не такого рода, что въ первой работѣ Энгельсъ будто бы осуждаетъ съ этической точки зрѣнія крупную промышленность, а во второй судитъ о ней съ экономической. Та и другая работа носятъ характеръ работъ экономическихъ, но какъ въ первой, такъ и во второй работѣ Энгельсъ смѣло и рѣзко освѣщаетъ кричащее противорѣчіе между человѣчными идеалами буржуазнаго разума и нечеловѣчной дѣйстви-

тельностью, которую создаютъ буржуа-фабриканты. Въ дѣйствительности же прогрессъ, сдѣланный авторомъ за это время, обнаруживается въ томъ, что онъ все больше и больше освобождается отъ радикальныхъ продолжателей нѣмецкой философіи. Онъ не ссылается уже больше ни на Бруно Бауэра, ни на Фейербаха, а „пріятеля“ Штирнера онъ цитируетъ только пару разъ и то для того, чтобъ сообщить ему о томъ, что его идеалъ я, видящаго въ другихъ я только подлежащихъ использованію субъектовъ, прекрасно осуществленъ капиталистическимъ обществомъ. Дѣло въ томъ, что въ промежутокъ времени, протекшій между появленіемъ этихъ двухъ работъ, вышло въ свѣтъ „Святое семейство“. Конечно, всюду еще замѣтно, что Энгельсъ работалъ надъ нѣмецкой философіей, и замѣтно, что онъ уже началъ разбираться въ этомъ наслѣдствѣ. Отъ времени до времени онъ становится еще на „всеобщую чисто человѣческую основу“, такъ, напр., онъ говоритъ въ своихъ заключительныхъ словахъ, что коммунизмъ есть дѣло человѣчества, а не однихъ только рабочихъ; въ теоріи это, конечно, вѣрно, но практически совершенно безплодно, разъ господствующіе классы и знать ничего не хотятъ о коммунизмѣ. Однако во всемъ изложеніи классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ все рѣзче выступаетъ уже у него въ качествѣ рѣшающаго фактора; къ правильной оцѣнкѣ классовой борьбы Энгельса приводитъ все болѣе умѣлое примѣненіе діалектическаго метода Гегеля, какъ ключа для пониманія того періода всемірной исторіи, который начался крупной промышленностью.

Энгельсъ говоритъ, что съ началомъ этого періода начинается и исторія современнаго рабочаго класса. „Раздѣленіе труда, примѣненіе двигательной силы воды и пара, введеніе машинъ,—вотъ три могучихъ рычага, при помощи которыхъ промышленность съ середины восемнадцатаго столѣтія работаетъ надъ тѣмъ, чтобъ

сдвинуть міръ съ его основъ. Мелкая промышленность создала среднее сословіе, крупная создала рабочій классъ и вознесла на тронъ нѣсколькихъ избранниковъ третьяго сословія для того, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе низвергнуть ихъ". Задача Энгельса заключалась въ томъ, чтобъ показать, какъ крупная промышленность создаетъ современный рабочій классъ, и какъ современный рабочій классъ въ силу исторической діалектики, законы которой Энгельсъ тутъ же подробно излагаетъ, развивается и долженъ развиваться для сверженія своего творца.

Пролетаріи конкуррируютъ между собой совершенно такъ же, какъ буржуа конкуррируютъ между собой. Конкурренція пролетаріевъ опредѣляетъ минимумъ заработной платы, конкурренція буржуа—максимумъ ея. Для того, чтобы поддерживать свое существованіе, пролетаріатъ нуждается въ буржуазіи, такъ какъ послѣдняя присвоила себѣ монополію на средства существованія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; буржуазія, которая можетъ жить на свой капиталъ, нуждается въ пролетаріатѣ, какъ во вьючномъ животномъ или въ предметѣ торговли для того, чтобы еще больше обогащаться. Если рабочихъ больше, чѣмъ нужно буржуазіи для своихъ цѣлей, то рабочіе сбиваютъ себѣ цѣну и для того, чтобы не остаться безъ работы и не умереть съ голоду, они соглашаются работать за тотъ минимумъ, который необходимъ для того, чтобъ обезопасить себя отъ голодной смерти. Когда же рабочихъ меньше, чѣмъ нужно буржуазіи, то отдѣльные буржуа сманиваютъ другъ у друга рабочихъ повышеніемъ заработной платы. При среднихъ условіяхъ, когда рабочихъ какъ разъ столько же, сколько можетъ найти себѣ занятіе при изготовленіи требующихся товаровъ, заработная плата нѣсколько выше минимума. Насколько она выше этого минимума, это зависитъ отъ средняго уровня потребностей рабочихъ. Если рабочіе привыкли нѣсколько разъ въ

недѣлю ѣсть мясо, то капиталисты должны будутъ примириться съ этимъ и дать рабочимъ такую заработную плату, такую пищу, которая стала уже для нихъ доступной. Они не сумѣютъ платить меньше, потому что рабочіе между собой не конкуррируютъ и имъ незачѣмъ довольствоваться меньшимъ, но они не дадутъ больше, потому что при отсутствіи конкурренціи между капиталистами имъ незачѣмъ будетъ привлекать къ себѣ рабочихъ при помощи особыхъ льготъ.

Изъ этого вытекаетъ то, къ чему пришелъ уже Адамъ Смитъ, именно, что спросъ на рабочихъ регулируетъ производство рабочихъ, количество нарождающихся людей, совершенно такъ же, какъ спросъ на любой предметъ торговли регулируетъ производство послѣдняго; этотъ спросъ ускоряетъ производство, когда оно идетъ слишкомъ медленно, задерживаетъ его, когда оно слишкомъ быстро развивается. Мало рабочихъ — цѣна, т. е. заработная плата, растетъ, рабочему живется лучше, браки учащаются, нарождается больше людей, ихъ выростаетъ больше, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведено достаточное количество рабочихъ. Слишкомъ много рабочихъ, — наступаетъ безработица, голодъ, нужда и, какъ послѣдствіе ихъ, эпидеміи, косящія „избыточное населеніе". Юридически и фактически рабочій является рабомъ буржуазіи, рабомъ до такой степени, что онъ продается, какъ товаръ, какъ товаръ повышается и падаетъ въ цѣнѣ. Все отличіе между этимъ и прежнимъ откровеннымъ рабствомъ заключается въ томъ, что современный рабочій *кажется* свободнымъ; но это кажется только потому, что онъ продается не сразу, а по частямъ, на день, на недѣлю, на годъ, потому что не одинъ собственникъ продаетъ его другому, а онъ самъ долженъ продавать себя въ качествѣ раба всего класса собственниковъ, а не отдѣльнаго лица. Для рабочаго же дѣло отъ этого не мѣняется. Если призракъ свободы и предоставляетъ ему въ дѣйствительности нѣко-

торую свободу, то зато никто не долженъ ему обезпечить его существованіе; каждый моментъ, когда буржуазія болѣе не заинтересована уже въ его существованіи, его можно выбросить на улицу. Съ другой стороны, для буржуазіи это учрежденіе гораздо удобнѣе, чѣмъ прежнее рабство. Выбрасывая рабочаго, не пользуясь его трудомъ, она ничего не теряетъ, какъ теряла бы, если бы рабочій принадлежалъ ей и она должна была бы поддержать его существованіе; она можетъ вслѣдствіе этого производить дешевле, и этимъ старался ее утѣшить еще Адамъ Смитъ.

Положеніе рабочаго класса существенно ухудшается тѣмъ обстоятельствомъ, что „избыточное населеніе" имѣется почти всегда, что конкурренція между рабочими всегда больше, чѣмъ конкурренція ради привлеченія рабочихъ, и что заработная плата почти всегда остается на минимумѣ. Конкурренція между рабочими доводитъ до максимума производительность каждаго изъ нихъ, затѣмъ слѣдуетъ раздѣленіе труда, введеніе машинъ, использованіе силъ природы, распространеніе женскаго и дѣтскаго труда, и въ результатѣ всего этого множество рабочихъ непрерывно теряетъ заработокъ. Рабочіе, потерявшіе заработокъ, не могутъ больше потреблять, а отъ этого другіе рабочіе въ свою очередь остаются безъ занятій. Этотъ круговоротъ нарушается постояннымъ расширеніемъ промышленности и завоеваніемъ иностранныхъ рынковъ. Уже шестьдесятъ приблизительно лѣтъ, какъ спросъ на мануфактурные товары не перестаетъ непрерывно и быстро возрастать, вмѣстѣ съ нимъ растетъ и спросъ на рабочихъ, такъ что народонаселеніе британской имперіи возрасло необычайно быстро. Несмотря на то избытокъ населенія все-таки существуетъ. Гдѣ источникъ этого противорѣчія?

Энгельсъ отвѣчаетъ: этотъ источникъ заключается „въ сущности промышленности и конкурренціи и зависящихъ отъ нихъ торговыхъ кризисовъ. Современное

производство и распредѣленіе средствъ существованія безпорядочно, оно имѣетъ цѣлью не непосредственное удовлетвореніе потребностей, но наживу; при современной системѣ производства и распредѣленія каждый работаетъ на свой страхъ и обогащается; поэтому понятно, что въ ней каждый моментъ должны возникать заминки. Напр., Англія: она доставляетъ различные товары въ разныя страны. Если фабрикантъ и знаетъ, какое количество того или иного товару потребляется ежегодно въ каждой странѣ, то онъ никогда не знаетъ, какъ велики тамъ въ данный моментъ запасы этого товара, еще меньше онъ знаетъ, сколько товару пошлютъ туда его конкурренты. Для того, чтобы судить о состояніи запасовъ и потребностей въ той или иной странѣ, у него имѣется только такое ненадежное основаніе, какъ характеръ никогда не прекращающагося колебанія цѣнъ; все дѣлается наобумъ, наугадъ, въ большей или меньшей надеждѣ на счастливый случай. Какъ только приходятъ сколько-нибудь благопріятныя извѣстія, всякій шлетъ все, что можетъ черезъ короткое время этотъ рынокъ уже переполненъ товарами, сбытъ прекратился, оттока нѣтъ, цѣны падаютъ, и англійская промышленность не имѣетъ уже работы для своихъ рабочихъ". Мало по малу, по мѣрѣ того, какъ потребляются накопившіеся товарные запасы, положеніе вещей измѣняется къ лучшему; начинаютъ приходить отовсюду благопріятныя вѣсти, цѣны начинаютъ расти, и работа возобновляется.

То, что должно произойти дальше, пусть снова описываетъ Энгельсъ. „Рынки большею частью расположены очень далеко; пока первый подвозъ прибудетъ туда, спросъ все продолжаетъ расти, а съ нимъ и цѣны; первую партію прибывшихъ товаровъ одинъ рветъ у другого, эти первыя сдѣлки вносятъ еще больше оживленія, ожидаемый подвозъ питаетъ надежды на еще большее повышеніе цѣнъ, въ ожиданіи этого повышенія цѣнъ начинается покупка въ цѣляхъ спекуляціи,

съ цѣлью лишить потребленіе нужныхъ ему въ данный моментъ товаровъ; спекуляція еще больше повышаетъ цѣны, такъ какъ она увеличиваетъ число покупателей и поглощаетъ подвозъ; все это доносится въ Англію, фабриканты снова энергично начинаютъ работать, строятся новыя фабрики и прибѣгаютъ ко всѣмъ средствамъ, чтобъ лучше использовать благопріятный моментъ; здѣсь тоже начинается спекуляція, и дѣйствіе ея такое же, какъ на иностранномъ рынкѣ: цѣны растутъ, потребленіе лишаютъ нужныхъ ему товаровъ, и этими двумя средствами доводятъ до крайняго напряженія промышленное производство; затѣмъ появляются „несолидные" спекулянты; они работаютъ съ фиктивнымъ капиталомъ, живутъ въ кредитъ; если они не могутъ безостановочно продавать, они разорены; и эти люди тоже устремляются въ эту безпорядочную погоню за наживой, своею необузданною страстностью они увеличиваютъ безпорядокъ и лихорадочность производства, и цѣны растутъ до безумія; это такое безумное возбужденіе, передъ которымъ не могутъ устоять самые спокойные и опытные люди; молотъ стучитъ, прядутъ, ткутъ, какъ будто нужно было одѣть въ новую одежду все человѣчество, какъ будто удалось найти на лунѣ пару милліардовъ новыхъ потребителей". Такимъ образомъ рынки снова переполняются и наступаетъ новый кризисъ. „Такъ это продолжается непрерывно, расцвѣтъ, кризисъ, расцвѣтъ, кризисъ, и этотъ непрекращающійся круговоротъ повторяется въ промышленности каждыя пять, шесть лѣтъ". Причину торговыхъ кризисовъ Энгельсъ видитъ въ отсутствіи плана въ производствѣ и въ неограниченной конкурренціи, неразрывно связанныхъ съ крупной капиталистической промышленностью; онъ полагаетъ, что въ сравненіи съ этими причинами недостаточное потребленіе рабочаго класса играетъ подчиненную роль.

Результатомъ такого положенія вещей является то,

что во всѣ времена, исключая періоды высшаго расцвѣта, англійская промышленность необходимо должна имѣть резервъ безработныхъ для того, чтобы при помощи ихъ производить то количество товаровъ, котораго потребуетъ рынокъ въ наиболѣе оживленные мѣсяцы. Въ одной Англіи и Уэльсѣ, не считая Шотландіи и Ирландіи, оффиціально зарегистрировано полтора милліона безработныхъ. Энгельсъ подробно разсматриваетъ отдѣльныя послѣдствія, которыя это имѣетъ для положенія англійскихъ рабочихъ. Онъ описываетъ, въ какихъ условіяхъ они живутъ, какъ одѣваются и питаются, какъ они вырождаются духовно, нравственно и физически; онъ со всѣми ужасными подробностями описываетъ соціальное убійство, которое совершаетъ надъ ними общество. Онъ изслѣдуетъ, чѣмъ отличается бѣдность пролетаріата отъ бѣдности трудящихся классовъ предыдущихъ столѣтій. Сюда прежде всего относится необезпеченность источниковъ жизни, необходимость жить заработной платой, безъ всякаго обезпеченія на случай безработицы. „У пролетарія нѣтъ ничего, кромѣ его рабочихъ рукъ, сегодня онъ проживаетъ то, что вчера заработалъ, жизнь его зависитъ отъ всевозможныхъ случайностей, у него нѣтъ ни малѣйшей увѣренности, что онъ сумѣетъ заработать себѣ необходимыя средства къ существованію: вѣдь каждый кризисъ, любой капризъ мастера могутъ лишить его работы, словомъ положеніе пролетарія самое ужасное, самое безчеловѣчное, какое можно только себѣ представить. Корысть рабовладѣльца обезпечиваетъ рабу его существованіе, у крѣпостного есть хоть кусокъ земли для того, чтобы прожить, жизнь-то ихъ хоть чѣмъ-нибудь обезпечена, пролетарій же предоставленъ самому себѣ и въ то же время лишенъ возможности такъ распорядиться своими силами, чтобъ онъ могъ положиться на нихъ. Все, что рабочій самъ можетъ сдѣлать для улучшенія своей доли имѣетъ значеніе капли въ морѣ, такъ велики тѣ

невзгоды и случайности, которымъ онъ подверженъ и надъ которыми у него нѣтъ никакой власти". Затѣмъ слѣдують унизительныя муки принудительнаго труда; примѣненіе пара и машинъ, раздѣленіе труда, во много разъ увеличили способность этого принудительнаго труда превращать человѣка въ животное. „Въ большинствѣ случаевъ дѣятельность рабочаго сводится къ какой-нибудь мелкой, чисто механической манипуляціи, повторяющейся каждую минуту и остающейся неизмѣнной въ теченіе годовъ. Представьте себѣ человѣка, который съ дѣтскихъ лѣтъ ежедневно въ теченіе двѣнадцати часовъ и больше дѣлалъ булавочныя головки или точилъ зубчатыя колеса да притомъ еще жилъ въ условіяхъ англійскаго пролетарія, и скажите сами, сколько человѣческихъ чувствъ и способностей можетъ сохраниться у него къ тридцатилѣтнему воз расту?". Окончательно же порабощають рабочихъ фабричныя правила, безчеловѣчная продолжительность рабочаго времени, женскій, дѣтскій и ночной трудъ, разрушающій семью, подрывающій силы взрослаго и подрастающаго поколѣнія, система коттеджей и расплаты натурой и всѣ другія безчисленныя вредныя стороны фабричной системы, описанныя Энгельсомъ съ подробностью и точностью человѣка, знакомаго съ предметомъ.

Энгельсъ не скрываетъ того, что крупная промышленность лишила современный пролетаріатъ человѣческаго облика, низвела на низшую ступень, умственно и нравственно довела его до животнаго состоянія, разслабила его физически. Среди англійскихъ рабочихъ сильно распространено пьянство и половыя излишества, грубость и преступленія противъ собственности, но развѣ при подобныхъ обстоятельствахъ могло бы быть иначе? Однако эта же современная пролетарская нужда питаетъ надежды Энгельса на будущее. Для рабочаго существуетъ только одна возможность остаться человѣкомъ и чувствовать себя человѣкомъ; эта возмож-

ность—страстное возмущеніе противъ буржуазіи. Безпрерывное увеличеніе опасности превратиться въ животное толкаетъ пролетаріатъ на борьбу противъ буржуазіи, на борьбу, которая не знаетъ перемирій и должна кончиться побѣдой пролетаріата. И именно тѣ средства, при помощи которыхъ буржуазія лишаетъ пролетаріатъ человѣческаго облика, служатъ пролетаріату оружіемъ противъ буржуазіи.

Иммиграція ирландцевъ значительно способствовала ухудшенію положенія англійскихъ рабочихъ, но зато живой характеръ ирландца подѣйствовалъ на англійскій пролетаріатъ революціонизирующимъ образомъ. Централизація населенія въ высшей степени увеличиваетъ деморализацію рабочихъ, но она же пробуждаетъ ихъ классовое сознаніе, подсказываетъ мысль, что слабые, пока они разрознены, они станутъ силой, если объединятся; она уничтожаетъ послѣдніе слѣды патріархальныхъ отношеній между рабочими и такъ называемыми работодателями-кормильцами; большіе города становятся центрами самостоятельнаго рабочаго движенія. Суровая доля рабочаго дѣлаетъ его человѣчнѣе, обходительнѣе, мирнѣе; въ каждомъ человѣкѣ онъ видитъ человѣка; копѣечникъ же буржуа все разсматриваетъ со своей своекорыстной точки зрѣнія, не знаетъ другой цѣли жизни, какъ набивать мошну, а въ рабочемъ не можетъ признать человѣка. Такимъ образомъ у рабочаго оказывается гораздо меньше предвзятости, гораздо болѣе открытый взглядъ на вещи, чѣмъ у буржуа. Этимъ уравновѣшивается тотъ недостатокъ образованности, который буржуазія искусственно поддерживаетъ въ пролетаріатѣ. Практическое образованіе не только замѣняетъ пролетарію школьную мудрость, но дѣлаетъ безвредными и связанныя съ ней расплывчатыя религіозныя представленія. „Нужда научитъ молиться, но, что еще важнѣе, она научитъ мыслить и дѣйствовать. Англійскій рабочій, съ грѣхомъ пополамъ разбирающій по печатному и еще меньше умѣющій

писать, знаетъ очень хорошо, въ чемъ заключается его интересъ и интересъ всего народа; онъ знаетъ также очень хорошо, въ чемъ спеціально заключается интересъ буржуазіи и чего онъ можетъ ожидать отъ нея. И если онъ не умѣетъ писать, то онъ умѣетъ говорить, говорить публично; пусть онъ не умѣетъ считать, но съ понятіями политической экономіи онъ умѣетъ справляться настолько, что можетъ понять насквозь и разбить буржуа, отмѣняющаго хлѣбные законы; пусть, несмотря на все стараніе поповъ, религіозные вопросы неясны ему, но это помогаетъ ему при разрѣшеніи житейскихъ, политическихъ и соціальныхъ вопросовъ". Мало по малу англійскій пролетаріатъ превращается въ особый народъ, непохожій на англійскую буржуазію. Рабочіе говорятъ на другомъ діалектѣ, у нихъ другія идеи и представленія, другіе нравы и нравственные принципы, другая политика и другая религія, чѣмъ у буржуазіи. Свои слова о двухъ націяхъ Энгельсъ сказалъ одновременно съ Дизраели, но въ отличіе отъ Дизраели онъ прибавилъ, что вмѣсто застывшей въ классовыхъ предразсудкахъ, потерянной для историческаго прогресса буржуазіи на передовомъ посту историческаго развитія становится рабочій классъ.

Изслѣдуя различныя формы англійскаго рабочаго движенія, Энгельсъ приходитъ къ такимъ результатамъ. Въ борьбѣ противъ отдѣльныхъ мелкихъ золъ капиталистическаго способа производства трэдъ-юніоны могущественны, но, какъ бы они ни силились, они не могутъ измѣнить того экономическаго закона, по которому заработная плата регулируется соотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ на рабочемъ рынкѣ. „Исторія этихъ союзовъ представляетъ собой длинный рядъ пораженій рабочихъ, изрѣдка прерывающійся отдѣльными случайными побѣдами". Но почему же рабочіе идутъ на такое пораженіе? „Просто потому, что они должны протестовать противъ пониженія заработной платы, даже противъ необходимости этого

пониженія, потому что они должны заявить, что они люди и не должны приспособляться къ обстоятельствамъ, что обстоятельства должны приспособляться къ нимъ, потому что молчаніе ихъ было бы равносильно признанію ими существующаго положенія, признанію за буржуазіей права эксплоатировать рабочихъ во время промышленнаго подъема и предоставить ихъ голодной смерти въ плохія времена". Съ точки зрѣнія политической экономіи тѣ доводы, которые фабриканты приводятъ рабочимъ противъ стачекъ, совершенно правильны; но именно поэтому эти доводы отчасти ложны и совершенно не дѣйствуютъ на умъ рабочаго. Тредъ-юніоны исходятъ изъ той предпосылки, что господство буржуазіи основано только на конкурренціи рабочихъ между собой, т. е. на неорганизованности пролетаріата, на томъ, что отдѣльные рабочіе выступаютъ другъ противъ друга. Тредъ-юніоны являются первой попыткой рабочихъ уничтожить конкурренцію между собой, и въ этомъ смыслѣ они поражаютъ капиталистическое общество въ одну изъ наиболѣе чувствительныхъ сторонъ его. Но такъ какъ эта первая попытка никогда не можетъ надолго устранить дѣйствіе закона заработной платы, то на этомъ остановиться трэдъ-юніонамъ невозможно.

Стачки трэдъ-юніоновъ—только передовыя стычки, изрѣдка серьезныя сраженія, онѣ не имѣютъ какого-нибудь рѣшающаго значенія, но онѣ надежнѣйшее доказательство того, что близится день рѣшительной битвы между пролетаріатомъ и буржуазіей. Онѣ играютъ для рабочихъ роль военной школы, и въ этомъ отношеніи онѣ дѣйствуютъ превосходно. Энгельсъ подробно описываетъ большую стачку, которую весною 1844 года въ теченіе девятнадцати недѣль съ геройскимъ мужествомъ выдерживали рабочіе Нортумберлэнда и Дюргама. Такъ какъ рабочему не оставлено ни одной области, въ которой онъ бы могъ проявиться какъ человѣкъ, такъ какъ единственное, что онъ можетъ сдѣлать въ

этомъ отношеніи, это только протестъ противъ всего своего положенія, то въ этомъ протестѣ рабочіе и проявляютъ много благородства, красоты, человѣчности. Правда, во время чуть ли не ежедневно происходящихъ стачекъ не бываетъ недостатка въ дикостяхъ и жестокостяхъ, но вѣдь не надо забывать, что мы имѣемъ передъ собой въ Англіи соціальную войну. Если буржуазія заинтересована въ томъ, чтобъ вести эту войну подъ покровомъ лицемѣрія, придать ей мирный, даже филантропическій характеръ, то пролетаріату можетъ только принести пользу, если онъ сорветъ эту маску лицемѣрія, раскроетъ дѣйствительныя отношенія; насильственныя враждебныя дѣйствія рабочихъ противъ буржуазіи и ея прислужниковъ только явное и открытое выраженіе того, что буржуазія причиняетъ рабочимъ тайно и коварно. Для буржуазіи законъ святъ, потому что она сочинила его и потому что онъ служитъ ея интересамъ. Съ другой стороны, рабочій знаетъ слишкомъ хорошо и чувствуетъ это слишкомъ часто, что законъ это плеть, приготовленная для него буржуазіей, и онъ не прибѣгаетъ къ закону, когда его не вынуждаютъ къ этому. Въ то же время онъ направляетъ усилія къ тому, чтобъ законы буржуазіи замѣнить закономъ пролетаріата, народной хартіей.

Какъ невинно ни звучатъ шесть пунктовъ этой хартіи, все же ихъ достаточно для того, чтобъ уничтожить англійскую конституцію вмѣстѣ съ королевой и верхней палатой. Чартизмъ явился компактной формой пролетарской оппозиціи противъ буржуазіи; подъ знаменемъ чартизма весь рабочій классъ поднялся противъ буржуазіи съ цѣлью вырвать у нея политическую власть. Но этимъ значеніе чартизма не исчерпывается. По самой сущности своей онъ отличается соціальнымъ характеромъ, и рабочіе чартисты съ удвоеннымъ рвеніемъ продолжаютъ борьбу пролетаріата противъ буржуазіи. Билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, защита рабочаго отъ капиталиста, хорошая заработная плата,

обезпеченіе должностей, уничтоженіе новаго закона о бѣдныхъ не меньше относятся къ сущности чартизма, какъ и шесть пунктовъ хартіи. Правда, соціализмъ чартистовъ еще очень мало развитъ; главнымъ средствомъ противъ бѣдности они выставляютъ раздробленіе земельной собственности, средство безсильное въ борьбѣ съ крупной собственностью, но ближайшій кризисъ, который по словамъ Энгельса наступитъ не позже 1847 года и по ужасной силѣ своей превзойдетъ всѣ прежніе кризисы, толкнетъ уже этихъ рабочихъ въ объятія соціализма.

Теоретически чартисты сильно отстали, зато они настоящіе, живые пролетаріи; кругозоръ соціалистовъ, правда, шире, но зато они вышли изъ среды буржуазіи, мирно настроены, спокойны, абстрактны. Хотя по существу дѣла соціализмъ стоитъ выше противоположности между буржуазіей и пролетаріатомъ, онъ однако формально внимательнѣе относится къ буржуазіи и очень несправедливо къ пролетаріату. Соціалисты не хотятъ бороться, они хотятъ только склонить на свою сторону общественное мнѣніе. „При этомъ они не перестаютъ жаловаться на деморализацію низшихъ классовъ, не видятъ элементовъ прогресса въ этомъ распаденіи общественнаго порядка и не обращаютъ вниманія на то, что деморализація имущихъ классовъ, подъ вліяніемъ ихъ эгоизма и лицемѣрія, отличается гораздо болѣе худшимъ характеромъ. Они не имѣютъ понятія объ историческомъ развитіи, не хотятъ продолжать политику до того момента, когда она сама уничтожитъ себя, а безъ всякихъ хотятъ установить въ обществѣ коммунистическое устройство. Они, правда, понимаютъ, почему рабочій возмущенъ противъ буржуа, но въ этомъ озлобленіи, въ этомъ единственномъ средствѣ повести рабочихъ дальше, они не находятъ ничего полезнаго и проповѣдуютъ филантропію и всеобщую любовь, которыя для англійской современности еще болѣе безполезны. Они признаютъ только психологическое

развитіе, развитіе абстрактнаго человѣка, стоящаго внѣ всякой связи съ прошедшимъ; между тѣмъ весь міръ и отдѣльный человѣкъ въ немъ только и могутъ быть поняты въ этой связи съ прошлымъ. Словомъ, они слишкомъ научны, черезъ мѣру метафизичны и практически ничего не достигаютъ". Энгельсъ говоритъ, что въ такой формѣ соціализмъ никогда не получитъ всеобщаго распространенія въ средѣ англійскихъ рабочихъ; соціализмъ долженъ для этого получить революціонное содержаніе чартизма, точно такъ же, какъ чартизму необходимо усвоить себѣ болѣе широкую и глубокую точку зрѣнія соціализма; сліяніе чартизма съ соціализмомъ сдѣлаетъ рабочій классъ дѣйствительно господствующимъ классомъ Англіи. Но уже и теперь, какъ Энгельсъ подробно доказываетъ, отдѣльныя секціи рабочихъ безконечно много сдѣлали для образованія пролетаріата, класса, у котораго имѣются собственные интересы и принципы, собственныя воззрѣнія, отличныя отъ интересовъ, принциповъ и воззрѣній имущихъ классовъ, класса, который олицетворяетъ собой способность и силы націи къ дальнѣйшему развитію.

Въ заключеніе своей книги Энгельсъ говоритъ, что соціальная революція въ Англіи дѣло недалекаго будущаго; буржуазная критика уже цѣлыхъ полвѣка не перестаетъ останавливаться на этомъ неоправдавшемся пророчествѣ съ цѣлью „опровергнуть" это замѣчательное сочиненіе. Фактически же предсказанная Энгельсомъ революція уже наступила, хотя, правда, не въ той формѣ, въ какой онъ это предсказывалъ; несмотря на безнадежную нужду, англійскій рабочій классъ сорганизовался въ могучую армію и отвоевываетъ себѣ шагъ за шагомъ все больше и больше политической власти. Незадолго передъ смертью Энгельсъ съ чувствомъ самоудовлетворенія могъ сказать, что нечего удивляться тому, что много изъ его предсказаній, внушенныхъ ему юношеской горячностью, не оправдалось,

а что надо удивляться тому, какъ много ихъ все-таки оправдалось. Эту ошибочную увѣренность, что насильственная революція ждетъ уже на порогѣ Англіи, вмѣстѣ съ Энгельсомъ дѣлили и самые выдающіеся знатоки этой страны, Гаскель и Карлейль и даже Times, главный органъ англійской буржуазіи; то, что въ его книгѣ было новаго и оригинальнаго, то, что принадлежитъ ему, то дѣйствительно оказалось истиной, открывающей новые пути.

Намъ нечего при этомъ скрывать передъ собой тотъ фактъ, что особенно въ юношескіе годы свои Марксъ и Энгельсъ цѣнили слишкомъ высоко темпъ революціоннаго рабочаго движенія. Безсмысленная толпа думаетъ, что этимъ доказывается непріемлемость ихъ историческихъ воззрѣній, но такой человѣкъ, какъ Альбертъ Ланге говоритъ, что они судили о своей эпохѣ „удивительно вѣрно". Онъ прибавляетъ къ этому: „Мы вообще склонны считать болѣе близкимъ, чѣмъ это въ дѣйствительности, все то, что мы ясно себѣ представляемъ". Этой склонности заплатили дань и Марксъ и Энгельсъ, Энгельсъ даже въ періодъ глубокой старости, для которой онъ сумѣлъ сохранить себѣ молодое сердце. Всѣмъ этимъ вовсе не доказывается, что они блуждали въ туманѣ, но наоборотъ, что они, какъ говоритъ Ланге, были „проницательными мыслителями", ошибившимися въ длинѣ пути только потому, что ясно видѣли цѣль его.

Съ самаго появленія книги Энгельса, успѣхъ ея былъ очень великъ. Ее читали больше, чѣмъ какую-либо другую книгу до-мартовскаго соціализма. Но, въ сущности говоря, буржуазныхъ читателей привлекало къ ней только захватывающее изложеніе этого тяжелаго вопроса. Методъ, примѣненный Энгельсомъ, добытые имъ результаты остались непонятыми, и скоро профессоръ Бруно Гильдебрандъ, глава „исторической школы", доказалъ это въ ученой книгѣ; поднявъ густую пыль историческихъ справокъ, Гильдебрандъ пытался затемнить свѣтъ, брошенный Энгельсомъ на исто-

рическое развитіе. Онъ вывалилъ цѣлую кучу цифръ и датъ, и всѣ онѣ должны были доказать, что въ девятнадцатомъ вѣкѣ трудящимся классамъ жилось лучше, чѣмъ въ прошлые вѣка, что англійскимъ ремесленникамъ, матросамъ, прислугѣ живется лучше, чѣмъ фабричнымъ, сельскимъ и горнорабочимъ, которыми исключительно занимается Энгельсъ, что въ провинціи Обергессенъ ремесленный пролетаріатъ страдаетъ больше, чѣмъ пролетаріатъ крупной промышленности въ Англіи, и еще подобныя возраженія. Предположимъ, что Гильдебрандъ дѣйствительно доказалъ то, что онъ хотѣлъ доказать, какое бы значеніе это имѣло для того, что говорилъ Энгельсъ? Ясно: никакого. Всѣ рѣшительные вопросы, поставленные Энгельсомъ, Гильдебрандъ совершенно въ духѣ „историческаго метода" „исторической школы" обходитъ мимо. Энгельсъ фантастъ, потому что на міровомъ рынкѣ онъ не нашелъ того, что Гильдебрандъ нашелъ въ Обергессенѣ.

Надо, впрочемъ, признать, что Гильдебрандъ относится къ числу наиболѣе проницательныхъ представителей „исторической школы". Приблизительно тридцать лѣтъ спустя Рошеръ издалъ исторію нѣмецкой политической экономіи и все, что онъ могъ сказать объ Энгельсѣ, это были фразы, взятыя имъ у Гильдебранда. Но при этомъ онъ даже не счелъ нужнымъ указать на источникъ своей примудрости, что, повидимому, тоже относится къ особенностямъ „историческаго метода".

2. Марксъ о Фейербахѣ.

Когда весною 1845 года Энгельсъ переѣхалъ въ Брюссель къ Марксу, они оба принялись за всестороннее выясненіе того, въ чемъ ихъ взгляды расходятся съ идеологическимъ воззрѣніемъ германской философіи; эта работа должна была разъ навсегда успокоить ихъ философскую совѣсть. Въ результатѣ получилась двухтомная критика философіи послѣ Гегеля. Однако со-

чиненію этому не суждено было увидѣть свѣтъ. Издатель по полученіи манускрипта отказался отъ изданія, „такъ какъ измѣнившіяся обстоятельства сдѣлали печатаніе невозможнымъ“. Это было началомъ тѣхъ литературныхъ непріятностей, отъ которыхъ Марксу и Энгельсу пришлось страдать еще долго: даже такой человѣкъ, какъ Руге, револьверомъ грозилъ своему компаньону Фребелю, когда тотъ подумалъ только опубликовать какое-то произведеніе Маркса черезъ Литературную контору; между тѣмъ этотъ же самый Руге самъ говорилъ, что трудно повѣрить, чтобъ Марксъ написалъ что-нибудь неважное.

Главной цѣли своей, выяснить самимъ себѣ свою философскую позицію, Марксъ и Энгельсъ достигли, и поэтому они безъ особаго сожалѣнія представили свой манускриптъ „разъѣдающей критикѣ мышей“. Однако съ того времени сохранилось нѣсколько мыслей, въ которыхъ Марксъ высказывается о Фейербахѣ. Здѣсь Марксъ указываетъ на главный недостатокъ матеріализма предшественниковъ своихъ и видитъ его въ томъ, что предметы, дѣйствительность, міръ внѣшнихъ чувствъ, они разсматриваютъ только, какъ объектъ, а не какъ дѣятельность человѣческаго чувственнаго аппарата, не какъ практику, не какъ субъектъ. Матеріалистическое ученіе о томъ, что люди представляютъ собой продуктъ условій и воспитанія, что другіе люди могутъ появиться только, какъ продуктъ измѣнившихся условій и измѣнившагося воспитанія, забываетъ, говоритъ онъ, о томъ, что условія измѣняются людьми только и что эти условія воспитываютъ также самого воспитателя. Подобно Овэну, эти матеріалисты приходятъ къ тому, что раздѣляютъ общество на двѣ части и одну изъ нихъ ставятъ выше самого общества. Фактически же на измѣненіе условій человѣческой дѣятельности надо смотрѣть, какъ на разрушающую практику и только такимъ образомъ и можно понять это измѣненіе.

Сущность божества Фейербахъ объясняетъ сущностью человѣка, людское семейство раскрываетъ тайну святого семейства, но Фейербахъ не замѣчаетъ при этомъ, что главная задача этимъ еще не разрѣшена. Если міръ дѣйствительный создаетъ себѣ двойника въ мірѣ религіозномъ, воображаемомъ, если человѣческое семейство въ видѣ самостоятельнаго царства фиксируетъ себя въ небесахъ, то фактъ этотъ объясняется двойственностью и внутреннимъ противорѣчіемъ земного міра. Это противорѣчіе надо понять и устранить потомъ путемъ переворота въ мірѣ земномъ. Только тогда сущность религіи дѣйствительно совпадетъ съ сущностью человѣка.

Подъ сущностью человѣка не слѣдуетъ понимать какой-нибудь отвлеченной сущности, свойственной всякому человѣку. Фактически это не что иное, какъ совокупность человѣческихъ отношеній. Отказываясь отъ критики реальной сущности человѣка, Фейербахъ вынужденъ вмѣстѣ съ тѣмъ оставить въ сторонѣ историческій ходъ вещей, разсмотрѣть религіозное настроеніе само по себѣ и предположить существованіе какой-то абстрактной, изолированной человѣческой сущности.

Фейербахъ не замѣчаетъ того, что само „религіозное настроеніе" представляетъ собой общественный продуктъ; вѣдь абстрактный индивидуумъ, котораго онъ анализируетъ, фактически есть принадлежность опредѣленной общественной формы. Общественная жизнь преимущественно жизнь практическая. Всѣ тайны, которыя сбиваютъ теоріи на путь мистицизма, находятъ себѣ раціональную разгадку въ человѣческой практикѣ и въ пониманіи этой практики.

Свою критику Фейербаха Марксъ заканчиваетъ сжатыми тезисами: Созерцательный матеріализмъ, т. е. матеріализмъ, который воспринимаетъ содержаніе воспріятій нашихъ органовъ чувствъ не какъ практическую дѣятельность, приводитъ въ концѣ концовъ къ воз-

зрѣнію отдѣльнаго представителя „буржуазнаго общества“. Прежній матеріализмъ стоитъ на точкѣ зрѣнія буржуазнаго общества, новый матеріализмъ стоитъ на точкѣ зрѣнія человѣческаго общества или обобществленнаго человѣчества. Философы занимались тѣмъ, что на разные лады истолковывали общество, задача же заключается въ томъ, чтобы измѣнить его.

Легко понять все значеніе этого воззрѣнія. Становясь матеріалистомъ, Фейербахъ долженъ былъ совершенно порвать съ идеализмомъ; не умѣя вполнѣ освоиться съ матеріализмомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказался вынужденнымъ отказаться отъ всего того прогресса, который знаменовалъ собою германскій идеализмъ по сравненію съ англо-французскимъ матеріализмомъ; здѣсь имѣется въ виду діалектическій методъ, который разсматриваетъ исторію человѣчества, какъ непрерывную смѣну процессовъ возникновенія и уничтоженія; въ противоположность этому методу, метафизическій, какъ называлъ его Гегель, методъ матеріализма видѣлъ въ мірѣ комплексъ готовыхъ вещей, неподвижныхъ, застывшихъ, разъ навсегда данныхъ предметовъ изслѣдованія. Было время, когда этотъ метафизическій методъ былъ необходимъ и полезенъ, но въ концѣ концовъ его микроскопы и анатомическіе ножи изслѣдовали только трупы, потому что онъ выдѣлялъ вещи изъ той связи, въ которой они жили и развивали свойственную имъ дѣятельность. Зато діалектическій методъ разсматривалъ всю совокупность процессовъ, которыми сопровождается возникновеніе и исчезновеніе вещей; въ человѣкѣ онъ видѣлъ не нѣчто абстрактное, разъ навсегда данное, но историческое непрерывно измѣняющееся существо.

Марксъ вмѣстѣ съ Фейербахомъ отказывается отъ всѣхъ идеалистическихъ бредней, но, въ противоположность ему, онъ усваиваетъ себѣ прогрессивный элементъ германскаго идеализма. Онъ положительно разрѣшилъ ту задачу, которую Фейербахъ сумѣлъ разрѣшить

только отрицательно. Онъ внесъ въ матеріализмъ непреходящее содержаніе идеализма, подобно тому, какъ Кантъ нѣкогда внесъ въ идеализмъ непреходящее содержаніе матеріализма. Но если исторіей человѣчества не управляютъ ни Богъ, ни абсолютная идея, если исторія развивалась въ видѣ непрерывнаго діалектическаго процесса, то чѣмъ же опредѣляется ходъ историческаго развитія? Когда Марксъ говорилъ, что реальная сущность человѣка заключается въ совокупности общественныхъ отношеній, то этимъ онъ подводитъ итогъ своимъ изслѣдованіямъ объ обществѣ и государствѣ. Но расчлененіе общества измѣняется сообразно измѣненіямъ въ экономическомъ способѣ производства, т. е. ими въ послѣднемъ счетѣ и опредѣляется историческое развитіе. И діалектическій методъ Гегеля, и абстрактно-изолированный матеріализмъ Фейербаха Марксъ воспринялъ критически. Первый онъ перевернулъ, указавъ на то, что не мысли воплощаются въ вещахъ, а вещи отражаются въ мысляхъ. Второй онъ расширилъ въ матеріализмъ историческій, показавъ, какъ на немъ осуществился непрерывный ходъ діалектическаго процесса.

Противъ матеріалистическаго воззрѣнія на исторію буржуазная ученость дѣлала слѣдующія возраженія: во-первыхъ, она говорила, что оно ничуть не ново, а во-вторыхъ, что оно ничуть не вѣрно. Но ни Марксъ, ни Энгельсъ никогда не утверждали, что они совершенно независимо открыли законъ развитія человѣческой исторіи. Такое утвержденіе было бы уже отрицаніемъ историческаго матеріализма, такъ какъ по самому смыслу его до него можно было дойти только на опредѣленной высотѣ всемірно-историческаго развитія. Для того, чтобы буржуазное общество можно было изслѣдовать, оно должно прежде всего существовать; совершенная правда то, что съ самаго возникновенія его, съ того времени, какъ оно развилось изъ феодальныхъ средневѣковыхъ общественныхъ формъ, мыслящіе люди

не мало думали о томъ, не создаетъ ли это общество формы того государства, которое на первый взглядъ какъ будто господствуетъ надъ обществомъ, не слѣдуетъ ли скорѣе выводить политическую и прочія идеологіи изъ экономическихъ способовъ производства, чѣмъ наоборотъ.

По мѣрѣ того, какъ буржуазное общество все больше и больше распрямлялось, чѣмъ рѣзче сталкивались его экономическія противорѣчія, чѣмъ болѣе разсѣянные остатки феодальныхъ сословій сплачивались въ классы, тѣмъ рѣзче выступалъ и тотъ фактъ, что политическая борьба представляетъ собой не что иное, какъ борьбу этихъ классовъ. Великая французская революція и крупная англійская промышленность представляли собой рѣшающее доказательство того, какъ безслѣдно исчезла всякая идеологія буржуазнаго общества въ ходѣ экономическаго развитія; со времени іюльской революціи и билля о реформѣ аристократія, буржуазія, пролетаріатъ, стоятъ на аренѣ политической борьбы съ открытымъ забраломъ. Съ того времени англійская, а въ особенности французская исторіографія уже не сомнѣвалась больше въ томъ, что борьба этихъ классовъ и антагонизмъ ихъ интересовъ представляетъ собой двигательную силу современной исторіи. Даже въ отсталой Германіи стало проглядывать смутное пониманіе этого. Реакціонеры-романтики мудрствовали на ту тему, что формы хозяйства представляютъ собой основу всей общественной и государственной организаціи; такіе либералы, какъ Ганземанъ, въ своей борьбѣ съ цензурой высказывали ту мысль, что, запрещая обсужденіе политическихъ вопросовъ, цензура препятствуетъ и обсужденію экономическихъ, потому что экономія всегда охватываетъ и политику. Само собой понятно, что утопическій и всякій другой соціализмъ, воспитанный на противорѣчіи буржуазныхъ идеаловъ съ экономической дѣйствительностью буржуазнаго общества, по необходимости долженъ былъ придти къ матеріалистическому

воззрѣнію на исторію: въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона, Фурье Луи-Блана можно найти не мало доказательствъ этому.

Каждое открытіе и изобрѣтеніе имѣетъ длинную исторію; то же самое и каждое новое научное познаніе. Никто такъ сильно, какъ Марксъ, не подчеркивалъ того, что человѣчество всегда ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно можетъ разрѣшить, что сама задача возникаетъ только тамъ, гдѣ уже существуютъ или, по крайней мѣрѣ, начали развиваться условія ея разрѣшенія. Никогда Марксъ и Энгельсъ не скрывали того, что у нихъ были предшественники; болѣе того, они первые возстановили или вообще воздали ту честь, которую заслужили передъ исторіей Сенъ-Симонъ и Фурье, Гегель и Фейербахъ. Они поступали такъ по своей честности, но если бы они руководствовались разсчетомъ, они тоже не могли бы поступить иначе. Когда они выставляютъ въ истинномъ свѣтѣ заслуги своихъ предшественниковъ, то этимъ не только не умаляются, но еще освѣщаются ихъ собственныя заслуги. Альбертъ Ланге говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что какъ разъ лучшія наши мысли у насъ бываютъ общія съ современниками, а признательность современниковъ мы можемъ заслужить только послѣдовательнымъ проведеніемъ одного какого-нибудь принципа. Дѣйствительно, великое историческое значеніе историческаго матеріализма, развитаго Марксомъ и Энгельсомъ, заключается въ послѣдовательномъ проведеніи одного принципа. Они нашли выходъ изъ того тупика, въ который уперлись англо-французскій соціализмъ, съ одной стороны, и германская философія, съ другой. Всѣ различныя теченія, возникавшія вслѣдствіе внутреннихъ противорѣчій современной культуры, они направили въ одно русло революціоннаго потока, уничтожающаго всѣ эти противорѣчія.

Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, чѣмъ утвержденіе, будто Марксъ и Энгельсъ по своимъ матеріалистическимъ воззрѣніямъ на исторію являются слѣпыми

фаталистами и изгоняли изъ историческаго развитія человѣчества всѣ идейные факторы. Изъ ихъ діалектическаго метода вытекало, что если государство опредѣляется обществомъ, то государство въ свою очередь воздѣйствуетъ на общество, что если въ послѣднемъ счетѣ рѣшающимъ моментомъ являются экономическія отношенія, то идеологическія представленія все-таки могутъ вліять на нихъ, что если идеологія не можетъ воздѣйствовать самостоятельно, то это не значитъ, что она вообще не можетъ дѣйствовать. Въ своихъ мысляхъ о Фейербахѣ, въ которыхъ Марксъ далъ геніальное выраженіе основъ новаго міровоззрѣнія, онъ прямо заявляетъ, что цѣль его заключается въ томъ, чтобы спасти дѣятельную сторону идеализма отъ косности созерцательнаго матеріализма; онъ говоритъ, что историческій матеріализмъ для него имѣетъ значеніе не только теоретическое, но что онъ является для него и практическимъ оружіемъ, что онъ думаетъ воспользоваться имъ, какъ революціоннымъ оружіемъ для пересозданія буржуазнаго общества въ обобществленное человѣчество.

Но только практика могла показать, насколько правильно новое воззрѣніе. Прежде всего важно было раскрыть экономическую тайну современнаго буржуазнаго общества, не осудить капиталистическій способъ производства, а понять его, изъ необходимости его возникновенія доказать необходимость его исчезновенія. Изъ западно-европейскихъ соціалистовъ Прудону глубже, чѣмъ всѣмъ другимъ, удалось проникнуть въ истинную связь явленій; онъ не ограничивался уже однимъ только указаніемъ тѣневыхъ сторонъ современныхъ отношеній. Отъ критики Фейербаха Марксъ перешелъ поэтому къ критикѣ Прудона.

3. Марксъ противъ Прудона.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ Марксъ поддерживалъ съ Прудономъ личное знакомство. Цѣ-

лыя ночи напролетъ спорили они по экономическимъ вопросамъ. Марксъ ввелъ Прудона въ міръ гегелевской философіи, которой ему никогда однако не удалось овладѣть изъ-за незнанія нѣмецкаго языка. Когда Маркса изгнали изъ Парижа, Прудонъ подпалъ подъ вліяніе Карла Грюна, отъ котораго трудно было усвоить какіе-нибудь философскіе методы.

Дѣйствительно, Прудонъ въ той же мѣрѣ пошелъ назадъ, какъ Марксъ впередъ. По письму Прудона къ Марксу, помѣченному Ліономъ 17 мая 1846 года, можно видѣть, какъ далеки они уже были другъ отъ друга черезъ годъ послѣ разлуки. Приходится пожалѣть, что то письмо Маркса, которое вызвало этотъ отвѣтъ Прудона, не сохранилось и не было опубликовано. Что бы ни было написано въ этомъ письмѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Прудонъ понялъ воззрѣнія Маркса самымъ трагикомическимъ образомъ. Онъ называетъ своего „любезнаго философа“ вторымъ Лютеромъ, сыплющимъ вокругъ себя проклятія, заговорщикомъ, приготовляющимъ собственникамъ Варѳоломееву ночь, думающимъ утолить въ пролетаріатѣ жажду знанія кровью. Откуда Прудонъ почерпнулъ такія свѣдѣнія, можно, пожалуй, понять изъ того, что его письмо заканчивается хвалебнымъ гимномъ по адресу Карла Грюна. Прудонъ выставлялъ своею цѣлью раскрытіе законовъ общества и пути къ ихъ осуществленію; какъ разъ къ этому же стремится и Марксъ. Вопросъ былъ только въ томъ, кто лучше справится съ этой задачей. Прудонъ пишетъ, что рѣшеніе его появится скоро въ сочиненіи, которое наполовину уже напечатано; онъ просилъ Маркса дать критическій отзывъ о немъ, обѣщая съ удовольствіемъ прочитать его и потомъ отвѣтить критикой, когда выйдетъ сочиненіе Маркса. Когда же Марксъ далъ свой критическій отзывъ, то Прудонъ отвѣтилъ случайной замѣткой о „пасквилѣ какого-то доктора Маркса“, представляющемъ собой „смѣсь грусти, клеветы, искаженій и плагіата“.

Сочиненіе, о которомъ Прудонъ писалъ Марксу, носило заглавіе: „Система экономическихъ противорѣчій или философія нищеты“; Прудонъ пытается дать въ немъ отвѣтъ на то, что такое собственность, но не путемъ указанія отрицательныхъ сторонъ ея, какъ въ первомъ своемъ сочиненіи, но путемъ анализа политической экономіи. Прудонъ пользуется теперь не неразрѣшимыми антиноміями Канта, а гегелевскимъ противорѣчіемъ, которое онъ старается найти во всѣхъ категоріяхъ политической экономіи и разрѣшить. Прежде всего онъ останавливается на наиболѣе важной части политической экономіи, на ученіи о цѣнности, на противорѣчіи между потребительной и мѣновой цѣнностью; это противорѣчіе онъ пытается устранить при помощи того утопистскаго толкованія теоріи цѣнности Рикардо, которое уже не разъ давалось въ Англіи и даже въ Германіи. Однако, Прудонъ отнесся къ этой проблемѣ, съ точки зрѣнія мелкаго буржуа, а не крупнаго, съ точки зрѣнія Грея, а не Овена и его учениковъ, не съ точки зрѣнія государственнаго соціализма, какъ Родбертусъ. Въ своей „конституированной цѣнности“ Прудонъ хотѣлъ видѣть нѣчто пригодное человѣчеству на вѣчныя времена, между тѣмъ какъ Овенъ и на свой манеръ Родбертусъ видѣли въ этомъ только переходъ къ коммунистическому обществу.

При этомъ Прудонъ обнаруживаетъ самое грубое непониманіе діалектическаго метода Гегеля. Онъ твердо стоялъ на той сторонѣ его, которая уже успѣла получить реакціонное значеніе, именно на утвержденіи, что дѣйствительный міръ можно вывести изъ идеи; съ другой стороны, онъ отрицалъ революціонныя стороны этой философіи: самодѣятельность идеи, которая ставитъ тезы и антитезы, чтобъ примирить ихъ въ высшемъ синтезѣ, соединяющемъ реальное содержаніе и тезы, и антитезы, но устраняющемъ ихъ противорѣчіе. Прудонъ въ экономическихъ категоріяхъ отличалъ хорошую и дурную сторону и искалъ такого синтеза,

такой научной формулы, которая сохранила бы хорошую сторону, а плохую уничтожила бы. Онъ говорилъ, что буржуазная политическая экономія выдвигаетъ хорошую сторону своихъ категорій, а что соціалисты жалуются на дурныя стороны ихъ; онъ думалъ, что его формулы и синтезы ставятъ его одинаково выше и буржуазныхъ политико-экономовъ и соціалистовъ.

Эту иллюзію Марксъ разбиваетъ въ такихъ выраженіяхъ: „Господинъ Прудонъ утѣшаетъ себя лестной увѣренностью, что онъ далъ критику какъ буржуазной политической экономіи, такъ и коммунизма—фактически же онъ стоитъ гораздо ниже обоихъ ученій. Онъ стоитъ ниже политико-экономовъ, потому что въ качествѣ философа, владѣющаго магической формулой, онъ считаетъ себя въ правѣ не входить въ подробности экономической науки; онъ стоитъ ниже соціалистовъ потому, что у него нѣтъ ни достаточнаго мужества, ни достаточнаго пониманія для того, чтобы хотя только спекулятивно стать выше буржуазной точки зрѣнія. Онъ хочетъ дать синтезъ, но даетъ только синтезированное заблужденіе; въ качествѣ человѣка науки онъ хочетъ стать выше пролетарія и буржуа, но остается мѣщаниномъ, который все время сидитъ между двухъ стульевъ капитала и труда, политической экономіи и коммунизма“ Какъ сурово ни звучитъ эта оцѣнка, нельзя не признать, что Марксъ былъ въ правѣ высказать ее. Въ „Нищетѣ Философіи“, написанной имъ на французскомъ языкѣ и опубликованной въ 1847 году, какъ отвѣтъ на философію нищеты Прудона, Марксъ показалъ не только, почему и въ чемъ запутался Прудонъ, но далъ еще рѣшеніе той задачи, которую поставилъ себѣ Прудонъ. Марксъ открылъ общественные законы, онъ повелъ дальше и политическую экономію и утопическій соціализмъ, чтобъ создать изъ нихъ научный коммунизмъ, воспользовавшись для этого діалектическимъ методомъ; конечно, онъ взялъ

для этого не идеалистически-мистическую, но матеріалистически-революціонную сторону его.

Сочиненіе Маркса распадается на двѣ главы, и первая изъ нихъ посвящена „конституированной цѣнности“. Марксъ доказываетъ, что обмѣнъ товаровъ на основаніи представляемаго ими рабочаго времени, въ чемъ Прудонъ видитъ суть своей „революціонной теоріи будущаго“, представляетъ на дѣлѣ, какъ доказалъ Рикардо, теорію буржуазнаго общества. Цѣнность труда опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для производства всего того, что нужно рабочему для поддержанія своего существованія и для своего размноженія. Рикардо говорилъ: „Понизьте стоимость средствъ существованія человѣка, уменьшите обычныя цѣны пищи и одежды, необходимой для поддержанія жизни, и вы увидите, какъ упадетъ заработная плата, хотя бы даже спросъ на рабочихъ возросъ“. Естественная цѣна труда есть не что иное, какъ минимумъ заработной платы. Такимъ образомъ, измѣряемая рабочимъ временемъ цѣнность по необходимости представляетъ собой формулу современнаго рабства рабочаго класса, а вовсе не, какъ говорилъ Прудонъ, формулу „революціонной теоріи“ для эмансипаціи пролетаріата.

Для обоснованія своей утопіи Прудону нужно было, чтобы спросъ и предложеніе точно стали выравниваться съ того момента, когда цѣнность продукта начнетъ опредѣляться заключеннымъ въ немъ рабочимъ временемъ. Въ подтвержденіе этого онъ приводилъ то, якобы историческое, доказательство, что производство наиболѣе полезныхъ вещей требуетъ наименьшаго количества времени, что общество всегда начинаетъ съ наиболѣе легкихъ отраслей промышленности и только постепенно переходитъ къ производству такихъ предметовъ, на которые приходится затрачивать большее количество рабочаго времени и которые удовлетворяютъ болѣе высокимъ потребностямъ. Эту удивительную философію исторіи Марксъ иллюстрируетъ примѣ-

ромъ; придерживаясь такого хода мыслей, мы должны были бы заключить, что во время римскихъ императоровъ населеніе римской имперіи жило въ избыткѣ, такъ какъ можно было въ искусственныхъ бассейнахъ воспитывать муренъ; въ дѣйствительности же было какъ разъ наоборотъ: у римскаго народа не на что было купить хлѣба, именно потому, что у римскихъ аристократовъ было достаточно рабовъ для того, чтобы кормить ими муренъ. Но этого мало, онъ снова возстановляетъ дѣйствительный ходъ историческаго развитія, перевернутый Прудономъ; онъ такъ говоритъ: „Дѣйствительность слагается совсѣмъ не такъ, какъ думаетъ господинъ Прудонъ. Съ самаго начала цивилизаціи производство начинаетъ развиваться на почвѣ противорѣчій между профессіями, сословіями, классами и, наконецъ, на почвѣ противорѣчія между накопленнымъ и непосредственнымъ трудомъ. Гдѣ нѣтъ противорѣчій, тамъ нѣтъ прогресса; это законъ, которому до сихъ поръ подчинялся ходъ цивилизаціи. До настоящаго времени производительныя силы развивались на почвѣ преимущественнаго господства классовыхъ противорѣчій". Но исторія свидѣтельствуетъ также о томъ, что способъ обмѣна продуктовъ въ общемъ соотвѣтствуетъ опредѣленному способу ихъ производства, основаннаго на опредѣленныхъ классовыхъ противорѣчіяхъ. Потребленіе продуктовъ опредѣляется соціальными отношеніями потребителей, а эти отношенія, въ свою очередь, основываются на классовыхъ противорѣчіяхъ. Почему хлопокъ, картофель и водка являются полюсами буржуазнаго общества, предметами всеобщаго потребленія? Потому ли, что они наиболѣе полезные въ общественномъ смыслѣ продукты, или потому, что они наиболѣе жалкіе въ этомъ смыслѣ продукты, и въ обществѣ, основанномъ на нищетѣ, имѣютъ естественное преимущество служить предметомъ потребленія широкихъ массъ? Только въ будущемъ обществѣ, гдѣ не будетъ классовыхъ противо-

рѣчій, потребленіе не будетъ зависѣть отъ минимума времени, необходимаго для производства; время, которое будетъ удѣляться производству разныхъ предметовъ, будетъ зависѣть отъ ихъ общественной полезности.

Въ буржуазномъ обществѣ спросъ и предложеніе не регулируются цѣнностью продуктовъ, заключающейся въ рабочемъ времени, необходимомъ для ихъ производства; наоборотъ, колебаніе спроса и предложенія имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что время производства становится мѣриломъ цѣнности. Всякое новое изобрѣтеніе, дающее возможность въ одинъ часъ приготовить то, что раньше требовало двухъ часовъ, уменьшаетъ цѣнность всѣхъ имѣющихся на рынкѣ продуктовъ этого рода. Конкурренція заставляетъ производителя продавать продуктъ двухчасовой работы такъ же дешево, какъ продуктъ одночасовой работы Конкурренція осуществляетъ тотъ законъ, по которому цѣнность продукта опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для его производства. Цѣнность продукта опредѣляется не тѣмъ временемъ, котораго въ дѣйствительности потребовало его производство, а тѣмъ минимумомъ времени, въ теченіе котораго оно можетъ быть произведено, и этотъ минимумъ опредѣляется конкурренціей. Тотъ фактъ, что рабочее время становится мѣриломъ мѣновой цѣнности, превращается такимъ образомъ въ законъ непрерывнаго обезцѣниванія труда, идущаго рука объ руку съ перепроизводствомъ и промышленной анархіей.

Утопію Прудона Марксъ называетъ желаніемъ честнаго торговца, который хотѣлъ бы, чтобы товары производились въ такихъ пропорціяхъ, при которыхъ ихъ можно было бы сбывать за честную цѣну. Онъ показываетъ, что это—давнишняя буржуазная иллюзія; желая увидѣть въ буржуазномъ обществѣ гармонію и вѣчную справедливость, не дающія никому возможности обогащаться на чужой счетъ, буржуазія всегда разрисовы-

вала себѣ индивидуальный обмѣнъ, отвлекаясь отъ классовыхъ противорѣчій. Но „правильное соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ“ было возможно только въ тѣ времена, когда средства производства были ограничены, когда обмѣнъ совершался въ крайне ограниченныхъ областяхъ, когда спросъ управлялъ предложеніемъ, потребленіе—производствомъ. Это стало невозможно со времени возникновенія крупной промышленности, которую уже сами орудія вынуждаютъ производить предметы въ большой массѣ, не ожидать спроса, и которая съ необходимостью закона природы должна переживать непрерывную смѣну оживленія и угнетенія, кризисовъ, заминокъ, новыхъ подъемовъ и т. д. „Въ современномъ обществѣ, въ промышленности, основанной на индивидуальномъ обмѣнѣ, анархія производства, этотъ источникъ столькихъ бѣдъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ причиной всякаго прогресса. Поэтому одно изъ двухъ: или человѣкъ хочетъ сочетать правильное соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ прежнихъ вѣковъ со средствами производства нашего времени, и тогда онъ реакціонеръ и утопистъ въ одно и то же время, или же можно стремиться къ прогрессу и не желать анархіи, но тогда можно сохранить современныя средства производства только въ томъ случаѣ, если отказаться отъ индивидуальнаго обмѣна“.

Затѣмъ Марксъ обращаетъ вниманіе на то, что Прудонъ вовсе не первый дѣлаетъ попытку эгалитарнаго примѣненія теоріи цѣнности Рикардо. Онъ приводитъ цѣлый рядъ англійскихъ предшественниковъ его и подробнѣе останавливается, между прочимъ, на утопіи Брея. Онъ приводитъ противъ нея тотъ очевидный доводъ, что въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ члены являются самостоятельными производителями, обмѣнъ равныхъ рабочихъ часовъ былъ бы возможенъ только въ томъ случаѣ, если бы напередъ было установлено количество времени, необходимое для того или иного производства; но такое предварительное согла-

шеніе исключаетъ уже индивидуальный обмѣнъ. Къ тому же выводу можно придти, если исходить не изъ распредѣленія произведенныхъ продуктовъ, но изъ самого процесса производства. Въ крупной промышленности Иванъ или Петръ не могутъ установить своего рабочаго времени, потому что ихъ работа возможна только при содѣйствіи другихъ Петровъ или Ивановъ той же мастерской. Этимъ объясняется упорное сопротивленіе англійскихъ фабрикантовъ законодательному ограниченію женскаго и дѣтскаго труда, такъ какъ осуществленіе этого ограниченія должно повлечь за собой такое же фактическое ограниченіе мужского труда. Въ крупной промышленности рабочее время должно быть для всѣхъ одинаково. „То, что сегодня достигается капиталомъ и конкурренціей между рабочими, то завтра, когда исчезнутъ отношенія труда и капитала, станетъ результатомъ соглашенія, имѣющаго своимъ основаніемъ отношеніе наличныхъ производительныхъ силъ къ наличнымъ потребностямъ. Но такое соглашеніе есть отказъ отъ индивидуальнаго обмѣна".

Потомъ Марксъ разъясняетъ еще нѣсколько практическихъ выводовъ, сдѣланныхъ Прудономъ изъ своего открытія. Золото и серебро являются, по мнѣнію Прудона, первыми товарами, цѣнность которыхъ конституируется; власть, накладывая на нихъ свою печать, возводитъ ихъ въ деньги. На это Марксъ отвѣчаетъ, что деньги это не вещь, а общественныя отношенія, единичный членъ во всей цѣпи экономическихъ отношеній, связанный съ ней самымъ тѣснымъ образомъ; какъ индивидуальный обмѣнъ, и деньги соотвѣтствуютъ опредѣленнымъ способамъ производства. Онѣ созданы не произволомъ властителя. „Дѣйствительно, нужно быть полнымъ невѣждой въ исторіи, чтобъ не знать того, что властители всегда должны были сообразоваться съ хозяйственными отношеніями и никогда не могли предписывать имъ какіе-нибудь законы. И полити-

ческое и гражданское законодательство возвѣщаютъ только, записываютъ только волю экономическаго Провидѣнія... Право—это только экономическое признаніе факта". Печать суверена наноситъ на золото не цѣнность, а вѣсъ его; но какъ разъ въ видѣ монеты, денежнаго знака, золото и серебро отличаются тѣмъ отъ всѣхъ другихъ товаровъ, что цѣнность ихъ не опредѣляется стоимостью ихъ производства, и это доказывается тѣмъ, что въ обращеніи ихъ можно замѣнить бумагой; и на это уже давно съ подробностью указалъ Рикардо. Деньги оказались совсѣмъ неподходящимъ примѣромъ для того, чтобы на дѣлѣ подтвердить „конституированную цѣнность" Прудона.

Не лучше было и приложеніе этой теоріи къ избытку, создаваемому общественнымъ трудомъ сравнительно съ трудомъ отдѣльнаго работника. Для объясненія того явленія, что общество все богатѣетъ, а рабочіе все бѣднѣютъ, Прудонъ олицетворилъ все общество въ видѣ индивидуума, въ видѣ Прометея, жизнедѣятельность котораго подчиняется другимъ законамъ, чѣмъ жизнедѣятельность составляющихъ его людей. „Конституированная цѣнность" должна была обезпечить каждому рабочему все большую долю въ томъ продуктѣ рабочаго дня, который все возрастаетъ, благодаря прогрессу общественнаго труда. Марксъ по этому поводу говоритъ слѣдующее: „Въ англійскомъ обществѣ производительность рабочаго дня возросла въ теченіе семидесяти лѣтъ на 2700 процентовъ; это значитъ, что въ 1840 году онъ давалъ въ 27 разъ больше продуктовъ, чѣмъ въ 1770-мъ. Съ точки зрѣнія Прудона мы въ этомъ случаѣ должны поставить такой вопросъ: „Почему англійскій рабочій въ 1840 году не былъ въ 27 разъ богаче, чѣмъ въ 1770-мъ?" Поставить такой вопросъ, это значитъ исходить изъ того предположенія, что англичане могли производить свое богатство внѣ тѣхъ историческихъ условій, въ которыхъ они его производили, какъ-то, внѣ накопленія

частныхъ капиталовъ, современнаго раздѣленія труда, машиннаго производства, анархической конкурренціи, системы заработной платы, однимъ словомъ, внѣ всѣхъ проявленій классовыхъ противорѣчій. Но фактически условія, въ которыхъ развивались производительныя силы и возрасталъ продуктъ труда, были именно таковы. Для развитія производительнаго труда и производительныхъ силъ были необходимы классы, классы находившіеся въ благопріятныхъ условіхъ, и классы, чуть ли не гибнувшіе съ голоду. Что же въ такомъ случаѣ представляетъ собой въ конечномъ счетѣ созданный Прудономъ фиктивный общественный индивидуумъ, этотъ Прометей? Это—общество, это—общественныя отношенія, основанныя на классовыхъ противорѣчіяхъ. Это—не отношенія индивидуума къ индивидууму, но отношенія рабочаго къ капиталисту, арендатора къ землевладѣльцу и т. д. Вычеркните эти отношенія, и исчезнетъ само общество; вашъ Прометей—это какой-то фантомъ безъ рукъ и безъ ногъ, т. е., безъ машиннаго производства, безъ раздѣленія труда, однимъ словомъ, безъ всего, чѣмъ вы первоначально надѣлили его для того, чтобы достигнуть избыточной производительности". Впрочемъ, прибавилъ Марксъ, по теоріи Прудона въ практическомъ отношеніи можно было бы ограничиться тѣмъ, чтобъ подраздѣлить между рабочими поровну всѣ существующія нынѣ богатства, ничего не мѣняя въ современныхъ условіяхъ производства. Уже Марксъ признавалъ то, чѣмъ капиталистическіе мыслители каждый день разбиваютъ коммунистовъ, именно, что такое раздѣленіе не обезпечитъ отдѣльнымъ участникамъ особенно значительнаго благосостоянія.

Въ первой главѣ критики Прудона косвеннымъ образомъ содержится уже критика буржуазной политической экономіи. Эта наука, въ лицѣ классическихъ представителей своихъ, гораздо правильнѣе познала структуру буржуазнаго общества, чѣмъ Прудонъ; но

понятно, что и категоріи этой науки, какъ то: цѣнность, деньги, обмѣнъ, имѣли значеніе только для буржуазнаго общества. Эти категоріи основаны на противорѣчіи между трудомъ и капиталомъ, на противорѣчіи классовъ; онѣ исчезаютъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этихъ противорѣчій. Категоріи политической экономіи не вѣчны и естественны, какъ она сама увѣрила себя; онѣ носятъ историческій и общественный характеръ. Рикардо представилъ формы экономическихъ категорій въ состояніи покоя, въ статическомъ состояніи, Марксъ же представилъ ихъ функціи въ состояніи динамическомъ. Этимъ онъ занимается главнымъ образомъ во второй главѣ сочиненія, посвященной своеобразному методу Прудона.

Марксъ говоритъ тамъ слѣдующее: „Экономическія категоріи представляютъ собой только теоретическія выраженія, абстракцію общественныхъ отношеній... Соціальныя отношенія тѣсно связаны съ производительными силами. Овладѣвая новыми производительными силами, люди измѣняютъ способы производства, а измѣняя способы производства, способы поддержанія существованія своего, они измѣняютъ всѣ свои общественныя отношенія. Ручная мельница предполагаетъ феодальное общество, какъ паровая—промышленное капиталистическое общество. Но тѣ же самые люди, которые приспособляютъ соціальныя отношенія свои къ способамъ производства матеріальной жизни, приспособляютъ свои принципы, идеи, категоріи къ соціальнымъ отношеніямъ. Такимъ образомъ, эти идеи и категоріи такъ же не вѣчны, какъ и отношенія, которыя онѣ выражаютъ“. Буржуазныхъ политико-экономовъ Марксъ сравниваетъ съ правовѣрными теологами, для которыхъ ихъ собственная религія—откровеніе Божіе, а всѣ остальныя религіи—человѣческое изобрѣтеніе. Пока существовали „искусственныя“ феодальныя учрежденія, для этихъ политико-экономовъ еще существовала исторія, но съ тѣхъ поръ, какъ возникли

„вѣчныя, естественныя“ буржуазныя учрежденія, исторіи больше не существуетъ для нихъ.

Марксу не трудно было раскрыть несостоятельность употребляемаго Прудономъ метода. Отдѣлите въ діалектическомъ процессѣ дурную сторону отъ хорошей, прибѣгните ко второй сторонѣ, какъ къ противовѣсу противъ первой, и ваша идея потеряетъ всякую жизнь; ея не будетъ больше, ни въ видѣ одной, ни въ видѣ нѣсколькихъ категорій. Въ качествѣ настоящаго ученика Гегеля, Марксъ хорошо зналъ, что исторія дѣлается той дурной стороной, которую Прудонъ всюду хотѣлъ искоренить; она именно порождаетъ борьбу. „Представимъ себѣ, что въ феодальную эпоху политико-экономы увлеклись бы рыцарскими добродѣтелями, прекрасной гармоніей правъ и обязанностей, патріархальной жизнью городовъ, расцвѣтомъ домашней промышленности въ сельскихъ мѣстностяхъ, развитіемъ корпорацій цеховъ, союзовъ организованной промышленности, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что образуетъ хорошую сторону феодализма; предположимъ, что политико-экономы поставили бы себѣ задачей искоренить изъ этого строя все, что бросаетъ тѣнь на эту свѣтлую картину: крѣпостничество, привиллегіи, анархію. Чего бы они этимъ достигли? Были бы уничтожены всѣ тѣ элементы, которые порождаютъ борьбу, развитіе буржуазіи было бы подавлено въ зародышѣ. Это было бы абсурдной задачей вычеркнуть исторію“.

Марксъ послѣ этого вполнѣ правильно ставитъ вопросъ такимъ образомъ: „Для правильнаго пониманія феодальнаго производства, его нужно разсматривать, какъ способъ производства, основанный на почвѣ какого-нибудь противорѣчія. Нужно показать, какъ на почвѣ этого противорѣчія создавалось богатство, какъ одновременно съ борьбой классовъ развивались производительныя силы, какъ одинъ изъ этихъ классовъ, на которомъ проявлялась дурная сторона общественныхъ отношеній, общественное зло, по-

стоянно возрасталъ, пока не созрѣли матеріальныя условія его эмансипаціи". Отношенія производства— меньше всего вѣчный законъ, они всегда соотвѣтствуютъ данной стадіи развитія человѣка и его производительныхъ силъ. Съ производительными силами необходимо измѣняются и производственныя отношенія. Важнѣе всего не быть устраненнымъ отъ плодовъ цивилизаціи, отъ добытыхъ производительныхъ силъ; для этого необходимо сломать тѣ традиціонныя формы, въ которыхъ они возникли, но съ того момента, какъ эти формы сломаны, революціонный классъ становится реакціоннымъ.

Марксъ показываетъ, что буржуазія продѣлала тотъ же ходъ развитія, какъ феодализмъ. „Вначалѣ буржуазія выступаетъ вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, который самъ представляетъ собой пережитокъ феодальнаго пролетаріата. Въ теченіе своего историческаго развитія буржуазія по необходимости развиваетъ свой антагонистическій характеръ, который при первыхъ шагахъ ея болѣе или менѣе незамѣтенъ, существуетъ въ скрытомъ еще состояніи. По мѣрѣ того, какъ буржуазія развивается, она порождаетъ новый классъ, современный пролетаріатъ; развивается борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ, борьба, которая первоначально, когда обѣ стороны еще не чувствуютъ ея, не замѣчаютъ, не оцѣниваютъ по достоинству, не понимаютъ, не признаютъ и громко не провозглашаютъ ея, проявляется въ отдѣльныхъ преходящихъ конфликтахъ, въ разрушительной работѣ. Интересы представителей современной буржуазіи одинаковы, поскольку они образуютъ классъ, выдерживающій борьбу съ другимъ классомъ; но поскольку они сами выступаютъ другъ противъ друга, у нихъ противоположные, антагонистическіе интересы. Эта противоположность ихъ интересовъ вытекаетъ изъ экономическихъ условій ихъ буржуазной жизни. Со дня на день становится такимъ образомъ яснѣе, что отношенія производства, въ кото-

рыхъ существуетъ буржуазія, отличаются не гармоничностью и простотой, но двусторонностью; тѣ же отношенія, которыя на одной сторонѣ создаютъ богатство, на другой—создаютъ бѣдность; тѣ же самыя отношенія, которыя способствуютъ развитію производительныхъ силъ съ одной стороны, препятствуютъ ему—съ другой; буржуазное богатство, т. е., богатство класса буржуазіи, въ рамкахъ этихъ отношеній создается только на счетъ непрерывнаго уничтоженія богатства отдѣльныхъ членовъ этого класса и подъ условіемъ порожденія непрерывно растущаго пролетаріата". Чѣмъ больше выступаетъ противорѣчивый характеръ буржуазнаго способа производства, тѣмъ больше запутываются вѣчные и естественные законы, которые политико-экономы хотятъ вывести изъ этого способа. производства; это же обстоятельство способствуетъ образованію различныхъ школъ.

Нѣсколькими штрихами Марксъ набрасываетъ столь исчерпывающую характеристику буржуазной политической экономіи, что „историческая школа" германской академической политической экономіи до сихъ поръ не сумѣла этого сдѣлать, несмотря на все изобиліе принадлежащихъ ей историческихъ замѣтокъ. „Адамъ Смитъ и Рикардо являются представителями той буржуазіи, которая борется еще съ остатками феодальнаго строя и работаетъ только надъ тѣмъ, чтобы смыть съ экономическихъ отношеній феодальныя пятна, увеличить производительныя силы, дать новую движущую силу промышленности и торговлѣ. Въ томъ обстоятельствѣ, что пролетаріату, принимающему участіе въ этой борьбѣ и поглощенному этой лихорадочной работой, приходится переносить преходящія только, случайныя страданія, она видитъ доказательство того, что это только временно и случайно въ самомъ дѣлѣ. Такіе политико-экономы, какъ Адамъ Смитъ и Рикардо, являются не только политико-экономами, но и историками своей эпохи; задача ихъ заклю-

чается въ томъ, чтобы показать, какъ создается богатство въ буржуазныхъ отношеніяхъ производства, формулировать эти отношенія въ видѣ категорій и законовъ, доказать, что эти категоріи производства выше законовъ и категорій феодальнаго общества. Въ ихъ глазахъ нужда является только тѣмъ страданіемъ, которымъ сопровождается нарожденіе всего новаго, какъ въ природѣ, такъ и въ промышленности". Съ того момента, какъ обнаруживается антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, и никто уже не сомнѣвается въ томъ, что нужда возрастаетъ въ томъ же объемѣ, какъ и богатство, политико-экономы начинаютъ разыгрывать изъ себя или равнодушныхъ фаталистовъ, съ высоты своей гордо и презрительно взирающихъ на людей, играющихъ роль машинъ для созиданія богатства, или гуманныхъ филантроповъ, желающихъ устранить противорѣчія въ буржуазныхъ отношеніяхъ производства, путемъ устраненія дурныхъ сторонъ ихъ; для этого они занимаются, не покладая рукъ, отдѣленіемъ теоріи отъ практики, права отъ фактовъ, читаютъ проповѣди буржуазіи и пролетаріату, стараются превратить всѣхъ людей въ буржуа.

Если политико-экономы являются представителями буржуазіи, то въ соціалистахъ и коммунистахъ мы имѣемъ теоретиковъ пролетаріата. „Пока пролетаріатъ еще недостаточно развитъ для того, чтобы выступить въ качествѣ класса, пока вслѣдствіе этого борьба пролетаріата съ буржуазіей еще не носитъ политическаго характера, пока въ средѣ самой буржуазіи производительныя силы еще недостаточно развились и не обнаружили еще матеріальныхъ условій, необходимыхъ для освобожденія пролетаріата и образованія новаго общества, до тѣхъ поръ эти теоретики—только утописты; чтобы помочь нуждѣ угнетенныхъ классовъ, они создаютъ системы и ищутъ отъ науки средствъ возродить человѣчество. Но по мѣрѣ того, какъ исторія идетъ впередъ, яснѣе вычерчивается борьба пролетаріата, и

имъ нечего искать науку въ головѣ своей; имъ остается отдать себѣ только отчетъ въ томъ, что разыгрывается у нихъ передъ глазами, и стать органами этой дѣйствительности. Пока они заняты только поисками науки и возведеніемъ системъ, пока борьба еще только начинается, они видятъ въ нуждѣ только нужду, и не замѣчаютъ въ ней той революціонной разрушительной стороны, которая перевернетъ все общество. Съ этого же момента наука становится сознательнымъ продуктомъ историческаго движенія; вмѣстѣ съ тѣмъ она теряетъ доктринерскій характеръ и становится революціонной". Въ такихъ классически-краткихъ выраженіяхъ Марксъ охарактеризовалъ переходъ соціализма отъ утопіи къ наукѣ.

Затѣмъ онъ разсматриваетъ, какимъ образомъ Прудонъ провѣряетъ свой методъ на цѣломъ рядѣ экономическихъ категорій, на раздѣленіи труда и машинахъ, на конкурренціи и монополіи, на земельной собственности и рентѣ, на стачкахъ и рабочихъ союзахъ. Предпосылку Прудона, что раздѣленіе труда есть абстрактная категорія, Марксъ опровергаетъ доказательствомъ того, что раздѣленіе труда скорѣе историческая категорія, принимавшая въ различные историческіе періоды различныя формы. По Прудону машины являются будто бы „логической противоположностью" раздѣленія труда, синтезомъ, возстановляющимъ единство разрозненнаго труда. На это Марксъ возражаетъ, что раздѣленіе и организація труда зависятъ отъ инструментовъ, которыми трудъ располагаетъ; если мы будемъ исходить изъ общаго понятія раздѣленія труда, мы никогда не придемъ къ какимъ-нибудь спеціальнымъ машинамъ. „Машины столь же мало представляютъ собой экономическую категорію, какъ быкъ, запряженный въ плугъ; машины— только производительная сила. Современная фабрика, основанная на примѣненіи машинъ, представляетъ собой общественное отношеніе производства, экономиче-

скую категорію“. Но раздѣленіе труда на фабрикѣ вовсе не то же, что общественное раздѣленіе труда. „Внутри современной фабрики раздѣленіе труда вплоть до мельчайшихъ подробностей регулируется властью предпринимателя; въ современномъ обществѣ оно регулируется не какими-нибудь правилами, не какою-нибудь властью, а исключительно свободной конкурренціей“. Въ общемъ Марксъ устанавливаетъ законъ, что по отношенію къ раздѣленію труда власть на фабрикѣ и власть въ обществѣ находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу.

Раздѣленіе труда въ смыслѣ Адама Смита непремѣнно требуетъ наличности фабрики; на фабрикѣ задача каждаго работника сводится къ весьма простой операціи; группировка рабочихъ и руководство ими находятся въ рукахъ капитала. Но фабрика вовсе не возникла такъ, какъ предполагалъ Прудонъ, путемъ дружескаго соглашенія товарищей по труду или чего-либо подобнаго; она также не выросла изъ прежнихъ цеховъ. „Главой современной мастерской сталъ купецъ, а не цеховой мастеръ“. Современной крупной промышленности съ ея машинами предшествовала мануфактура со слѣдующими историческими условіями: накопленіе капиталовъ, благодаря открытію Америки и ввозу драгоцѣнныхъ металловъ, открытіе болѣе близкаго пути въ Индію вокругъ мыса Доброй Надежды, колоніальная система, морская торговля, съ одной стороны, а съ другой—распущеніе многочисленной челяди феодальныхъ властителей, обезземеленіе многочисленныхъ сельскихъ жителей обращеніемъ пахатной земли въ луга, почти повсемѣстное бродяжничество пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣка.

Появленіе настоящихъ машинъ относится къ концу восемнадцатаго столѣтія. Онѣ появились въ Англіи, когда спросъ расширявшихся рынковъ уже не могъ быть удовлетворенъ работой человѣческихъ рукъ. Но машина представляетъ собой совокупность рабочихъ

инструментовъ, а отнюдь не соединеніе работъ. „Ходъ развитія машины таковъ: простые инструменты; накопленіе инструментовъ; сложные инструменты; сложный инструментъ приводится въ дѣйствіе однимъ двигателемъ, рукою человѣка; приведеніе этихъ инструментовъ въ движеніе при помощи силъ природы; машины; системы машинъ съ однимъ только двигателемъ; системы машинъ съ автоматическимъ двигателемъ“. Концентрація рабочихъ инструментовъ не уничтожаетъ раздѣленія труда, какъ думаетъ Прудонъ, но еще усиливаетъ его. Каждое крупное изобрѣтеніе механической техники имѣетъ своимъ послѣдствіемъ большее раздѣленіе труда, а каждое увеличеніе раздѣленія труда вызываетъ новыя механическія открытія. Невѣрно также утвержденіе Прудона, будто бы рабочій видѣлъ для себя въ машинѣ благопріятное явленіе. Напротивъ того, онъ долгое время въ теченіе восемнадцатаго вѣка оказывалъ сопротивленіе начинавшемуся господству механическихъ автоматовъ. Машина парализовала силу рабочаго класса обезцѣненіемъ ихъ профессіональнаго образованія; послѣ каждой сколько-нибудь значительной стачки возникала новая машина.

Фабрика съ автоматическими машинами измѣняетъ раздѣленіе труда не въ томъ мелкобуржуазномъ смыслѣ, какъ говорилъ Прудонъ, не въ томъ смыслѣ, что рабочій перестаетъ приготовлять только двѣнадцатую часть иглы, но въ томъ смыслѣ, что постепенно онъ дѣлается пригоднымъ для приготовленія любой изъ двѣнадцати частей. Она производитъ революцію въ раздѣленіи труда, не для того, чтобы воскресить средневѣковаго цехового мастера, но для того, чтобы создать всесторонне развитого человѣка. Раздѣленіе труда создаетъ въ современномъ обществѣ спеціальности, спеціалистовъ и идіотизмъ профессіоналовъ. Раздѣленіе труда на механической фабрикѣ теряетъ совершенно характеръ спеціализированія. Благодаря этому исчезаетъ профессіональный идіотизмъ и все

болѣе даетъ себя чувствовать потребность всесторонняго развитія.

Точно такимъ же образомъ Марксъ показываетъ на конкурренціи и монополіи, что это не естественныя, а общественныя категоріи. Онъ говоритъ, что вся исторія представляетъ собой непрерывное измѣненіе человѣческой природы. Фурьеристы хотѣли замѣнить конкурренцію соревнованіемъ, и Прудонъ думаетъ разбить ихъ утвержденіемъ, что соревнованіе въ области промышленности есть не что иное, какъ конкурренція. Но если бы мы сказали ремесленнику четырнадцатаго вѣка, что нужно уничтожить всю феодальную организацію промышленности и замѣнить ее промышленнымъ соревнованіемъ, подъ именемъ конкурренціи, то онъ отвѣтилъ бы, что привиллегіи различныхъ корпорацій, цеховъ и союзовъ представляютъ собой не что иное, какъ организованную конкурренцію. Конкурренція вовсе не есть необходимая потребность человѣческой души, какъ полагаетъ Прудонъ; подобно тому, какъ она возникла въ восемнадцатомъ вѣкѣ подъ вліяніемъ историческихъ потребностей, такъ она въ девятнадцатомъ можетъ исчезнуть подъ вліяніемъ историческихъ потребностей. Конкурренція выражаетъ собой не промышленное, а торговое соревнованіе; она борется не во имя продукта, а во имя выгоды. „Въ экономической жизни народовъ наступаютъ даже такія фазы, когда всѣ охвачены какимъ-то опьяненіемъ и ищутъ прибыли, не производя ничего. Эта спекуляціонная горячка періодически повторяется и раскрываетъ истинный характеръ конкурренціи, стремящейся увернуться отъ необходимыхъ условій промышленнаго соревнованія“. Та дурная сторона конкурренціи, которую хотѣлъ бы искоренить Прудонъ, толкаетъ общество впередъ. Чѣмъ больше та лихорадочность, съ которою конкурренція создаетъ новыя производительныя силы, тѣмъ болѣе она разрушаетъ буржуазныя отношенія и создаетъ матеріальныя условія существова-

нія новаго общества. Прудонъ совершенно правильно полагаетъ, что конкурренція въ концѣ концовъ необходимо должна привести къ монополіи; конкурренція, возникшая изъ феодальной монополіи, создаетъ современную монополію, которая можетъ существовать подъ условіемъ непрерывнаго участія въ конкурренціи. Когда монополисты ограничиваютъ между собой конкурренцію путемъ частичныхъ ассоціацій, то конкурренція возрастаетъ между рабочими; чѣмъ больше возрастаетъ масса пролетаріевъ въ данномъ народѣ сравнительно съ числомъ монополистовъ, тѣмъ отчаяннѣе становится конкурренція между монополистами различныхъ народовъ.

Относительно земельной собственности Прудонъ былъ того мнѣнія, что она не экономическаго происхожденія и основаніе свое имѣетъ въ данныхъ психологіи и морали, имѣющихъ будто бы весьма далекое отношеніе къ производству богатствъ; земельная рента должна будто бы сильнѣе привязать человѣка къ природѣ. На это Марксъ возражаетъ: „Въ каждую историческую эпоху ходъ развитія собственности отличался другимъ характеромъ и происходилъ при совершенно другихъ общественныхъ отношеніяхъ. Нельзя поэтому дать опредѣленіе буржуазной собственности, не характеризуя въ то же время всѣхъ общественныхъ отношеній буржуазнаго производства. Желаніе опредѣлить собственность, какъ независимое отношеніе, какъ особую категорію, абстрактную и вѣчную идею, есть не болѣе, какъ метафизическая или юридическая иллюзія“. Земельная рента это разница въ цѣнѣ земледѣльческихъ продуктовъ и стоимости ихъ производства, включая сюда обычную прибыль и процентъ на капиталъ. Она возникла при опредѣленныхъ общественныхъ отношеніяхъ, и только при нихъ она и можетъ возникнуть; она не можетъ имѣть источникомъ своего существованія болѣе или менѣе неподвижный болѣе или менѣе неразрушимый характеръ почвы; она

обязана своимъ происхожденіемъ обществу, а не природѣ. Земельная рента это буржуазная форма земельной собственности, феодальная собственность, подчинившаяся условіямъ буржузнаго производства. Она знаменуетъ собою превращеніе патріархальнаго сельскаго хозяйства въ промышленное, примѣненіе промышленнаго капитала къ сельскому хозяйству, насажденіе городской буржуазіи въ сельскихъ округахъ. Рента не прикрѣпила человѣка къ природѣ, а только подчинила эксплоатацію земли конкурренціи. Рента дѣлаетъ земельную собственность движимой и превращаетъ ее въ предметъ торговли. Рента становится возможной только съ того момента, когда развитіе городской промышленности и созданная ею организація вынуждаютъ земельнаго собственника обращать вниманіе только на свою торговую прибыль, только на денежный доходъ со своихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, вынуждаютъ его смотрѣть на свое имѣніе только, какъ на источникъ денегъ. Рента въ такой мѣрѣ освободила земельнаго собственника отъ земли и отъ природы, что ему даже не зачѣмъ знать свою землю.

Въ заключеніе Марксъ разсматриваетъ приговоръ, въ которомъ Прудонъ осуждаетъ стачки и рабочіе союзы. Марксъ опровергаетъ то мнѣніе, будто бы всеобщее повышеніе заработной платы должно повести за собой всеобщее повышеніе цѣнъ; онъ доказываетъ, что повышеніе заработной платы ведетъ за собой паденіе прибыли на капиталъ, и что измѣняющееся соотношеніе между заработной платой и прибылью въ большинствѣ случаевъ не отражается на цѣнахъ. Уже одно то, что стачки и образованіе профессіональныхъ союзовъ вызываютъ, какъ реакцію, механическія открытія, показываетъ по его мнѣнію, какъ громадно вліяніе ихъ на развитіе промышленности. Но въ чемъ же лежитъ истинная причина того, что развитіе союзовъ и стачекъ строго соотвѣтствуетъ развитію крупной промыш-

ленности, хотя и политико-экономы, и соціалисты, исходя изъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, не перестаютъ настойчиво предостерегать рабочихъ отъ употребленія этого оружія? „Крупная промышленность сводитъ въ одно и то же мѣсто громадное количество незнакомыхъ другъ другу людей. Конкурренція разъединяетъ ихъ, но вопросъ о поддержаніи уровня заработной платы, этотъ общій интересъ ихъ по отношенію къ работодателямъ объединяетъ ихъ на общей мысли о сопротивленіи и связываетъ ихъ въ профессіональномъ союзѣ“. Отдѣльные капиталисты объединяются для того, чтобы сломать это сопротивленіе, а изолированные первоначально союзы рабочихъ объединяются для того, чтобы бороться съ объединеннымъ капиталомъ. Такимъ то образомъ существованіе союзовъ становится для нихъ вопросомъ болѣе важнымъ, чѣмъ сохраненіе уровня заработной платы; вотъ почему рабочіе, къ крайнему изумленію политико-экономовъ, жертвуютъ значительную часть своей заработной платы союзамъ, имѣющимъ цѣлью повышеніе заработной платы. Въ этой борьбѣ развиваются всѣ элементы предстоящей битвы. Интересы, отстаиваемые рабочими, становятся классовыми интересами. Союзы получаютъ политическій характеръ, борьба класса съ классомъ становится политической борьбой.

Марксъ напоминаетъ о томъ, что и буржуазія начала частичными союзами противъ феодальныхъ владѣтелей, когда ей надо было сорганизоваться въ классъ, а потомъ сорганизовавшись превратить феодальный классъ въ буржуазный. „Угнетенный классъ представляетъ собой необходимое условіе существованія всякаго общества, основаннаго на классовомъ антагонизмѣ. Освобожденіе угнетеннаго класса необходимо предполагаетъ, слѣдовательно, созданіе новаго общества. Для того, чтобы угнетенный классъ могъ освободить себя, должна быть достигнута такая ступень развитія, при которой наличныя производительныя

силы и существующія общественныя отношенія несовмѣстимы другъ съ другомъ. Изъ всѣхъ орудій производства наибольшей производительной силой является самъ революціонный классъ. Необходимой предпосылкой для того, чтобы революціонные элементы организовались, какъ классъ, является то, чтобы уже существовали всѣ тѣ производительныя силы, которыя вообще могутъ развиться внутри стараго общества", Но когда падетъ старое общество, тогда уже не будетъ классоваго господства и политической власти, какъ выраженія его. Для того, чтобы рабочій классъ могъ освободиться, онъ долженъ уничтожить классы вообще. подобно тому, какъ буржуазія для своего освобожденія должна была уничтожить сословія. Въ ходѣ развитія побѣда пролетаріата приведетъ къ союзу, не знающему классовъ, а, слѣдовательно, и настоящей политической власти, потому что въ буржуазномъ обществѣ политическая власть есть оффиціальное выраженіе классоваго антагонизма. Между тѣмъ антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей есть классовая борьба, а высшее проявленіе ея есть полная революція. Общественное движеніе не исключаетъ политическаго, потому что не существуетъ политическаго движенія, которое въ то же время не было бы общественнымъ. Только въ обществѣ, не знающемъ классовъ, общественная эволюція не будетъ больше политической революціей. До того времени наканунѣ всякаго общественнаго переустройства послѣднее слово всякой соціальной науки будетъ звучать такъ: „Борьба или смерть! Кровавая борьба или уничтоженіе. Въ такой неумолимой формѣ стоитъ вопросъ". Этими словами Жоржъ Зандъ Марксъ кончаетъ свою работу.

Въ борьбѣ съ Прудономъ Марксъ окончательно порвалъ со всякаго рода утопизмомъ. Онъ неопровержимо доказалъ, что общество создано не человѣческою мыслью что оно не искусственная постройка умѣлыхъ или неумѣлыхъ строителей, но что оно живой орга-

низмъ съ собственными внутренними законами своего развитія. Онъ неоспоримо доказалъ, что историческій матеріализмъ это методъ не создавать, но раскрывать законы; этимъ онъ освѣтилъ проблемы, надъ которыми до сихъ поръ напрасно мучились лучшіе умы трехъ европейскихъ народовъ.

Тѣмъ непонятнѣе, или если угодно, тѣмъ понятнѣе то, что, несмотря на новые пути, которые при тогдашнемъ положеніи европейской классовой борьбы, раскрывало это сочиненіе, оно осталось почти незамѣченнымъ своими современниками. Насколько можно прослѣдить, въ нѣмецкой литературѣ никто не обратилъ на него вниманія, по крайней мѣрѣ, такого вниманія, которое соотвѣтствовало бы его значенію; во Франціи же это сочиненіе нисколько не поколебало значенія Прудона, и вліяніе его на французскій пролетаріатъ продолжало непрерывно расти.

Однако былъ и передовой отрядъ, рѣшительный и смѣлый, и онъ мало по малу группировался вокругъ Маркса и Энгельса, какъ знаменоносцевъ новой эпохи; ученые не умѣли оцѣнить ихъ работу, широкая масса пролетаріата не была еще достаточно зрѣлой для того, чтобъ понять провозглашаемый ими лозунгъ, но все же они нашли среду, въ которой стоило поработать. Ихъ научная работа начала мощно влiять на революціонную борьбу того времени.

Глава четырнадцатая.

Союзъ коммунистовъ.

Со времени іюльской революціи Бельгія стала образцомъ буржуазно-монархическаго государства, мнящаго себя независимымъ отъ классовой борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ, а поэтому и не опасающагося революціи. Бѣглецы изъ крупныхъ го-

сударствъ находили себѣ въ Бельгіи безопасное убѣжище, но когда обнаружилась призрачность вышеприведеннаго мнѣнія, то и безопасность эта тоже стала призрачною. Усилія прусскаго правительства удалить Маркса изъ Брюсселя оказались безуспѣшными; однако они побудили его отказаться отъ прусскаго подданства, причемъ онъ не натурализовался ни въ Бельгіи, ни въ другомъ мѣстѣ.

За три года его пребыванія въ Брюсселѣ на положеніи эмигранта бельгійская столица стала своего рода центромъ коммунистическаго движенія. Съ весны 1845 года до лѣта 1846 въ Брюсселѣ жилъ и Энгельсъ; здѣсь они оба поддерживали оживленныя сношенія съ революціонными элементами англійскаго чартизма и французской соціалъ-демократіи; они состояли въ перепискѣ съ Юліаномъ Гарнеемъ, редакторомъ „Northern Star“ и Фердинандомъ Флокономъ, редакторомъ „Реформы“. Еще болѣе важное значеніе имѣла ихъ переписка съ „Союзомъ Справедливыхъ“ въ Лондонѣ и съ Эвербекомъ, руководителемъ парижскихъ общинъ этого союза. Въ самомъ Брюсселѣ они нашли себѣ единичныхъ приверженцевъ, напр. Жиго, служащаго городской библіотеки; Жиго былъ другомъ Прудона, и его, вѣроятно, не такъ привлекала коммунистическая теорія, сколько гуманитарная сторона рабочаго движенія.

Съ родной Германіей они тоже никогда не прерывали сношеній. Въ Рейнской провинціи, главнымъ образомъ въ Кельнѣ, у нихъ было нѣкоторое число приверженцевъ, но и изъ Лондона пришелъ къ нимъ Вейтлингъ, изъ Швейцаріи—Севастьянъ Сейлеръ, изъ Вестфаліи—Іосифъ Вейдемейеръ, отставной поручикъ артиллеріи; послѣдній сталъ впослѣдствіи вѣрнымъ соратникомъ ихъ. Возвратившись въ Германію, онъ ревностно работалъ надъ тѣмъ, чтобъ получить въ распоряженіе Маркса и Энгельса „Вестфальскій Пароходъ“ и вообще устранить всѣ издательскія затрудненія,

которыя встрѣчала ихъ литературная дѣятельность въ Германіи. Германнъ Криге, одинъ изъ учениковъ Фейербаха, ѣздилъ сперва къ Энгельсу въ Берлинъ, потомъ къ Марксу въ Брюссель и впослѣдствіи переселился въ Соединенные Штаты, чтобы работать надъ пропагандой коммунизма въ Новомъ Свѣтѣ.

Но изъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ Марксъ и Энгельсъ сталкивались въ Брюсселѣ, ближе всего сталъ имъ Вильгельмъ Вольфъ „смѣлый, благородный и вѣрный передовой боецъ пролетаріата", памяти котораго Марксъ впослѣдствіи посвятилъ первый томъ „Капитала". Вольфъ былъ сынъ силезскаго крѣпостного крестьянина. Съ большими трудностями ему удалось кончить гимназію и университетъ и стать филологомъ-классикомъ; несмотря на то, въ немъ сохранилась жгучая ненависть къ угнетателямъ его класса. Много лѣтъ онъ, какъ „демагогъ" валялся въ прусскихъ крѣпостяхъ, а затѣмъ онъ жилъ въ качествѣ частнаго учителя въ Бреславлѣ и мужественно и остроумно боролся съ бюрократіей и цензурой. Но его революціонная жажда борьбы не могла удовлетвориться этой партизанской борьбой, оружіемъ которой былъ только юморъ. Онъ спустился въ подвалы, гдѣ чахнулъ бреславльскій пролетаріатъ и своему захватывающему описанію этихъ „казематовъ" онъ обязанъ почетной кличкой „казематнаго Вольфа". Опубликованное имъ въ „Германской Гражданской Книгѣ" описаніе возстанія силезскихъ ткачей свидѣтельствуетъ о томъ, какъ хорошо онъ разбирался въ экономическихъ вопросахъ. Противъ него было возбуждено преслѣдованіе за нарушеніе законовъ о печати, но онъ отказался отъ удовольствія снова киснуть въ прусскихъ тюрьмахъ и отправился сперва въ Лондонъ, а затѣмъ въ Брюссель къ Марксу и Энгельсу; непоколебимая твердость его характера, постоянство, добросовѣстность, одинаково строгое отношеніе къ врагамъ и друзьямъ, а наиболѣе строгое къ самому себѣ сдѣ-

лали его дѣятельнымъ помощникомъ Маркса и Энгельса.

Такимъ образомъ если бы даже, вопреки дѣйствительности, Марксъ и Энгельсъ обнаружили склонность тихонько сообщать ученому міру результаты своихъ теоретическихъ работъ въ толстыхъ книгахъ, то и тогда не было бы недостатка въ разнообразныхъ поводахъ для коммунистической пропаганды. Практическая агитація шла у нихъ рука объ руку съ научными изслѣдованіями. Это была утомительная работа, довольно часто не дававшая никакихъ плодовъ или казавшаяся безплодной; не отъ одного литературнаго плана, который они съ живымъ интересомъ разрабатывали въ теченіе этихъ лѣтъ, имъ пришлось отказаться. Но они не переставали работать, не взирая на внѣшнія препятствія; самымъ тяжелымъ изъ препятствій, съ которыми имъ приходилось бороться, было то, что въ тѣхъ самыхъ кругахъ, среди которыхъ они хотѣли вліять, ихъ упрекали въ легкомысленной жаждѣ разрушенія, въ томъ, что ихъ разрушающая критика приноситъ вредъ соціалистическому движенію, между тѣмъ какъ послѣднее съ неодолимой силой завоюетъ міръ, если только нѣсколько измѣнить тонъ. Но Марксъ и Энгельсъ слишкомъ хорошо понимали громадное значеніе вѣрнаго тона и сознавали, что въ этомъ вся суть дѣла, что, не имѣя передъ собой ясной и опредѣленной цѣли, современная освободительная борьба пролетаріата должна терпѣть одно пораженіе за другимъ.

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что Марксу тяжело было на почвѣ критики порвать съ Прудономъ и Вейтлингомъ; вѣдь никто такъ радостно, какъ Марксъ, не привѣтствовалъ и такъ глубоко не понялъ значенія появленія этого геніально-талантливаго пролетарія на исторической сценѣ. Сохранилось, дѣйствительно, не мало свидѣтельствъ о томъ, съ какимъ терпѣніемъ, съ какой внимательностью Марксъ въ это брюссель-

ское время работалъ надъ Вейтлингомъ. Но утопическихъ сумерекъ, окутавшихъ мысль Вейтлинга, ему разсѣять не удалось; оставалось только устранить съ пути развитія пролетаріата этотъ тормазъ. Самъ Вейтлингъ и незаинтересованный свидѣтель въ лицѣ русскаго публициста Анненкова съ драматической живостью описали ту сцену въ мартѣ 1846 года, во время которой окончательно прорвались непримиримыя противорѣчія, существовавшія между Марксомъ и Вейтлингомъ. Вскорѣ послѣ этого Вейтлингъ порвалъ съ Марксомъ и внѣшнимъ образомъ, при томъ въ такой формѣ, которая не оставляетъ сомнѣнія въ его виновности.

Это произошло въ маѣ 1846 года, когда Марксъ, Энгельсъ и ближайшіе ихъ друзья вынуждены были выступить съ открытымъ письмомъ противъ Криге. Этотъ молодой студентъ обманулъ надежды, которыя всѣми, между прочимъ и Энгельсомъ, возлагались на него; онъ окружилъ себя въ Нью-Іоркѣ дѣтской помпой и разыгрывалъ изъ себя пророка европейскаго коммунизма; въ своемъ „Народномъ Трибунѣ“ онъ проповѣдывалъ какую то фантастическую утопію чувства, какое то „любовное слюняйство“, какъ говорилось въ брюссельскомъ „Открытомъ Письмѣ“; коммунизмъ онъ представлялъ любвеобильной противоположностью эгоизма, всемірно-историческое революціонное движеніе сводилъ на пару словъ: любовь—ненависть, коммунизмъ—эгоизмъ; имѣй Криге успѣхъ среди рабочихъ, вліяніе его было бы только деморализующимъ. Самъ Криге зашелъ такъ далеко, что его земляки, вестфальскіе коммунисты порвали съ нимъ сношенія. Брюссельское „Открытое Письмо“ было даже напечатано Люнингомъ въ „Вестфальскомъ Пароходѣ“ противъ воли его авторовъ; Люнингъ признавалъ при этомъ, что нѣкоторымъ образомъ это письмо содержитъ критику и его собственнаго органа. Что касается Вейтлинга, то онъ отказался участвовать въ протестѣ брюссельскихъ

коммунистовъ, а въ письмѣ къ Криге высказалъ далеко не дружескія подозрѣнія относительно намѣреній авторовъ письма. Манія величія и преслѣдованія лишила Вейтлинга и послѣдняго друга—Гесса, и онъ отправился тогда къ Криге въ Америку.

Въ „Открытомъ Письмѣ" брюссельскихъ коммунистовъ подвергнутъ былъ критикѣ и Союзъ Справедливыхъ, съ которымъ хвастливо носился Криге, разсказывая о немъ разныя басни. Однако, пролетаріи, входившіе въ составъ этого союза, отнеслись къ брюссельской критикѣ съ гораздо большимъ пониманіемъ, чѣмъ Вейтлингъ, съ которымъ они не могли сладить еще во время его пребыванія въ Лондонѣ. Около новаго года, Марксъ говоритъ, въ концѣ 1846, Энгельсъ—въ началѣ 1847 года, въ Брюссель прибылъ Іосифъ Молль и предложилъ Марксу и Энгельсу вступить въ Союзъ, такъ какъ союзъ этотъ хочетъ принять ихъ критическій коммунизмъ. Такимъ образомъ свѣтъ мысли нашелъ себѣ все-таки доступъ въ простую народную среду; организація настоящихъ пролетаріевъ, какъ ни незначительно было ихъ число, по значенію своему перевѣшивала потерю утопическаго, литературнаго и прочаго соціализма, не умѣвшаго оцѣнить историческое значеніе освободительной борьбы пролетаріата. Въ Брюсселѣ возникли общины этого союза, въ которыхъ стали работать Марксъ и Вольфъ; Энгельсъ въ августѣ 1846 года отправился въ Парижъ, чтобы устранить путаницу, которую надѣлалъ среди тамошнихъ нѣмецкихъ рабочихъ Грюнъ, но онъ и послѣ этого остался работать среди мѣстныхъ общинъ, что конечно не исключаетъ того, что по временамъ онъ пріѣзжалъ въ Брюссель.

Къ этому же времени открылась еще одна возможность практической дѣятельности. Въ Германіи, главнымъ образомъ въ Пруссіи, стали учащаться предвѣстники революціи. Февральскій патентъ 1847 года, созывавшій Соединенный Сеймъ былъ началомъ капи-

туляціи романтическаго короля передъ буржуазіей; это было робкое начало, но все-таки начало, и историческія условія его необходимо должны были развить его дальше. Всѣ опоры домартовскаго абсолютизма зашатались. Традиціи Шена и Альтенштейна никогда окончательно не умирали въ средѣ прусской бюрократіи; за время правленія капризнаго Фридриха Вильгельма IV эти традиціи еще усилились, потому что онъ хотѣлъ ихъ искоренить окончательно. Духъ тайной оппозиціи проникъ въ самыя сокровенныя глубины почтеннѣйшихъ канцелярій, не останавливаясь ни передъ какой архивной пылью. Сильнѣе всего оппозиція была въ средѣ духовенства, учителей и судей и въ тѣхъ слояхъ бюрократіи, которые не пропитались еще насквозь произволомъ высшихъ чиновниковъ. Благонамѣренное хозяйничанье Эйхгорна въ церкви и школѣ возстановило всѣхъ не вполнѣ отупѣвшихъ священниковъ и почти всѣхъ учителей высшей и низшей школы. Судьи были недовольны дисциплинарнымъ уставомъ, рейнскіе юристы давно уже прониклись подозрѣніями и недовѣріемъ въ виду непрекращавшихся нарушеній кодекса. Но и въ войскѣ, особенно среди молодыхъ офицеровъ, распространялись радикальныя тенденціи. Когда въ Минденѣ надо было отрѣшить отъ должности артиллеріи поручика Аннеке, за коммунистическій образъ мыслей, то этого приговора долго нельзя было провести. Въ судѣ чести его товарищи, тридцать молодыхъ офицеровъ признали его невиновнымъ, восемнадцать высказались за отрѣшеніе отъ должности, а восемнадцать за выговоръ. Королю пришлось вмѣшаться въ это дѣло съ кабинетскимъ приказомъ, наполненнымъ угрозами, назначить новый судъ, состоявшій исключительно изъ штабъофицеровъ, и только такимъ образомъ удалось провести исключеніе Аннеке изъ войска. Потомъ болѣе старымъ офицерамъ еще много разъ и долго пришлось ругаться прежде, чѣмъ имъ удалось добиться

того, чтобы прежніе товарищи Аннеке прекратили съ нимъ сношенія. Это былъ особенно замѣтный но далеко не единственный симптомъ броженія въ средѣ молодыхъ офицеровъ.

Бывшимъ прусскимъ офицеромъ былъ и Адальбертъ фонъ Борнштедтъ, издававшій съ начала 1847 года „Нѣмецкую Брюссельскую Газету“ два раза въ недѣлю. Это не былъ человѣкъ строгихъ принциповъ, но и не исключительно дѣлецъ, какъ Бернштейнъ; въ средѣ эмигрантовъ существовало недовѣріе по отношенію къ нему, но оно очень скоро было устранено тѣми процессами, которые были начаты противъ него, по доносу прусскаго посольства. Марксъ находитъ, что „Нѣмецкая Брюссельская Газета“ „при всѣхъ своихъ недостаткахъ имѣетъ и хорошія стороны“; вмѣсто того, чтобъ придираться къ имени Борнштедта и ничего не дѣлать, онъ предпочелъ улучшить его газету. Съ весны 1847 года и, чѣмъ дальше, тѣмъ все усерднѣе онъ съ друзьями работалъ въ этой газетѣ и создалъ ей репутацію третьей газеты европейской демократіи послѣ „Northern Star“ и „Reforme“.

Тѣмъ временемъ къ дружескому кружку Маркса пристали новыя цѣнныя силы: Георгъ Вертъ, Моисей Гессъ, Фердинандъ Вольфъ прибыли въ Брюссель, а подъ конецъ и Эрнстъ Дронке. Къ этимъ образованнымъ идеологамъ присоединились пролетаріи, принадлежавшіе къ наиболѣе развитымъ элементамъ своего класса: маляръ Штейнгенсъ, позументщикъ Ридель, оба наборщика „Нѣмецкой Брюссельской Газеты“, Стефанъ Борнъ, впослѣдствіи профессоръ базельскаго университета и Валлау, впослѣдствіи Майнцскій обербюргермейстеръ. Они составили ядро нѣмецкаго рабочаго союза, основаннаго въ августѣ 1847 года и насчитывавшаго 100 членовъ. Нѣсколько позже, въ ноябрѣ, было основано демократическое общество, носившее интернаціональный характеръ и объединившее бельгійскихъ демократовъ съ находившимися въ Брюсселѣ эмигран-

тами. Почетнымъ президентомъ былъ престарѣлый генералъ Меллине, спасшій Антверпенъ отъ голландцевъ, президентомъ—адвокатъ Іоттрандъ, бывшій членъ бельгійскаго временнаго правительства. Вицепрезидентами были: для нѣмцевъ Марксъ, для поляковъ Лелевель, бывшій членъ временнаго польскаго правительства, для французовъ Энберъ, бывшій послѣ февральской революціи 1848 года губернаторомъ Тюильри. Демократическое общество было по размѣрамъ своимъ еще меньше, чѣмъ нѣмецкій рабочій союзъ, и Марксъ вовсе не преувеличивалъ значенія этихъ организацій. Его мнѣніе только было таково, что непосредственная пропаганда, публичная дѣятельность, дѣйствуетъ на всякаго весьма освѣжающимъ образомъ.

Весьма освѣжающимъ образомъ дѣйствуетъ на всякаго и сегодня еще то, что Марксомъ и Энгельсомъ тогда было написано въ цѣляхъ непосредственной пропаганды; статьи „въ Нѣмецкой Брюссельской Газетѣ", рефераты въ „Нѣмецкомъ Рабочемъ Союзѣ" и въ „Демократическомъ Обществѣ", наконецъ, главнымъ образомъ, то, что они написали для Союза Справедливыхъ.

1. Нѣмецкая Брюссельская Газета.

Марксъ впервые завязалъ сношенія съ газетой Борнштеда ради полемики съ Карломъ Грюномъ.

Какъ настоящій нѣмецкій литераторъ, Грюнъ создалъ себѣ въ прессѣ развѣтвленную систему рекламы и мѣрилъ Маркса на свой аршинъ; онъ обвинилъ Маркса въ томъ, что онъ воспользовался такимъ пріемомъ, какъ мелкія нападки въ мелкихъ газетныхъ статьяхъ, для того чтобы умалить значеніе книги Грюна о соціальномъ движеніи въ Бельгіи и Франціи. Эта инсинуація нашла себѣ мѣсто въ „Трирской Газетѣ", органѣ Грюна. Въ отвѣтъ на это Марксъ заявилъ, что онъ опубликуетъ въ „Вестфальскомъ Пароходѣ" подробную критику сочиненія Грюна, что критика эта имъ заготовлена для составленной имъ

вмѣстѣ съ Энгельсомъ работы о германской идеологіи, и что этимъ онъ покажетъ, что въ борьбѣ съ Грюномъ нѣтъ нужды прибѣгать къ нечестнымъ пріемамъ. Критика эта дѣйствительно появилась въ „Вестфальскомъ Пароходѣ“; одновременно же Марксъ опубликовалъ въ „Нѣмецкой Брюссельской Газетѣ“ подробную критику статьи Грюна о „Гете съ человѣческой точки зрѣнія“ Въ этой сжатой критикѣ Марксъ показалъ, что Грюнъ не видитъ въ Гете ничего, что дѣлаетъ его геніальнымъ и великимъ, и топитъ все это въ обильномъ потокѣ тривіальностей, что, съ другой стороны, Грюнъ старается раздуть все, что въ Гете было филистерскаго, мѣщанскаго, мелкаго, для того, чтобы сдѣлать идеалъ изъ нѣмецкаго филистера.

Какъ ни мѣтка была эта критика, какъ ни заслужилъ ее Грюнъ своей оцѣнкой Гете, нельзя однако отрицать того, что Марксъ не былъ вполнѣ правъ, упрекая въ „Нѣмецкой Брюссельской Газетѣ“ „извѣстную фракцію нѣмецкихъ соціалистовъ“ въ томъ, что она не перестаетъ спотыкаться о либеральную буржуазію, и при томъ на исключительную пользу одного только германскаго правительства“. Моисей Гессъ тогда боролся въ однихъ рядахъ съ Марксомъ и Энгельсомъ; въ цѣломъ рядѣ статей о послѣдствіяхъ пролетарской революціи и въ парѣ статей противъ Руге онъ вполнѣ стоялъ на ихъ точкѣ зрѣнія. Люнингъ, правда, жаловался на рѣзкій тонъ Маркса, но съ радостью принялъ для „Вестфальскаго Парохода“ присланную имъ критику на Грюна. Но суровый приговоръ, вынесенный Марксомъ Грюну, долженъ быть ограниченъ въ томъ смыслѣ, что если Грюнъ и былъ плохимъ философомъ и плохимъ соціалистомъ, то все-таки на свой беллетристическій манеръ онъ былъ хорошимъ демократомъ. Въ извѣстномъ смыслѣ и „истинные соціалисты“ сочувствовали трудящимся классамъ и вовсе не думали предать домартовской реакціи интересы пролетаріата. Къ числу смягчающихъ историческую вину ихъ об-

стоятельствъ надо отнести то, что вопросъ объ отношеніи домартовскаго соціализма къ домартовскому либерализму вовсе не былъ такъ простъ.

Какъ Марксъ и Энгельсъ не переставали подчеркивать еще со времени „Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ“, что германская буржуазія почувствовала тяжелую руку пролетаріата уже въ тотъ моментъ, когда она только хотѣла начать борьбу съ королевской властью и съ юнкерствомъ. Отъ этого политика ея уже не осталась исключительно революціонной, но получила и реакціонныя черты. Марксъ и Энгельсъ были правы и логически, и исторически, когда они настаивали на томъ, чтобъ рабочій классъ въ собственныхъ своихъ интересахъ обезпечилъ буржуазіи побѣду надъ абсолютизмомъ и феодализмомъ и когда они ѣдко осмѣивали всѣ попытки „истиннаго соціализма“ бороться съ либерализмомъ, до побѣды послѣдняго надъ феодализмомъ. Однако найти границу, гдѣ тактика буржуазіи была еще революціонна, и гдѣ она была уже реакціонна, было довольно трудно. Было не мало случаевъ, когда Марксъ и Энгельсъ впадали тутъ въ ошибку, хотя ошибку эту они дѣлали въ другомъ направленіи, чѣмъ „истинные соціалисты“. Когда Марксъ и Энгельсъ въ отклоненіи Соединеннымъ Сеймомъ подоходнаго налога видѣли „послѣдовательный отказъ въ деньгахъ“, хвалили его, какъ „энергичную попытку“ парализовать абсолютистски-феодальное правительство нападеніемъ на слабую сторону его, то этимъ они оказывали оппозиціи подоходному налогу слишкомъ большую честь. Какъ свидѣтельствуютъ рѣчи и голосованіе, налогъ этотъ былъ отклоненъ не изъ революціонной оппозиціи правительству, но изъ реакціонной заботливости о желѣзныхъ сундукахъ имущихъ классовъ, которымъ нежелательна была и самая малая жертва, разъ дѣло шло о маленькомъ и незначительномъ облегченіи трудящихся классовъ.

Ту же ошибку мы находимъ въ другой, во многихъ отношеніяхъ блестящей статьѣ, въ которой Марксъ и Энгельсъ раздѣлываются съ правительственно-церковнымъ соціализмомъ „Рейнскаго Наблюдателя“. Они останавливаются на томъ общемъ мѣстѣ, что буржуазія эгоистична, заботится только о себѣ, а не о „благѣ народа“ и возражаютъ на это такъ. „Народъ, или возьмемъ вмѣсто этого широкаго неопредѣленнаго выраженія опредѣленное, — пролетаріатъ не спрашиваетъ, какое значеніе имѣетъ для буржуазіи народное благо, первостепенное или второстепенное, желаетъ ли она, или не желаетъ употребить пролетаріатъ какъ пушечное мясо. Пролетаріатъ не спрашиваетъ, чего хотятъ буржуа, но что они д о л ж н ы сдѣлать. Онъ задается вопросомъ, что дастъ ему больше средствъ для достиженія его собственныхъ цѣлей, современное политическое состояніе, господство бюрократіи или то состояніе, къ которому стремятся либералы, господство буржуазіи. Для этого пролетаріату нужно только сравнить политическое положеніе пролетаріата въ Англіи, Франціи и Америкѣ, съ одной стороны, и въ Германіи, съ другой, при чемъ онъ не можетъ не увидѣть того, что господство буржуазіи не только даетъ пролетаріату новое оружіе въ борьбѣ п р о т и в ъ буржуазіи, но и ставитъ его еще въ особое положеніе, въ положеніе признанной всѣми партіи“. Не надо думать, что весь пролетаріатъ состоитъ изъ померанскихъ мужиковъ и берлинскихъ поденщиковъ: пролетаріатъ одинаково хорошо понимаетъ, какое значеніе имѣютъ слова о народномъ благѣ и ненормальномъ соціальномъ положеніи какъ въ устахъ правительства, такъ и въ устахъ либеральной буржуазіи.

Что касается соціальныхъ принциповъ христіанства, то у нихъ для развитія было восемнадцать вѣковъ, и что же они осуществили? „Соціальные принципы христіанства оправдывали античное рабство, возвеличивали средневѣковое крѣпостничество и умѣютъ

хотя и съ печальнымъ лицомъ, оправдывать, когда это нужно, угнетеніе пролетаріата. Соціальные принципы христіанства проповѣдуютъ необходимость господствующаго класса, съ одной стороны, и угнетеннаго, съ другой, къ первому обращаются только съ благимъ пожеланіемъ, чтобъ онъ былъ благотворительнымъ по отношенію ко второму. Соціальные принципы христіанства переносятъ консисторско-канцелярскую отплату за всѣ обиды на небо и оправдываютъ такимъ образомъ продолжительное существованіе ихъ на землѣ. Соціальные принципы христіанства видятъ во всѣхъ низостяхъ угнетателей по отношенію къ угнетеннымъ или справедливое наказаніе за первородный и другіе грѣхи, или же испытаніе, ниспосланное на родъ людской Господомъ въ безконечной мудрости его. Соціальные принципы христіанства проповѣдуютъ трусость, самоуничиженіе, униженіе, покорность, кротость, словомъ, всѣ свойства вьючнаго животнаго; пролетаріатъ же не желаетъ, чтобъ съ нимъ обращались, какъ съ вьючнымъ животнымъ, сознаніе собственнаго достоинства, гордость и духъ независимости ему нужнѣе, чѣмъ хлѣбъ насущный. Соціальные принципы христіанства это принципы ханжества, пролетаріатъ же по существу своему революціоненъ“.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ Марксъ и Энгельсъ безжалостно разбили пріятную мечту о союзѣ короля съ народомъ: „Изъ всѣхъ политическихъ элементовъ наибольшую опасность для короля таитъ въ себѣ народъ. Не тотъ народъ, конечно, который по выраженію Фридриха Вильгельма со слезами на глазахъ благодаритъ за пинокъ и за зильбергрошенъ; этотъ народъ вполнѣ безопасенъ, потому что онъ существуетъ то только въ воображеніи короля. Настоящій же народъ, пролетарій, крестьянинъ и представитель черни, это, по выраженію Гоббса, puer robustus sed malitiosus, крѣпкій и злой мальчишка и не даетъ себя надувать ни жирному, ни худощавому королю. Этотъ народъ выну-

дить у его величества прежде всего конституцію со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, свободой союзовъ, свободой печати и т. п. Когда народъ все это получитъ, онъ воспользуется этимъ для того, чтобы возможно скорѣе разрушить силу, достоинство и поэзію королевской власти". Для того, чтобы это пророчество буквально осуществилось, потребовалось цѣлыхъ полстолѣтія.

Не менѣе важной, чѣмъ критика правительственно-церковнаго соціализма, была критика, которой Марксъ и Энгельсъ на страницахъ „Нѣмецкой Брюссельской Газеты" подвергли тотъ политическій радикализмъ, который видитъ во владѣтельныхъ князьяхъ источникъ всякой реакціи; воззрѣніе это имѣетъ столько же смысла, сколько мнѣніе этихъ же князей, объясняющихъ революціонныя движенія подстрекательствомъ демагоговъ. Карлъ Гейнценъ выступилъ въ данномъ случаѣ представителемъ того радикализма, который тѣмъ больше спотыкался, чѣмъ безсодержательнѣе онъ былъ въ идейномъ отношеніи. Своей репутаціей въ средѣ домартовскихъ бѣглецовъ Гейнценъ обязанъ не столько своими духовными способностями, сколько грубымъ тономъ: для Маркса и Энгельса онъ самъ по себѣ не былъ достойнымъ противниковъ, но какъ типичный представитель цѣлаго направленія, онъ получалъ такое значеніе, что стоило уже подробнѣе остановиться на немъ.

Возражая Гейнцену, Марксъ утверждаетъ, что не княжеская власть поддерживаетъ существованіе нѣмецкаго общества, а нѣмецкое общество поддерживаетъ существованіе княжеской власти. „Насильственно-реакціонная роль, которую играетъ княжеская власть, доказываетъ только, что въ порахъ стараго общества образовалось новое, что та политическая надстройка, которая была естественной въ старомъ обществѣ, будетъ признана противуестественной и уничтожена въ новомъ. Чѣмъ менѣе развиты эти новые разрушитель-

ные элементы, тѣмъ болѣе даже самая сильная реакція старой политической власти кажется только консерватизмомъ. По мѣрѣ же того, какъ новые разрушительные общественные элементы развиваются все больше и больше, даже самая невинная консервативная попытка старой политической власти кажется все болѣе и болѣе реакціонной. Реакціонность княжеской власти доказываетъ не то, что она создаетъ старое общество. а то, что она умретъ, какъ только исчезнутъ матеріальныя условія существованія стараго общества. Реакція княжеской власти есть вмѣстѣ съ тѣмъ реакція стараго общества, оффиціальнаго общества, оффиціально владѣющаго политической властью или владѣющаго оффиціальной политической властью. Когда развитіе матеріальныхъ условій существованія общества зашло такъ далеко, что измѣненіе ея оффиціальной политической власти стало жизненной необходимостью, мѣняется вся физіономія старой политической власти. Такъ, напр., абсолютная монархическая власть вмѣсто того, чтобъ централизовать, въ чемъ собственно и заключалась цивилизующая дѣятельность ея, начинаетъ децентрализовывать. Будучи сама продуктомъ пораженія феодальныхъ сословій и принявъ сама дѣятельнѣйшее участіе въ уничтоженіи ихъ, монархическая власть пытается сохранить теперь, по крайней мѣрѣ, видимость феодальныхъ отличій. Первоначально монархическая власть благопріятствуетъ торговлѣ и промышленности, а также возрастанію значенія буржуазнаго класса, какъ необходимымъ условіямъ національнаго могущества и собственнаго блеска; теперь же абсолютная монархія всюду становится поперекъ дороги торговли и промышленности, которыя стали оружіемъ все возрастающей опасности въ рукахъ могущественной уже буржуазіи. Съ городовъ, которымъ монархическая власть обязана своимъ ростомъ, она переводитъ свой оробѣвшій и отупѣвшій взоръ на сельскій округъ, утучненный трупами ея

старыхъ противниковъ". Какъ ни ясно было это разсужденіе, для Гейнцена оно все же осталось тайной за семью печатями.

Онъ былъ настолько нетактиченъ, что въ разгаръ революціонной борьбы слѣдующаго года выпустилъ противъ Маркса и Энгельса блѣдную и неостроумную брошюру; что же касается его личной революціонной дѣятельности, то она не удовлетворяетъ и самымъ скромнымъ требованіямъ. Къ ужасу филистеровъ и на радость полиціи онъ писалъ смѣшные катехизисы, возбуждающіе солдатъ къ дезертирству, или занимался изобрѣтеніемъ паровыхъ гильотинъ, при помощи которыхъ князей можно было бы отправлять на тотъ свѣтъ массами; съ того берега океана онъ еще въ теченіе десятковъ лѣтъ громилъ нѣмецкихъ князей и нѣмецкихъ коммунистовъ, не затронувъ фактически ни одного волоса на головѣ, ни тѣхъ ни другихъ.

2. Нѣмецкій Рабочій Союзъ и Демократическое Общество.

Изъ лекцій по политической экономіи, читанныхъ Марксомъ въ Нѣмецкомъ Рабочемъ Союзѣ, сохранилась только часть въ статьяхъ о заработной платѣ и капиталѣ. По ней можно видѣть, что онъ былъ также искуснымъ популяризаторомъ. Прежде всего Марксъ изслѣдуетъ, что такое заработная плата. Онъ обращается къ ежедневному опыту всякаго рабочаго и доказываетъ, что заработная плата не есть доля рабочаго въ произведенномъ имъ товарѣ, а часть существующихъ уже товаровъ, за которую капиталистъ покупаетъ себѣ извѣстную сумму производительнаго труда. Затѣмъ Марксъ спрашиваетъ, какъ опредѣляется цѣна труда и отвѣчаетъ: совершенно такимъ-же образомъ, какъ цѣна всякаго другого товара. Она опредѣляется троякаго рода конкурренціей: конкурренціей покупателей или спросомъ, конкурренціей продавцовъ или предложеніемъ, конкурренціей между покупателями и

продавцами или колебаніями между спросомъ и предложеніемъ. Эти колебанія имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что цѣна всякаго товара колеблется около издержекъ производства. Измѣнчивая цѣна любого товара всегда или нѣсколько выше, или нѣсколько ниже издержекъ производства. Когда спросъ сильнѣе предложенія, цѣны товаровъ поднимаются, масса капиталовъ устремляется въ эту цвѣтущую отрасль промышленности, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока цѣна этого рода товаровъ, вслѣдствіе перепроизводства, не упадетъ ниже издержекъ производства. Когда предложеніе товара превышаетъ спросъ на него, происходитъ обратный процессъ: капиталы оттекаютъ изъ этой отрасли производства, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока цѣна товара не поднимется выше издержекъ производства. Въ соотвѣтствіи съ этимъ цѣна труда опредѣляется стоимостью производства; переживая непрерывныя колебанія, она стоитъ то выше, то ниже издержекъ производства его. Издержки производства простого труда это не что иное, какъ издержки на существованіе рабочаго и на продолженіе рода его, и цѣна этихъ издержекъ и есть заработная плата. Законъ, опредѣляющій цѣну товара издержками производства, не приложимъ къ отдѣльному товару, а къ цѣлой категоріи ихъ; то же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ отдѣльному рабочему. Отдѣльные рабочіе, милліоны ихъ могутъ получать и получаютъ меньше, чѣмъ необходимо для существованія и для продолженія рода своего, но заработная плата всего рабочаго класса, принимая во вниманіе колебанія ея, стоитъ на уровнѣ этого минимума.

Послѣ этого Марксъ переходитъ къ изслѣдованію капитала. Политико-экономы говорятъ, будто бы капиталъ это накопленный трудъ, служащій средствомъ дальнѣйшаго производства; на это онъ возражаетъ такъ: „что такое негръ-рабъ? Человѣкъ черной расы“ Одно объясненіе стоитъ другого. Негръ есть негръ.

При извѣстныхъ условіяхъ онъ становится рабомъ. Бумагопрядильная машина есть машина для прядѣнія хлопка, и только въ опредѣленныхъ условіяхъ она становится капиталомъ. Внѣ этихъ отношеній она такъ же мало представляетъ собой капиталъ, какъ мало золото само по себѣ представляетъ деньги или сахаръ самъ по себѣ цѣну сахара". Капиталъ это общественное отношеніе производства, и при томъ буржуазное отношеніе производства, отношеніе производства буржуазнаго общества. Сумма нѣкоторыхъ товаровъ или мѣновыхъ цѣнностей только отъ того становится капиталомъ, что она существуетъ какъ самостоятельная общественная сила или какъ сила части общества, и увеличивается путемъ обмѣна на непосредственную живую рабочую силу. „Необходимой предпосылкой капитала является существованіе класса, у котораго нѣтъ другой собственности, кромѣ собственной рабочей силы. Накопленный трудъ становится капиталомъ только отъ того, что накопленный, прошлый, овеществленный трудъ можетъ господствовать надъ непосредственнымъ живымъ трудомъ. Сущность капитала вовсе не заключается въ томъ, что накопленный трудъ служитъ живому труду средствомъ дальнѣйшаго производства; она заключается въ томъ, что живой трудъ является средствомъ, при помощи котораго накопленный трудъ сохраняетъ и умножаетъ свою мѣновую цѣнность". Капиталъ и трудъ взаимно обусловливаютъ другъ друга и другъ друга создаютъ.

Буржуазная политическая экономія дѣлаетъ изъ этого выводъ, что интересы капиталиста и рабочаго тождественны. Совершенно вѣрно: рабочій гибнетъ, когда капиталъ не даетъ ему занятій, а капиталъ гибнетъ, когда онъ не эксплоатируетъ рабочаго. Чѣмъ быстрѣе ростъ производительнаго капитала, чѣмъ пышнѣе расцвѣтъ промышленности, чѣмъ больше буржуазія обогащается, чѣмъ лучше дѣла, тѣмъ больше капиталисту нужно рабочихъ, тѣмъ дороже цѣна, за которую

рабочій продаетъ себя. Такимъ образомъ необходимымъ условіемъ сноснаго существованія рабочаго является возможно болѣе быстрый ростъ производительнаго капитала.

Но что такое ростъ производительнаго капитала? Ростъ власти накопл[illegible]наго труда надъ живымъ трудомъ, ростъ господства буржуазіи надъ рабочимъ классомъ. Когда наемный трудъ производитъ чужое господствующее надъ нимъ богатство, враждебную ему силу капитала, онъ получаетъ при этомъ новыя занятія и новыя средства существованія, но подъ тѣмъ условіемъ, что и этотъ новый наемный трудъ долженъ стать частью капитала, рычагомъ, который снова приводитъ капиталъ въ ускорительное движеніе безпрестаннаго роста. Выраженіе, что интересы капитала и труда тождественны, значить только, что капиталъ и заработная плата — двѣ стороны одного и того же общественнаго отношенія. Одно обусловливаетъ другое, какъ взаимно обусловливаютъ другъ друга ростовщикъ и расточитель.

Марксъ беретъ наиболѣе благопріятный случай: растетъ производительный капиталъ, растетъ спросъ на трудъ и вмѣстѣ съ нимъ заработная плата. Но замѣтный ростъ заработной платы предполагаетъ быстрый ростъ производительнаго капитала. Быстрый ростъ производительнаго капитала вызываетъ быстрый ростъ богатства, роскоши, общественныхъ потребностей и наслажденій. И хотя сумма удовлетворенныхъ потребностей рабочаго увеличилась, но доставляемое ею общественное довольство понизилось въ виду того, что сумма недоступныхъ рабочему наслажденій увеличилась еще болѣе, что уровень общественнаго развитія подвинулся еще дальше. Своими потребностями и наслажденіями мы обязаны обществу, которое является для насъ поэтому мѣрою ихъ; если онѣ носятъ общественный характеръ, то онѣ не имѣютъ поэтому и абсолютнаго характера. Номинальная заработная плата,

т. е., денежная цѣна труда, можетъ возрасти, даже реальная заработная плата. т. е., сумма товаровъ, которую рабочій дѣйствительно получаетъ за заработную плату, можетъ возрасти, тѣмъ не менѣе относительно это можетъ быть паденіемъ заработной платы.

Заработная плата не есть доля рабочаго въ произведенномъ имъ товарѣ, но она возмѣщается на счетъ той цѣны, за которую капиталистъ продаетъ продуктъ труда рабочаго. Цѣна эта распадается для капиталиста на три части: возмѣщеніе затраченныхъ сырыхъ продуктовъ, изнашиванія орудій труда, возмѣщеніе заработной платы и прибыль самого капиталиста. Первая часть возмѣщаетъ цѣнности, существовавшія уже до производства, двѣ другія части, заработная плата и прибыль должны быть покрыты на счетъ новой цѣнности, созданной трудомъ рабочаго и приданной сырому матеріалу. Такимъ образомъ въ заработной платѣ и прибыли, если желательно сравнивать ихъ, можно видѣть двѣ доли въ продуктѣ труда рабочаго. Онѣ стоятъ другъ къ другу въ обратномъ отношеніи. Прибыль растетъ въ той же мѣрѣ, въ какой падаетъ заработная плата; она падаетъ въ той же мѣрѣ, въ какой заработная плата растетъ. Въ условіяхъ существованія капитала и наемнаго труда интересы капитала и интересы наемнаго труда діаметрально противоположны. Растетъ капиталъ и пусть заработная плата тоже растетъ, однако, прибыль капитала растетъ несравненно быстрѣе. Матеріальное положеніе рабочаго улучшилось, но на счетъ его общественнаго положенія; общественная пропасть, отдѣляющая его отъ капиталиста, расширилась. Когда мы говоримъ, что самымъ благопріятнымъ моментомъ для заработной платы это быстрый ростъ капитала, то мы этимъ только утверждаемъ, что чѣмъ быстрѣе рабочій классъ увеличиваетъ и умножаетъ враждебную ему силу, чужое, господствующее надъ нимъ богатство, тѣмъ благопріятнѣе становятся условія, въ которыхъ

онъ можетъ работать надъ дальнѣйшимъ увеличеніемъ власти капитала, и въ которыхъ онъ можетъ продолжать ковать себѣ золотыя цѣпи, наложенныя на него буржуазіей.

На дѣлѣ же ростъ капитала и повышеніе заработной платы вовсе не такъ неразрывно связаны, какъ это думаютъ буржуазные политико-экономы. Невѣрно, что чѣмъ жирнѣе капиталъ, тѣмъ лучше упитанъ и рабъ его. Ростъ капиталовъ увеличиваетъ конкурренцію между капиталистами. Возрастаніе размѣра капиталовъ даетъ средства выводить на промышленное поле сраженія громадныя арміи рабочихъ съ гигантскими орудіями труда. Одинъ капиталистъ можетъ разбить другого и завладѣть его капиталомъ только такимъ образомъ, что онъ будетъ продавать дешевле. Чтобъ имѣть возможность продавать дешевле, не разоряя себя, онъ долженъ производить дешевле, т. е. увеличить по мѣрѣ возможности производительную силу труда. Производительность труда больше всего увеличивается отъ большаго раздѣленія труда, отъ всесторонняго введенія и постояннаго усовершенствованія машинъ. Чѣмъ больше та рабочая армія, на которую распространяется раздѣленіе труда, чѣмъ больше область труда, захватываемая машиной, тѣмъ меньше становятся сравнительно издержки производства, тѣмь производительнѣе становится трудъ. Начинается между капиталистами соревнованіе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ; они стараются увеличить раздѣленіе труда, расширить область примѣненія машинъ и увеличить число ихъ. Законъ, по которому цѣна товара подъ вліяніемъ спроса и предложенія колеблется вокругъ издержекъ производства, революціонизируетъ способы производства, постоянно вытѣсняетъ одни орудія производства за другими, постоянно выбиваетъ буржуазное производство изъ старой колеи и не перестаетъ нашептывать капиталу: впередъ! впередъ! Представьте себѣ, что это лихорадочное

возбужденіе охватило весь рынокъ, и вы поймете, какимъ образомъ ростъ, накопленіе и концентрація капитала могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ непрерывное, ускоренное и охватывающее все большую область раздѣленіе труда, введеніе новыхъ и усовершенствованіе старыхъ машинъ.

Обстоятельства эти неразрывно связаны съ ростомъ производительнаго капитала: какъ же вліяютъ они на уровень заработной платы? Увеличеніе раздѣленія труда дѣлаетъ рабочаго способнымъ исполнять работу пяти, десяти, двадцати рабочихъ, оно, слѣдовательно, увеличиваетъ конкурренцію между рабочими въ пять, десять, двадцать разъ. Кромѣ того, раздѣленіе труда представляетъ собой вмѣстѣ съ тѣмъ упрощеніе труда. Спеціальное умѣнье рабочаго теряетъ свою цѣну. Онъ превращается въ простую однообразную производительную силу, отъ которой не требуется особаго напряженія ни физическихъ, ни духовныхъ силъ. Работу его можетъ выполнить всякій, и по мѣрѣ того, какъ она становится непріятнѣе, конкурренція на нее все возрастаетъ. Но въ той же мѣрѣ падаетъ и заработная плата, потому что, чѣмъ работа проще, чѣмъ легче научиться ей, тѣмъ ниже издержки производства ея. Напрасно старается рабочій удержать величину своей заработной платы, работая больше, т. е., или удлиняя рабочее время, или увеличивая интенсивность своего труда. Чѣмъ больше онъ работаетъ, тѣмъ меньше онъ получаетъ, по той простой причинѣ, что онъ въ той же мѣрѣ конкуррируетъ со своими товарищами по работѣ, вынужденными соглашаться на такія же условія труда, какъ и онъ.

Введеніе машинъ влечетъ за собой тѣ же послѣдствія, но распространяетъ ихъ на болѣе широкую область; такъ машины даютъ возможность замѣнять обученныхъ рабочихъ необученными, мужчинъ — женщинами, взрослыхъ—дѣтьми; тамъ, гдѣ машина вводится впервые, она выбрасываетъ на улицу цѣлыя

массы рабочихъ, а гдѣ она подвергается усовершенствованіямъ и улучшеніямъ, замѣняется болѣе производительными машинами, тамъ она лишаетъ заработка менѣе крупныя группы рабочихъ. Промышленная война капиталистовъ отличается той своебразной особенностью, что сраженія выигрываетъ не тотъ, кто имѣетъ возможность увеличивать свою рабочую армію, а тотъ, кто можетъ уменьшать ее. Полководцы производства, капиталисты, соперничаютъ другъ съ другомъ въ томъ, кто изъ нихъ сумѣетъ уволить большее число промышленныхъ солдатъ.

Но этого мало! Мелкій промышленникъ не выдерживаетъ борьбы, первымъ условіемъ которой является производство въ большемъ размѣрѣ, т. е. необходимость быть крупнымъ, а не мелкимъ промышленникомъ. Процентъ на капиталъ падаетъ въ той же мѣрѣ, въ какой капиталы возрастаютъ численно и количественно; мелкій рантье не можетъ больше жить своей рентой и бросается въ промышленность, чтобъ раздѣлить участь мелкихъ промышленниковъ. Масса мелкихъ промышленниковъ и мелкихъ рантье заполняетъ собой ряды рабочаго класса. У нихъ нѣтъ другого выхода, какъ поднять свои руки тамъ, гдѣ подымаются руки рабочихъ. Такъ то лѣсъ поднятыхъ къ верху и просящихъ работы рукъ становится все гуще, а сами руки становятся все худощавѣе.

Наконецъ, въ той мѣрѣ, въ какой капиталисты вынуждены возможно шире эксплоатировать существующія уже могучія средства производства, и до крайности напрягать для этого всѣ источники кредита, въ той же мѣрѣ умножаются промышленныя землетрясенія, когда торговому міру для самосохраненія приходится принести въ жертву подземнымъ богамъ часть своего богатства, продуктовъ и производительныхъ силъ; мы имѣемъ въ виду учащеніе кризисовъ. Они становятся чаще и сильнѣе уже отъ одного того, что въ той же мѣрѣ, въ какой растетъ масса продуктовъ, потребность

широкихъ рынковъ, міровой рынокъ все больше суживается, остается все меньше свободныхъ рынковъ, такъ какъ каждый предыдущій кризисъ подчинилъ міровой торговлѣ рынокъ, до того времени не затронутый торговлей или затронутый только слегка. Капиталъ не только живетъ на счетъ труда. Это не только важный господинъ, но и варваръ, онъ увлекаетъ за собой и въ могилу трупы своихъ рабовъ. цѣлыя гекатомбы рабочихъ, гибнущихъ во время кризисовъ. И Марксъ даетъ такое сжатое резюме: если капиталъ растетъ быстро, то несравненно быстрѣе растетъ конкурренція между рабочими, т. е. тѣмъ больше сравнительно уменьшается возможность получить работу, средства существованія для рабочаго класса, а надо принять во вниманіе, что быстрый ростъ капитала это—еще наиболѣе благопріятное условіе для наемнаго труда.

Остается пожалѣть, что отъ тѣхъ лекцій, въ которыхъ Марксъ разъяснялъ нѣмецкимъ рабочимъ въ Брюсселѣ экономическій смыслъ періода крупной промышленности, остался только отрывокъ приведеннаго содержанія. Другимъ образчикомъ его практической агитаціи является рѣчь о свободѣ торговли, произнесенная имъ въ „Демократическомъ Обществѣ“.

Первоначально онъ предполагалъ произнести эту рѣчь на интернаціональномъ конгрессѣ экономистовъ, который состоялся въ Брюсселѣ въ сентябрѣ 1847 года, и энергично выступилъ въ защиту свободной торговли. Но тогда Марксу говорить не пришлось. Отношеніе его къ вопросу о свободѣ торговли вытекало уже изъ его основного воззрѣнія на классовую борьбу между буржуазіей и пролетаріатомъ; то же самое приходится сказать объ Энгельсѣ. Въ своихъ эльберфельдскихъ рѣчахъ Марксъ подчеркнулъ необходимость высокихъ покровительственныхъ пошлинъ для германской промышленности, но въ то же время предостерегалъ отъ другой крайности, отъ надежды, что протекціонистская агитація Листа заключаетъ въ себѣ па-

націею отъ капиталистическаго способа производства вообще. Послѣ того онъ писалъ въ „Нѣмецкой Брюссельской Газетѣ“, что рабочему одинаково плохо живется и при свободной торговлѣ, и при протекціонизмѣ, и въ этомъ смыслѣ ему можетъ быть безразлично, кто побѣдитъ, фритредеры или протекціонисты. Германской же буржуазіи нужны покровительственныя пошлины; она не можетъ существовать и упрочиться, она не можетъ справиться съ королевской властью и съ юнкерствомъ, если она не защититъ, не взроститъ промышленности и торговли искусственными мѣрами. Съ этой точки зрѣнія и рабочій классъ уже заинтересованъ въ покровительственныхъ пошлинахъ. Въ томъ же смыслѣ Марксъ въ своей полемикѣ противъ Грюна назвалъ агитацію въ пользу покровительственныхъ пошлинъ „прогрессивной буржуазной мѣрой“. Это однако не мѣшало ему смѣяться надъ домартовскимъ соціалистомъ Риттингаузеномъ, который на брюссельскомъ конгрессѣ экономистовъ защищалъ протекціонизмъ, но далеко не съ революціонной точки зрѣнія.

Нѣтъ сомнѣнія, что ошибочно было мнѣніе Маркса и Энгельса о необходимости болѣе высокихъ покровительственныхъ пошлинъ для германской промышленности, для того, чтобъ ее не задушила англійская промышленность, и для того, чтобы ее можно было воспитать для успѣшной конкурренціи съ англійской промышленностью. Но принципіально не было ни малѣйшей непослѣдовательности въ томъ, что, оставаясь на своей революціонной точкѣ зрѣнія, они высказывались за свободу торговли, когда рѣчь шла объ англійской промышленности, и за протекціонизмъ, когда дѣло касалось германской, стирая попутно весь обманчивый блескъ, которымъ прикрывали свои девизы англійскіе фритредеры и нѣмецкіе протекціонисты. Это было тѣмъ необходимѣе, что отмѣна англійскихъ хлѣбныхъ законовъ была однимъ изъ самыхъ значительныхъ тріумфовъ фритредерства, и теперь оно не переставало

хвастать тѣмъ, что вмѣстѣ съ побѣдой его для пролетаріата началась эпоха вѣчнаго блаженства.

Противъ этого то и выступилъ Марксъ въ своей рѣчи о свободѣ торговли. Онъ доказалъ, что англійскимъ фритредерамъ нужно было пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ для того, чтобы понизить заработную плату; отъ паденія земельной ренты должна была возрасти прибыль капиталиста, а вовсе не заработная плата. „Англійскіе рабочіе показали англійскимъ фритредерамъ, что заигрываніями и ложью ихъ не проведешь, и если они примкнули къ нимъ, то только для того, чтобъ смести послѣдніе остатки феодализма и тогда имѣть дѣло съ однимъ только врагомъ. Разсчетъ рабочихъ оказался вѣрнымъ; желая отомстить фабрикантамъ, землевладѣльцы объединились съ рабочими, когда надо было провести десятичасовый рабочій билль, котораго рабочіе напрасно домогались въ теченіе тридцати лѣтъ, и который прошелъ сейчасъ же послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ“. Если свободная торговля, какъ утверждаютъ сторонники ея, и увеличиваетъ производительныя силы капитала, то рабочему отъ этого нѣтъ никакой пользы. Это Марксъ доказываетъ такимъ же путемъ, какъ въ лекціи о наемномъ трудѣ и капиталѣ.

Въ капиталистическомъ обществѣ свобода торговли есть не что иное, какъ свобода капитала. Она не только не приноситъ пользы рабочему классу, но безжалостно подвергаетъ его всѣмъ послѣдствіямъ капиталистическаго способа производства. Но изъ-за этого Марксъ все-таки не выступаетъ въ защиту протекціонизма. „Можно бороться съ конституціонализмомъ, не будучи сторонникомъ абсолютизма“. Система покровительственныхъ пошлинъ есть только средство возрастить въ данной странѣ крупную промышленность. А это въ свою очередь значитъ подчинить ее міровому рынку и свободной торговлѣ. Покровительственная система создаетъ свободную конкурренцію въ предѣлахъ одной страны, и представляетъ для молодой буржуазіи сред-

ство концентрировать свои силы. Марксъ ссылается при этомъ на германскую буржуазію, напрягавшую всѣ силы къ тому, чтобы получить покровительственныя пошлины. „Въ общемъ же,—заключаетъ онъ свою рѣчь,—система покровительственныхъ пошлинъ по характеру своему консервативна, система же свободной торговли дѣйствуетъ какъ факторъ разрушающій. Она разлагаетъ національности, обостряетъ до крайности антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей, ускоряетъ соціальную революцію". Только въ этомъ революціонномъ смыслѣ Марксъ высказался за свободу торговли.

Въ вопросѣ о международныхъ отношеніяхъ Марксъ и Энгельсъ конечно тоже стояли на точкѣ зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Они отказались отъ революціонной фразы, которая не желала считаться съ исторической дѣйствительностью, какъ съ чѣмъ то абсолютно-лишнимъ, капризнымъ и случайнымъ продуктомъ конгрессовъ властителей и дипломатовъ; революціонная фраза хотѣла, чтобъ эта дѣйствительность совершенно исчезла передъ категорическимъ императивомъ предполагаемой народной воли, передъ ея абсолютнымъ требованіемъ свободы. Марксъ и Энгельсъ видѣли, что существуютъ препятствія для всеобщаго освобожденія народовъ: различіе ступеней цивилизаціи, на которыхъ они находятся, и связанныя съ этимъ различія въ потребностяхъ отдѣльныхъ народовъ; они спорили съ французскими и англійскими демократами и оспаривали ихъ теорію всеобщаго братства народовъ: если взять эту идею независимо отъ историческаго положенія, отъ ступени общественнаго развитія отдѣльныхъ народовъ, то въ ней не остается ничего опредѣленнаго.

Съ другой стороны, они выступили и противъ высокомѣрнаго отношенія нѣкоторыхъ „истинныхъ соціалистовъ" къ вопросу о братствѣ народовъ подъ знаменемъ великой французской революціи. Во второмъ томѣ „Рейнскихъ Ежегодниковъ" Энгельсъ писалъ:

„Братаніе народовъ, которое происходитъ теперь подъ вліяніемъ крайнихъ партій повсюду, въ противовѣсъ старому первобытному національному эгоизму и лицемѣрному эгоистическому космополитизму фритредеровъ, стоитъ большаго, чѣмъ всѣ нѣмецкія теоріи истиннаго соціализма". Для него, какъ и для Маркса, демократія была тождественна съ коммунизмомъ. „Другая демократія можетъ существовать только въ головахъ теоретиковъ-визіонеровъ, которые не заботятся о томъ, что происходитъ въ дѣйствительности, и у которыхъ принципы развиваются не людьми и обстоятельствами, а сами собой. Демократія стала пролетарскимъ принципомъ, принципомъ массъ". Эта демократія вполнѣ правильно превозноситъ Французскую республику не потому, что всѣ народы, бывшіе такъ глупы, чтобы пойти на борьбу съ французской революціей, обязаны Франціи дать публичное удовлетвореніе, не потому только, что соціальное движеніе 19-го вѣка представляетъ собой второй актъ французской революціи, но потому что „въ наше трусливое, корыстное, мелкое буржуазное время полезно вспомнить о томъ великомъ періодѣ, когда цѣлый народъ на моментъ стряхнулъ съ себя всякую трусость, корысть, мелочность, когда были люди, не боявшіеся незаконности, ни передъ чѣмъ не останавливавшіеся въ страхѣ и своей желѣзной энергіей добившіеся того, что за время съ 31 мая 1793 года до 26 іюля 1794 года нигдѣ во Франціи не смѣлъ показаться ни одинъ трусъ, ни одинъ лавочникъ, ни одинъ биржевикъ, словомъ, ни одинъ буржуа".

Марксъ и Энгельсъ нашли настоящую почву, на которой братство народовъ могло бы осуществиться и стать реальной силой. „Фантазія европейской республики,—пишетъ далѣе Энгельсъ,—или вѣчнаго мира при существованіи политической организаціи теперь такъ же смѣшна, какъ фраза объ объединеніи народовъ подъ эгидой всеобщей свободы торговли; всякія химерическія сентиментальности этого рода постепенно вы-

ходятъ изъ обращенія, а тѣмъ временемъ пролетаріи всѣхъ странъ, не придавая этому особаго значенія, уже фактически закладываютъ братскій союзъ подъ знаменемъ коммунистической демократіи. Только пролетаріи и могутъ это, потому что буржуазія въ каждой странѣ имѣетъ свои спеціальные интересы и не можетъ стать выше національной точки зрѣнія, такъ какъ для нея нѣтъ ничего болѣе высокаго, чѣмъ ея интересы; что касается немногихъ теоретиковъ со всѣми ихъ прекрасными „принципами", то они ничего не могутъ сдѣлать, такъ какъ они мирятся съ противорѣчивыми интересами, да и вообще со всѣмъ существующимъ, и не могутъ пойти дальше фразъ. У пролетаріевъ же интересы одинаковы во всѣхъ странахъ, у нихъ всюду одинъ и тотъ же врагъ, одна и та же борьба; въ массѣ своей пролетаріи уже по природѣ своей лишены національныхъ предразсудковъ, весь ихъ умственный укладъ и все ихъ движеніе по существу своему гуманитарны, антинаціональны. Только пролетаріи могутъ уничтожить національность, только пробуждающійся пролетаріатъ можетъ осуществить братство народовъ".

Здѣсь повторилось то же, что всюду: космополитическая, интернаціональная идея, бывшая неопредѣленнымъ предчувствіемъ у революціонныхъ идеологовъ буржуазіи и у великихъ утопистовъ, получаетъ у Маркса и Энгельса прочную, ясную, конкретную форму; они изслѣдовали, при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ она можетъ стать реальностью. Матеріалистическій методъ историческаго изслѣдованія указалъ имъ единственный ведшій впередъ путь, и они не задумались пойти по нему.

3. — Кризисъ въ Союзѣ Справедливыхъ.

Сношенія съ Союзомъ Справедливыхъ у Маркса и Энгельса завязались еще въ то время, когда Марксъ жилъ во Франціи, а Энгельсъ въ Англіи. Ихъ, однако,

не могъ удовлетворить тотъ идеологическій коммунизмъ равенства, который былъ доктриной Союза, и поэтому они тогда не вступили въ него.

За это время Союзъ развивался въ направленіи которое приближало его къ воззрѣніямъ Маркса и Энгельса. Самъ по себѣ Союзъ этотъ состоялъ изъ тѣхъ же элементовъ, что и Тайный Союзъ Вейтлинга въ Швейцаріи. Поскольку члены его принадлежали къ рабочему классу, они были почти исключительно ремесленниками, среди которыхъ преобладали портные. Въ 1847 году двѣ изъ парижскихъ общинъ состояли главнымъ образомъ изъ портныхъ, одна изъ мебельщиковъ. Эксплоататоромъ этихъ ремесленниковъ былъ мелкій хозяинъ, и сами они тоже надѣялись стать мелкими хозяевами. Одной ногой они еще стояли на почвѣ нѣмецкаго ремесла, которое въ свою очередь, насквозь было пропитано цеховыми предразсудками. Это были такіе же дѣльные люди, какъ приверженцы Вейтлинга въ Швейцаріи, но и имъ грозила та же участь, именно, застрять въ противорѣчіяхъ своего междуклассоваго положенія.

Вотъ какъ Энгельсъ описываетъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ Союза: „Шаперъ былъ человѣкъ богатырскаго роста, рѣшительный и энергичный, всегда готовый рискнуть и имуществомъ и жизнью; это былъ образецъ профессіональнаго революціонера, игравшаго роль во время тридцатыхъ годовъ. Мыслъ его была нѣсколько тяжела, но она могла усвоить и болѣе правильныя теоретическія воззрѣнія, о чемъ свидѣтельствуетъ уже эволюція его отъ демагога къ коммунисту; но того, что онъ разъ усвоилъ, онъ держался уже съ упорствомъ. Вотъ почему его революціонная страсть увлекала иногда его разсудокъ, но въ ошибкахъ своихъ онъ всегда убѣждался впослѣдствіи и открыто сознавался въ нихъ. Это былъ цѣльный человѣкъ, и то, что онъ сдѣлалъ для германскаго рабочаго движенія, не забудется. Гейнрихъ Бауеръ былъ сапожникомъ;

это былъ живой, бодрый, остроумный человѣчекъ, въ маленькой фигуркѣ котораго было скрыто много хитрости и рѣшимости. Къ нимъ присоединялся еще Іосифъ Молль, часовщикъ изъ Кельна; это былъ Геркулесъ небольшого роста, и вмѣстѣ съ Шаперомъ они не разъ побѣдоносно удерживали дверь подъ напоромъ сотенъ противниковъ; по энергіи и рѣшимости онъ во всякомъ случаѣ не уступалъ двумъ своимъ товарищамъ, но духовно онъ превосходилъ обоихъ. Онъ былъ не только природнымъ дипломатомъ, что видно изъ успѣха, которымъ увѣнчивались его многочисленныя дипломатическія поѣздки, но интересовался также и теоретическими вопросами. По способности къ теоретическому пониманію двое молодыхъ вождей стояли выше этихъ стариковъ: это былъ Карлъ Пфендеръ изъ Гейльбронна, (рисовалъ миніатюры) и портной Георгъ Эккаріусъ изъ Тюрингена; про перваго Энгельсъ говорилъ, что мысль его различаетъ удивительно тонкіе оттѣнки, остроумна, полна ироніи и сильна въ діалектикѣ.

Если сравнить статью Эккаріуса „О портныхъ въ Лондонѣ“, или какъ онъ еще назвалъ эту статью, „Борьба крупнаго капитала съ мелкимъ“, съ работами Вейтлинга, то съ перваго взгляда можно уже понять, почему Союзъ Справедливыхъ въ Лондонѣ не потерпѣлъ такой неудачи, какъ въ Швейцаріи. У Эккаріуса далеко не было такого литературнаго таланта, какъ у Вейтлинга, но если онъ много уступалъ ему въ этомъ отношеніи, то онъ стоялъ гораздо выше его въ пониманіи экономической структуры современнаго буржуазнаго общества. Онъ покончилъ уже съ чувствами, съ сентиментальной моральной и психологической критикой: въ побѣдѣ крупной промышленности надъ ремесломъ Эккаріусъ видитъ историческій прогрессъ, а въ результатахъ крупной промышленности онъ видитъ реальныя условія пролетарской революціи, условія, которыя созданы самой исторіей и ежедневно нарождаются вновь.

Когда Эккаріусъ писалъ свою статью, онъ уже

былъ ученикомъ Маркса. Здѣсь важно то обстоятельство, что именно тотъ Союзъ Справедливыхъ, который находился въ центрѣ міроваго рынка, понялъ историческій матеріализмъ. Съ тѣхъ поръ, какъ центръ тяжести его былъ перенесенъ изъ Парижа въ Лондонъ, Союзъ изъ германскаго постепенно превратился въ интернаціональный. Въ основанномъ имъ рабочемъ союзѣ, участвовали, кромѣ нѣмцевъ и швейцарцевъ, и представители другихъ національностей, которые въ сношеніяхъ съ иностранцами пользовались главнымъ образомъ нѣмецкимъ языкомъ: скандинавцы, голландцы, венгерцы, чехи, южные славяне, а также русскіе и англичане. Союзъ скоро назвалъ себя Коммунистическимъ рабочимъ союзомъ, а на членской картѣ былъ напечатанъ девизъ: „Всѣ люди братья“, по крайней мѣрѣ на двадцати языкахъ, при чемъ конечно, какъ замѣчаетъ Энгельсъ, иногда не безъ ошибокъ. Интернаціональный характеръ публичнаго союза повліялъ на характеръ тайнаго союза; практически здѣсь вліяла національность членовъ, теоретически же—убѣжденіе въ томъ, что революція можетъ побѣдить только тогда, когда она станетъ европейской. Союзъ Справедливыхъ принималъ живое участіе въ интернаціональныхъ митингахъ политическихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ, гдѣ обыкновенно праздновались годовщины памятныхъ дней великой французской революціи.

Одновременно съ этимъ общественная доктрина Союза переросла грубый коммунизмъ равенства. Она прошла различныя фазы англійско-французскаго соціализма и нѣмецкой философіи. Въ органахъ Вейтлинга Шапперъ и товарищи его писали корреспонденціи о колоніяхъ Овэна, которыя, при всей утопичности своей, должны были облегчить пониманіе особенностей крупной промышленности. Въ то время какъ Августъ Бекеръ обмѣнивался въ Швейцаріи нѣжными взглядами съ нѣмецкимъ католицизмомъ, Бауэръ, Молль и Шаперъ обратились съ открытымъ письмомъ къ Ронге,

въ которомъ они съ мѣткой ироніей раздѣлывались съ новымъ апостоломъ. „Ты основываешь новую національную церковь. Іисусъ Христосъ не основалъ національной церкви. Чтобы сдѣлать церковь національной, ты изгоняешь изъ мессы латинскіе псалмы и вводишь нѣмецкіе. Люди теперь будутъ понимать, что поется въ мессѣ, но развѣ не станетъ еще скучнѣе слушать каждое воскресенье, каждый день, то, что уже понятно? Что выиграетъ вѣрующій, любознательный, бѣдный, угнетенный отъ того, что вы теперь въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ будете произносить по-нѣмецки тѣ слова, которыя уже тысячу лѣтъ во всемъ мірѣ ежедневно произносятся по-латыни?“ и т. д. Когда Вейтлингъ прибылъ въ Лондонъ, онъ не могъ понять руководителей Союза. Онъ уже слишкомъ сильно проникся своимъ пророческимъ настроеніемъ, а они уже далеко за собой оставили религіозный утопизмъ. Но зато и имъ не удалось и не могло удаться развить тайное ученіе Союза дальше, сдѣлать изъ него нѣчто большее, чѣмъ смѣсь нѣмецкой философіи и англо-французскаго соціализма.

Здѣсь то имѣла рѣшающее значеніе дѣятельность Маркса и Энгельса, установившихъ, что только научное пониманіе экономической структуры буржуазнаго общества можетъ послужить прочной теоретической основой; они объяснили въ популярной формѣ, что рѣчь идетъ не о проведеніи какой-нибудь утопической системы, но о сознательномъ участіи въ томъ историческомъ процессѣ общественныхъ измѣненій, которыя происходятъ у насъ на глазахъ. Къ сожалѣнію, тѣ литографированныя и печатныя статьи, о которыхъ Марксъ говоритъ, что онѣ именно въ этомъ направленіи дѣйствовали на развитіе Союза, не сохранились; во всякомъ случаѣ, когда Марксъ и Энгельсъ не сразу согласились вступить въ Союзъ, Молль заявилъ, что центральное правленіе предполагаетъ созвать союзный конгрессъ въ Лондонѣ, гдѣ высказанныя ими критическія воз-

зрѣнія будутъ включены въ публичный манифестъ, излагающій доктрину Союза, что, въ виду противодѣйствія устарѣлыхъ элементовъ Союза, личное содѣйствіе Маркса и Энгельса тутъ ничѣмъ не можетъ быть замѣнено, и что содѣйствіе это связано съ необходимостью вступить въ Союзъ. Послѣ этого у нихъ уже не было основаній колебаться, тѣмъ болѣе, что оба они были убѣждены въ необходимости организаціи нѣмецкаго рабочаго класса, а при тогдашнихъ условіяхъ такая организація могла быть только тайной.

Первый союзный конгрессъ состоялся въ Лондонѣ лѣтомъ 1847 года. Марксъ не участвовалъ въ немъ, Энгельсъ же былъ на немъ представителемъ парижскихъ, а Вольфъ—брюссельскихъ общинъ. Конгрессъ прежде всего выработалъ новый организаціонный уставъ Союза. Онъ устранилъ все, что напоминало о старыхъ конспиративныхъ тенденціяхъ, и придалъ Союзу характеръ пропагандистскаго общества, основаннаго на вполнѣ демократическихъ принципахъ. Въ первой статьѣ цѣль Союза была формулирована такъ: „сверженіе буржуазіи, господство пролетаріата, уничтоженіе стараго общества, основаннаго на классовыхъ противорѣчіяхъ и основаніе новаго общества безъ классовъ и безъ частной собственности.“ Въ качествѣ коммунистическаго союза онъ имѣлъ такія организаціи: общины, округа, руководящіе округа, центральное управленіе и конгрессъ. Въ статутахъ о нихъ опредѣлено было слѣдующее: каждая община состоитъ минимально изъ трехъ, максимально изъ двадцати членовъ. Въ округъ входитъ не менѣе двухъ, но не болѣе десяти общинъ. Различные округа какой-нибудь области или города подчиняются одному руководящему округу. Правленію округа принадлежитъ исполнительная власть по отношенію ко всѣмъ общинамъ округа, руководящему округу принадлежитъ исполнительная власть по отношенію ко всѣмъ округамъ его области; онъ сносится съ этими округами и центральнымъ правленіемъ.

Центральному правленію принадлежитъ исполнительная власть по отношенію ко всему Союзу, и оно обязано давать отчетъ конгрессу. Центральное правленіе состоитъ не менѣе, чѣмъ изъ пяти членовъ и избирается правленіемъ округа того мѣста, гдѣ состоится конгрессъ; каждые три мѣсяца оно составляетъ отчетъ о состояніи всего Союза. Общины и правленія округовъ, равно какъ центральное управленіе собираются не менѣе, чѣмъ разъ въ четырнадцать дней. Члены правленій округовъ и центральнаго правленія избираются на одинъ годъ, послѣ чего могутъ быть избраны вновь; избиратели могутъ смѣстить ихъ во всякое время. Конгрессу принадлежитъ законодательная власть Союза. Каждый округъ, насчитывающій менѣе тридцати членовъ, посылаетъ одного депутата, каждый округъ, насчитывающій до шестидесяти членовъ—двухъ депутатовъ, до девяноста—трехъ и т. д. Конгрессъ собирается въ августѣ каждаго года и послѣ каждой сессіи отъ имени партіи издаетъ манифестъ.

Что касается финансовъ Союза, то конгрессъ опредѣляетъ по областямъ минимальные членскіе взносы. Взносы эти распредѣляются поровну между центральнымъ правленіемъ и окружнымъ или общиннымъ правленіемъ. Денежныя средства союза употребляются только для цѣлей пропаганды: на покрытіе почтовыхъ расходовъ, на печатаніе и распространеніе прокламацій, на разсылку эмиссаровъ. Наряду съ признаніемъ коммунизма статуты требуютъ отъ каждаго члена „революціоннаго усердія и энергіи въ пропагандѣ", но подробно о характерѣ этой пропаганды ничего не говорятъ. Практически придерживались того метода, который былъ уже испытанъ Союзомъ Справедливыхъ. На первомъ планѣ въ дѣятельности членовъ Союза стояло образованіе публичныхъ рабочихъ образовательныхъ союзовъ. Эти союзы одинъ вечеръ въ недѣлю посвящали обсужденію какихъ-нибудь вопросовъ, а другой—пріятному времяпрепровожденію: пѣнію, декламаціи.

Они учреждали библіотеки, а тамъ, гдѣ это было возможно—классы для преподаванія рабочимъ элементарныхъ познаній. Тайный союзъ, стоявшій за этими публичными союзами и руководившій ими, пользовался этими учрежденіями, какъ наиболѣе удобнымъ средствомъ публичной пропаганды, и здѣсь находилъ новыхъ членовъ и распространялся. Такъ какъ нѣмецкіе ремесленники много странствовали, то центральному правленію только въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ посылкѣ спеціальныхъ эмиссаровъ.

Новый уставъ былъ представленъ на разсмотрѣніе отдѣльныхъ общинъ и былъ потомъ принятъ на слѣдующемъ конгрессѣ, также состоявшемся въ Лондонѣ въ ноябрѣ-декабрѣ 1847 года. „Отъ имени второго конгресса осенью 1847 года“ уставъ этотъ изготовленъ предсѣдателемъ конгресса Шапперомъ и секретаремъ конгресса Энгельсомъ. Въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ конгрессомъ произошелъ еще одинъ знаменательный инцидентъ. Кабе, занятый въ то время выселеніемъ коммунистовъ въ свою Икарію, обратился за помощью и поддержкой къ Коммунистическому рабочему союзу въ Лондонѣ. Отвѣтъ Союза свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ уже очень хорошо выяснилъ себѣ задачи современнаго пролетаріата. Онъ отдаетъ Кабе должную дань уваженія, признаетъ, что Кабе съ неутомимымъ усердіемъ, съ удивительной настойчивостью борется въ интересахъ страждущаго человѣчества, что онъ оказалъ пролетаріату неоцѣнимую услугу, предостерегши его отъ всякой конспираціи. Союзъ, однако, находитъ, что выселеніе—это ложный путь; онъ весьма основательно доказываетъ, что исполненіе этого плана принесетъ величайшій вредъ принципамъ коммунизма, что оно приведетъ къ тріумфу правительствъ и омрачитъ горькимъ разочарованіемъ послѣдніе дни Кабе. Онъ старается, чтобы Кабе правильнѣе понялъ дѣло: разъ коммунисты признаютъ принципъ личной свободы, то для нихъ осуществленіе общ-

ности имуществъ безъ переходнаго періода, и при томъ такого демократическаго переходнаго періода, въ теченіе котораго частная собственность постепенно будетъ превращаться въ общественную, такъ же невозможно, какъ жатва крестьянина безъ посѣва. Кабе еще лично ѣздилъ въ Лондонъ, и въ теченіе недѣли дебатировалъ тамъ съ нѣмецкими коммунистами, но не сумѣлъ ихъ склонить къ своей утопіи.

Главной задачей второго конгресса было установить въ манифестѣ доктрину Союза. Предложенный Марксомъ и Энгельсомъ проектъ обсуждался нѣмецкими, французскими, англійскими, бельгійскими и швейцарскими рабочими, представленными на конгрессѣ, въ теченіе десяти дней; когда всѣ сомнительные пункты были окончательно выяснены, авторамъ было дано единогласное порученіе разработать этотъ проектъ манифеста для печати. Прежній сентиментальный лозунгъ „Всѣ люди—братья“ былъ замѣненъ новымъ боевымъ кликомъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“ Въ февралѣ 1848 года „Коммунистическій манифестъ“ вышелъ изъ печати, а скоро были уже напечатаны переводы его на англійскій, французскій, датскій и польскій языки. Знамя современнаго научнаго коммунизма была водружено.

Глава пятнадцатая.

Коммунистическій манифестъ.

„Коммунистическій“ манифестъ представляетъ собою классическую по формѣ своей сводку тѣхъ результатовъ, къ которымъ привели Маркса и Энгельса ихъ практическая борьба и теоретическія изслѣдованія.

Этотъ манифестъ представляетъ собой настоящій историческій документъ, историческій въ томъ смыслѣ, что въ отличающей его формѣ онъ могъ по-

явиться только въ тотъ историческій моментъ, когда онъ дѣйствительно появился. Только при знакомствѣ съ моментомъ его появленія, можно увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ тотъ богатый міръ мыслей, который набросанъ на этихъ немногихъ страницахъ. Если онъ пережилъ пять десятилѣтій, если онъ пережилъ столько программъ и системъ, предназначенныхъ просуществовать вѣчность, если въ вѣкъ громаднѣйшихъ переворотовъ онъ становится все въ большей и большей мѣрѣ общимъ знаменемъ всеміpнаго пролетаріата, то этотъ всемірно-историческій успѣхъ объясняется той проницательностью, съ какой авторы его поняли процессъ развитія современнаго буржуазнаго общества, той умѣлостью, которую они обнаружили при объясненіи его въ такой моментъ, когда это общество находилось еще въ стадіи своего возникновенія.

Основа манифеста — это историческій матеріализмъ. Основная мысль его та, что экономическое производство и съ необходимостью изъ него вытекающее расчлененіе общества любого историческаго періода представляютъ собой основу политической и интеллектуальной исторіи этого періода, что въ соотвѣтствіи съ этимъ вся исторія есть исторія классовой борьбы, борьбы эксплоатируемыхъ съ эксплоататорами, угнетенныхъ съ угнетателями, исторія этой борьбы на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, но что въ современномъ буржуазномъ обществѣ борьба эта достигла такой ступени, что эксплоатируемый и угнетенный классъ, пролетаріатъ, не можетъ освободиться отъ эксплоатирующаго и угнетающаго класса, буржуазіи, не освободивъ при томъ навсегда и всего общества отъ эксплоатаціи, угнетенія и классовой борьбы. Съ тѣхъ поръ новыя изслѣдованія, въ которыхъ Марксъ и Энгельсъ приняли участіе, раскрыли и неписанную исторію человѣчества, и явилась необходимость внести въ эту основную мысль одну поправку, единственную поправку: первоначально земля была общею собственностью, и

только съ уничтоженіемъ этой общей собственности началось раздѣленіе общества на классы.

Въ первомъ своемъ отдѣлѣ „Буржуазія и пролетаріатъ" манифестъ бѣгло описываетъ, какъ современная буржуазія возникла исторически, какъ продуктъ длиннаго процесса историческаго развитія, цѣлаго ряда переворотовъ въ способахъ производства и средствахъ сообщенія. „Каждая изъ этихъ ступеней развитія буржуазіи сопровождалась соотвѣтствующими ей политическими завоеваніями. Буржуазія, которая представляла собой то угнетенное подъ игомъ феодаловъ сословіе, то вооруженную и самоуправляющуюся ассоціацію въ городской коммунѣ; буржуазія, которая здѣсь была независимой городской республикой, тамъ— третьимъ податнымъ сословіемъ монархическаго государства; которая явилась затѣмъ противовѣсомъ дворянству въ монархіи абсолютной или ограниченной сословнымъ представительствомъ; буржуазія, вообще послужившая главной основой большихъ монархій, завоевала себѣ, наконецъ, съ появленіемъ крупной промышленности и всемірнаго рынка исключительную политическую власть въ новѣйшемъ конституціонномъ государствѣ. Современная государственная власть есть не болѣе, какъ комитетъ, избранный для завѣдыванія общественными дѣлами буржуазіи". [1]

Рѣзкими штрихами манифестъ обрисовываетъ въ высокой степени революціонную роль буржуазіи въ исторіи. Тамъ, гдѣ она получила господство, она уничтожила всѣ феодальныя, патріархальныя идиллическія отношенія. Эксплоатацію, прикрытую религіозными и политическими иллюзіями, она замѣнила эксплоатаціей откровенной, безстыдной, непосредственной и грубой. Она сорвала ореолъ святости, которымъ до сихъ поръ были окружены занятія, почтенныя и благого-

---

[1] Примѣчаніе. „Коммунистическій маниф." тутъ и ниже цитируется большею частью по переводу Г. В. Плеханова.
Переводчикъ.

вѣйно почитаемыя. Врача, юриста, священника, поэта, человѣка науки,—всѣхъ она превратила въ своихъ наемниковъ и поденщиковъ. Она не можетъ существовать, не революціонизируя непрерывно орудія производства, т. е. производственныя отношенія, а, слѣдовательно, и всѣ общественныя отношенія; она представляетъ собой, такимъ образомъ, противоположность всѣмъ прежнимъ промышленнымъ классамъ, первымъ условіемъ существованія которыхъ было сохраненіе стараго способа производства въ неизмѣнномъ видѣ. Она устраняетъ все сословное и неподвижное, оскверняетъ все священное, и людямъ приходится такимъ образомъ трезво взглянуть на свое положеніе въ жизни, на свои взаимныя отношенія.

Потребность во все возрастающемъ сбытѣ для своихъ продуктовъ заставляетъ буржуазію обѣгать весь земной шаръ. Своей эксплоатаціей мірового рынка она придала космополитическій характеръ производству и потребленію всѣхъ странъ. Прежняя мѣстная и національная замкнутость и удовлетвореніе потребностей собственными силами замѣняются всестороннимъ обмѣномъ и полной взаимной зависимостью народовъ какъ въ области матеріальнаго производства, такъ и въ области умственнаго труда. Быстро совершенствуя всѣ орудія производства, безконечно облегчая способы и пути сообщенія, буржуазія увлекаетъ въ лоно цивилизаціи и варварскіе народы. Дешевизна ея товаровъ это та тяжелая артиллерія, которой она сноситъ до основанія всѣ китайскія стѣны и вынуждаетъ капитулировать самую упорную вражду къ чужеземцамъ со стороны варварскихъ народовъ. Вынуждая всѣ народы усвоить характеризующіе ее способы производства, буржуазія перестраиваетъ міръ по подобію своему.

Всю остальную страну буржуазія подчинила господству города. Она создала огромные города и спасла такимъ образомъ значительную часть населенія отъ отупляющаго дѣйствія деревенской жизни. Она ску-

чила населеніе, централизовала орудія производства, концентрировала собственность въ рукахъ немногихъ. Необходимымъ послѣдствіемъ этого была и политическая централизація. За періодъ своего классоваго господства, не обнимающаго и ста лѣтъ, буржуазія создала болѣе колоссальныя производительныя силы и при томъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ всѣ предшествовавшія поколѣнія, вмѣстѣ взятыя. Подчиненіе силъ природы, машины, примѣненіе химіи въ промышленности и земледѣліи, пароходство, желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы, распространеніе земледѣльческой культуры на цѣлыя части свѣта, приспособленіе рѣкъ къ пароходству, неожиданный и быстрый ростъ населенія въ разныхъ мѣстахъ — какое изъ предшествовавшихъ столѣтій могло думать, что такія производительныя силы таятся въ нѣдрахъ общественнаго труда!

Однако современное буржуазное общество, какъ бы волшебствомъ создавшее такія грандіозныя средства производства и сообщеній, напоминаетъ того волшебника, который потерялъ власть надъ тѣми адскими силами, которыя вызваны его собственными заклинаніями. То оружіе, которымъ буржуазія разбила феодализмъ, направлено теперь противъ нея самой. Когда-то средства производства и сообщенія, на основѣ которыхъ выросла буржуазія, разрушили феодальныя отношенія собственности; современныя производительныя силы уже тоже въ теченіе десятковъ лѣтъ ведутъ борьбу съ современными отношеніями производства, съ современными отношеніями собственности, съ жизненными условіями существованія буржуазіи и ея господства. Періодическое повтореніе торговыхъ кризисовъ все болѣе угрожаетъ существованію всего буржуазнаго общества. Во время промышленныхъ кризисовъ обнаруживается эпидемія, которая во всѣ предшествовавшія эпохи показалась бы нелѣпостью, — эпидемія перепроизводства. Общество вдругъ впадетъ въ состояніе

какого-то современнаго варварства, и причиной этого является то, что общество слишкомъ цивилизовано, что у него слишкомъ много средствъ существованія, слишкомъ сильно развиты промышленность и торговля. Буржуазныя отношенія оказались слишкомъ узкими для созданнаго богатства. Буржуазія можетъ справиться съ промышленными кризисами или путемъ вынужденнаго уничтоженія массы производительныхъ силъ, или путемъ завоеванія новыхъ рынковъ и болѣе основательной эксплоатаціи старыхъ, т. е. путемъ подготовки болѣе всестороннихъ и болѣе грандіозныхъ кризисовъ и путемъ уменьшенія способовъ предотвратить кризисы.

„Но буржуазія не только выковала то оружіе, которое нанесетъ ей смертельный ударъ, она породила также и людей, которые направятъ это оружіе: современныхъ работниковъ, пролетаріевъ, которые только до тѣхъ поръ и могутъ существовать, пока они находятъ работу, и которые находятъ работу только до тѣхъ поръ, пока трудъ ихъ приноситъ прибыль капиталу". Въ сжатыхъ выраженіяхъ и на основаніи предшествовавшихъ изслѣдованій Маркса и Энгельса, манифестъ описываетъ возникновеніе и развитіе современнаго пролетаріата. Особенно подчеркивается то обстоятельство, что коллизіи, которыя приходится переживать современному обществу въ разныхъ отношеніяхъ, благопріятствуютъ ходу развитія пролетаріата. „Буржуазія ведетъ постоянную борьбу: сначала — противъ аристократіи, потомъ — противъ тѣхъ слоевъ своего класса, интересамъ которыхъ противорѣчитъ развитіе крупной промышленности; борьба ея противъ буржуазіи другихъ государствъ не прекращается никогда. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ буржуазія вынуждена обращаться къ пролетаріату, просить его помощи и толкать его такимъ образомъ на путь политическихъ движеній. Она сообщаетъ, слѣдовательно, пролетаріату свое политическое воспитаніе, т. е., вру-

чаетъ ему оружіе противъ самой себя. Кромѣ того, по мѣрѣ развитія крупной промышленности, цѣлые слои господствующаго класса переходятъ въ ряды пролетаріата, или, по крайней мѣрѣ, подвергаются опасности потерять свое общественное положеніе. Они также являются воспитательнымъ элементомъ въ средѣ пролетаріата. Наконецъ, въ тѣ періоды, когда борьба классовъ близится къ развязкѣ, процессъ разложенія внутри стараго общества достигаетъ такой сильной степени, что нѣкоторая часть господствующаго сословія отдѣляется отъ него и примыкаетъ къ революціонному классу; это — тѣ буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретическаго пониманія всего хода историческаго движенія".

„Изъ всѣхъ классовъ, которые противостоятъ теперь буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собой дѣйствительно революціонный классъ. Всѣ прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются съ развитіемъ крупной промышленности, пролетаріатъ же именно ею и создается. Средніе слои, мелкіе купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне—всѣ они борются противъ буржуазіи, чтобы отстоять свое существованіе, какъ среднихъ слоевъ. Слѣдовательно, они не революціонны, а реакціонны; они стремятся повернуть назадъ колесо исторіи. Если они имѣютъ революціонное значеніе, то лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, а будущіе свои интересы. Босяцкій пролетаріатъ, этотъ пассивный продуктъ разложенія самыхъ низкихъ слоевъ стараго общества, мѣстами вовлекается въ революціонное движеніе пролетаріата, но по всей своей жизненной обстановкѣ онъ гораздо болѣе склоненъ продавать себя для реакціонныхъ козней".

„Всѣ до сихъ поръ возникавшія движенія были движеніями меньшинства или совершались въ интересахъ меньшинства. Движеніе пролетаріата есть самостоя-

тельное движеніе огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства. Пролетаріатъ, самый низшій слой современнаго общества, не можетъ подняться, не можетъ выпрямиться, не повергая въ прахъ всю возвышающуюся надъ нимъ надстройку изъ слоевъ, образующихъ офиціальное общество. Если не по сущности, то по формѣ, борьба пролетаріата противъ буржуазіи есть прежде всего борьба національная. Пролетаріатъ каждой страны, естественно, долженъ прежде всего покончить со своей собственной буржуазіей". Развитіе пролетаріата это — болѣе или менѣе скрытая междоусобная война внутри существующаго общества; это продолжается до тѣхъ поръ, пока она не перейдетъ въ открытую революцію, и пролетаріатъ, насильственно свергнувъ буржуазію, не захватитъ господства въ свои руки.

Очертивъ такимъ образомъ процессъ измѣненій современнаго буржуазнаго общества, манифестъ въ концѣ перваго отдѣла даетъ сжатое резюмэ его: „Всѣ донынѣ существовавшіе виды общественнаго устройства основывались на противоположности угнетаемыхъ и угнетающихъ классовъ. Но чтобы угнетать извѣстный классъ, нужно создать условія, среди которыхъ онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, поддерживать свое подневольное существованіе. Напротивъ, современный рабочій все болѣе опускается ниже условій существованія своего собственнаго класса. Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство. Буржуазія не способна къ господству, потому что она не можетъ обезпечить своему рабу даже его рабское существованіе, потому что она вынуждена была довести его до такого состоянія, въ которомъ она должна кормить его вмѣсто того, чтобы существовать на его счетъ. Общество не можетъ болѣе жить подъ ея властью; другими словами, жизнь буржуазіи несовмѣстима болѣе съ жизнью общества. Господство буржуазіи основано на существованіи наем-

наго труда. Наемный трудъ основанъ на конкуренціи рабочихъ между собою. Прогрессъ промышленности, носителемъ котораго не можетъ не быть буржуазія, ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ посредствомъ конкуренціи революціонное объединеніе ихъ посредствомъ ассоціаціи; онъ лишаетъ буржуазію той основы, на которой зиждется ея производство и присвоеніе продуктовъ. Пораженіе буржуазіи и побѣда пролетаріата одинаково неизбѣжны".

Во второмъ отдѣлѣ манифестъ разсматриваетъ отношеніе коммунистовъ къ пролетаріямъ: „По отношенію къ другимъ рабочимъ партіямъ коммунисты не представляютъ собой какой-либо особой партіи. У нихъ нѣтъ такихъ интересовъ, которые не были бы интересами всего пролетаріата. Они не выставляютъ никакихъ особыхъ принциповъ, по которымъ они бы хотѣли сформировать пролетарское движеніе. Отъ другихъ пролетарскихъ партій коммунисты отличаются только тѣмъ, что съ одной стороны, въ движеніи пролетаріевъ разныхъ націй они выдѣляютъ и отстаиваютъ общіе, независимые отъ національности интересы всего пролетаріата; съ другой стороны, тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуазіи, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ его цѣломъ. Такимъ образомъ въ практическомъ отношеніи коммунисты всегда представляютъ наиболѣе рѣшительную и дальше всѣхъ идущую изъ рабочихъ партій всѣхъ странъ; въ теоретическомъ отношеніи они имѣютъ то преимущество передъ остальной массой пролетаріата, что понимаютъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія. Ближайшая цѣль коммунистовъ ничѣмъ не отличается отъ ближайшихъ цѣлей всѣхъ другихъ рабочихъ партій: организація пролетаріата, какъ класса, сверженіе господства буржуазіи, завоеваніе пролетаріатомъ политической власти".

Манифестъ въ блестящихъ выраженіяхъ указы-

ваетъ на то, что „теоретическія положенія коммунистовъ ни въ какомъ случаѣ не основываются на идеяхъ и принципахъ, придуманныхъ какимъ-нибудь міровымъ реформаторомъ, но что они вытекаютъ изъ фактическихъ отношеній существующей классовой борьбы. Это указаніе представляетъ собой исчерпывающій отвѣтъ на всѣ возраженія, которыя буржуазія уже въ теченіе пятидесяти лѣтъ выставляетъ противъ научнаго коммунизма. Всѣ ея крики объ уничтоженіи личнаго заработка, лично заработанной собственности основаны на иллюзіи, общей у буржуазіи со всѣми сошедшими со сцены господствующими классами. Та самая буржуазія, которая упразднила феодальную собственность, которая ничего не говоритъ противъ того, что ея способы производства ежедневно уничтожаютъ мелкую буржуазную и мелкую крестьянскую собственность, опоэтизировала въ видѣ вѣчныхъ естественныхъ и логическихъ законовъ свойственныя ей отношенія собственности и производства, которыя фактически являются историческими, преходящими въ ходѣ производства отношеніями. То, что она можетъ понять, когда рѣчь идетъ объ античной или феодальной собственности, становится ей непонятнымъ, когда рѣчь заходитъ о современной частной собственности; она не можетъ понять, что она историческій продуктъ и подлежитъ извѣстному историческому процессу. Уничтоженіе прежнихъ отношеній собственности вовсе не есть нѣчто спеціально свойственное коммунизму. Французская революція уничтожила феодальную собственность, потому что она стала несовмѣстимой съ ходомъ историческаго развитія общества; на томъ же историческомъ основаніи коммунисты хотятъ упразднить современную буржуазную частную собственность. Но поскольку эта собственность представляетъ собой последнее и наиболѣе полное выраженіе такого способа производства и присвоенія продуктовъ, который основанъ на классовыхъ противорѣчіяхъ, на эксплоатаціи

однихъ другими, постольку коммунисты могутъ свою теорію формулировать, какъ уничтоженіе частной собственности.

Но это будто бы уничтожаетъ основу для личной свободы, личной дѣятельности, личной самостоятельности. Однако, въ существующемъ обществѣ частная собственность упразднена для девяти десятыхъ его членовъ; частная собственность именно потому и существуетъ, что для девяти десятыхъ ея фактически нѣтъ. Въ современной своей формѣ частная собственность основана на противоположности между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Капиталъ представляетъ собой не чью-либо личную, а общественную силу. Капиталъ есть продуктъ общественнаго труда и можетъ быть употребленъ въ дѣло лишь совокупными усиліями многихъ, а въ послѣднемъ счетѣ даже всѣхъ членовъ общества. Если капиталъ будетъ обращенъ въ общественную, всѣмъ гражданамъ принадлежащую собственность, то это не будетъ превращеніемъ частной собственности въ общественную. Измѣнится только общественный характеръ собственности, такъ какъ она потеряетъ свой классовый характеръ.

То, что наемный рабочій присваиваетъ себѣ путемъ своей дѣятельности, не даетъ ему никакой собственности, а достаточно только для воспроизводства его жалкой жизни. Коммунисты вовсе не хотятъ уничтожить это личное присвоеніе продуктовъ труда для воспроизводства непосредственной жизни, то присвоеніе, послѣ котораго не остается никакого чистаго дохода, могущаго дать власть надъ чужимъ трудомъ. Они хотятъ уничтожить только нищенскій характеръ этого присвоенія, характеризующійся тѣмъ, что рабочій живетъ только для умноженія чужого капитала, и живетъ только постольку, поскольку этого требуетъ интересъ господствующаго класса. „Въ буржуазномъ обществѣ живой трудъ является только средствомъ увеличить накопленный трудъ. Въ коммунистиче-

скомъ обществѣ накопленный трудъ есть только средство, способствующее расширенію и обогащенію сферы жизни рабочаго и его удобствъ. Такимъ образомъ въ буржуазномъ обществѣ прошедшее господствуетъ надъ настоящимъ, въ коммунистическомъ—настоящее надъ прошедшимъ. Въ буржуазномъ обществѣ капиталъ обладаетъ самостоятельностью и индивидуальностью, между тѣмъ какъ трудящійся индивидуумъ является несамостоятельнымъ и обезличеннымъ". Вообще всѣ эти рѣчи въ защиту свободы и личности имѣютъ толко въ виду свободу и личность буржуа. Буржуазныя бравады въ защиту свободы имѣютъ смыслъ лишь по отношенію къ несвободному барышничеству, къ подневольному положенію средневѣковыхъ горожанъ а не тогда, кокда рѣчь идетъ о коммунистическомъ уничтоженіи барышничества, буржуазныхъ условій производства и самой буржуазіи. Коммунизмъ никому не помѣшаетъ присваивать себѣ общественные продукты, онъ устранитъ только возможность пользоваться этимъ присвоеніемъ для подчиненія чужого труда.

Затѣмъ манифестъ останавливается на упрекахъ въ томъ, что коммунисты хотятъ уничтожить семью и отечество. Онъ доказываетъ, что буржуазная семья основана на капиталѣ и частномъ заработкѣ, что въ полномъ своемъ развитіи семья существуетъ только для буржуазіи, и что она дополняется вынужденной безсемейностью пролетаріевъ и публичной проституціей. Буржуазные разговоры о семьѣ и воспитаніи тѣмъ отвратительнѣе, что крупная промышленность все больше и больше разрываетъ семейныя узы въ пролетарской семьѣ, превращая дѣтей въ простой предметъ торговли и въ рабочіе инструменты. Ѣдкой ироніей отвѣчаетъ манифестъ на высоко-моральное возмущеніе буржуазіи яко-бы оффиціальной общностью женъ у коммунистовъ, между тѣмъ какъ послѣдніе вмѣстѣ съ современными отношеніями производства

хотятъ устранить оффиціальную и неоффиціальную проституцію буржуазнаго общества.

У рабочихъ не только нѣтъ семьи, но нѣтъ и отечества. Нельзя лишить ихъ того, чего у нихъ нѣтъ. Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организоваться въ одинъ національный классъ, устроиться въ предѣлахъ націи, пролетаріатъ еще остается національнымъ, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово буржуазія. Національная обособленность и противоположность интересовъ различныхъ народовъ уже теперь все болѣе и болѣе исчезаютъ, благодаря свободѣ торговли, всемірному рынку, однообразію способовъ производства и соотвѣтствующихъ имъ жизненныхъ отношеній. Господство пролетаріата еще болѣе ускоритъ ихъ исчезновеніе. Соединеніе усилій, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ странъ есть одно изъ первыхъ условій освобожденія пролетаріата. Въ той же степени, въ какой будетъ уничтожена эксплоатація одного индивидуума другимъ, уничтожится и эксплоатація одной націи другою. Вмѣстѣ съ антагонизмомъ классовъ внутри націй падутъ и враждебныя отношенія націй между собой.

Обвиненій, выставляемыхъ противъ коммунизма съ идеологической, философской и религіозной точекъ зрѣнія, манифестъ не разсматриваетъ въ отдѣльности. Вмѣстѣ съ условіями жизни человѣчества, вмѣстѣ съ ихъ общественными отношеніями, мѣняются ихъ представленія и понятія, мѣняется, словомъ, и ихъ сознаніе. Вмѣстѣ съ матеріальнымъ производствомъ измѣняется и умственная дѣятельность ихъ; господствующія идеи какого нибудь періода это только идеи класса, господствующаго въ теченіе этого періода. Когда говорятъ объ идеѣ, революціонизирующей все общество, то этимъ констатируется только тотъ фактъ, что внутри стараго общества образовались элементы новаго, что рука объ руку съ исчезновеніемъ прежнихъ отношеній идетъ и исчезновеніе устарѣвшихъ

идей: „Когда христіанскія идеи уступали мѣсто просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка, феодальное общество вело борьбу на жизнь и на смерть съ революціонной тогда буржуазіей. Идеи свободы совѣсти и религіи выражали собой лишь господство свободной конкурренціи въ области знанія". Но могутъ возразить, что существуютъ вѣчныя истины, какъ свобода, справедливость и т. д., что онѣ общи всѣмъ ступенямъ общественнаго развитія, что онѣ, правда, измѣнялись въ ходѣ историческаго развитія, но существовали во все время этого развитія, и что коммунизмъ не можетъ ихъ устранить, не становясь противъ историческаго развитія; на это манифестъ отвѣчаетъ простымъ указаніемъ на то, что эксплоатація одной части общества другою въ различныя времена принимала различныя формы, но была явленіемъ общимъ всѣмъ прошедшимъ столѣтіямъ. „Неудивительно поэтому, что общественное сознаніе всѣхъ вѣковъ, несмотря на всѣ различія и все разнообразія, вращалось до сихъ поръ въ извѣстныхъ общихъ формахъ, которыя исчезнутъ совершенно лишь съ полнымъ уничтоженіемъ противоположности классовъ". Коммунистическая революція не только радикальнѣйшимъ образомъ разрываетъ съ традиціонными отношеніями собственности, но и съ традиціонными идеями.

Давъ такой рѣшительной отпоръ всѣмъ возраженіямъ, выставляемымъ противъ коммунизма, манифестъ возвращается къ ходу пролетарской революціи. Первый шагъ ея заключается въ томъ, что пролетаріатъ становится господствующимъ классамъ, завоевываетъ демократическій строй. Своею властью пролетаріатъ воспользуется для того, чтобы постепенно лишать буржуазію ея капитала и централизовать всѣ орудія производства въ рукахъ государства, т. е. въ рукахъ пролетаріата, организованнаго въ господствующій классъ, наконецъ, для того, чтобы возможно скорѣе увеличить количество производительныхъ силъ

Первоначально этого можно будетъ достигнуть только путемъ деспотическаго вторженія въ права собственности и въ буржуазныя отношенія производства, т. е., при помощи такихъ мѣръ, которыя съ экономической точки зрѣнія представляются недостигающими цѣли и непріемлемыми; но въ ходѣ этого движенія они перерастутъ сами себя, да къ тому же они неизбѣжны, какъ средство преобразованія всего способа производства. Эти мѣры, конечно, въ различныхъ странахъ будутъ различны. Въ передовыхъ странахъ, полагаетъ манифестъ, можно будетъ почти всюду примѣнить слѣдующія мѣры: экспропріація поземельной собственности и обращеніе поземельной ренты на покрытіе государственныхъ расходовъ, высокій-прогрессивно-подоходный налогъ, уничтоженіе права наслѣдства, конфискація имущества всѣхъ эмигрантовъ и бунтовщиковъ, централизація кредита и перевозочныхъ средствъ въ рукахъ государства, увеличеніе числа государственныхъ фабрикъ и орудій производства; воздѣлываніе и улучшеніе полей по общему плану, одинаковая обязательность труда для всѣхъ, учрежденіе армій труда, постепенное уничтоженіе различій между городомъ и деревней, общественное и даровое воспитаніе всѣхъ дѣтей, соединеніе воспитанія съ матеріальнымъ производствомъ и т. д.

Когда современемъ уничтожатся различія классовъ, и все производство сосредоточится въ рукахъ ассоціацій, общественная власть потеряетъ свой политическій характеръ. Политическая власть въ собственномъ смыслѣ слова есть организованная сила одного класса, имѣющая цѣлью подчиненіе другого класса. Если пролетаріатъ въ борьбѣ своей противъ буржуазіи объединяется какъ классъ, достигаетъ путемъ революціи господства и, какъ господствующій классъ, насильственно уничтожаетъ старыя условія производства, то этимъ онъ уничтожаетъ также и условія существованія антагонизма классовъ, классы вообще, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и свое собственное классовое господство. Мѣсто стараго буржуазнаго общества, съ его классами и антагонизмомъ классовъ, займетъ ассоціація, въ которой свободное развитіе каждаго будетъ условіемъ свободнаго развитія всѣхъ.

Третій отдѣлъ манифеста занимается критикой соціалистической и коммунистической литературы, относящейся къ первой половинѣ 19-го столѣтія. Онъ подраздѣляетъ ее на литературу реакціоннаго, консервативнаго и критико-утопическаго соціализма. Реакціонный соціализмъ въ свою очередь распадается на феодальный, мелко-буржуазный, нѣмецкій или „истинный“ соціализмъ.

Феодальный соціализмъ освѣщается манифестомъ въ такихъ классическихъ выраженіяхъ, которыя и сегодня еще какъ нельзя лучше подходятъ къ нему, — такъ какъ съ тѣхъ поръ только его шуточки, подъ которыми онъ скрывалъ свое отчаяніе, стали менѣе остроумными, а практика его въ политическомъ отношеніи стала только прозрачнѣе. Феодальный соціализмъ возникъ какъ слѣдствіе пораженія, нанесеннаго французской и англійской аристократіи іюльской революціей и биллемъ о реформѣ. Прежнія феодально-романтическія рѣчи стали уже невозможны и вотъ, чтобъ возбудить къ себѣ сочувствіе, аристократія вынуждена была формулировать свой обвинительный актъ противъ буржуазіи съ точки зрѣнія интересовъ эксплоатируемаго рабочаго класса. Она такимъ образомъ нашла себѣ удовлетвореніе въ томъ, что сочиняла бранныя пѣсни на своего новаго господина и нашептывала ему на ухо болѣе или менѣе зловѣщія пророчества. „Такъ-то возникъ феодальный соціализмъ, представляющій собой не то жалобу, не то пасквиль, не то отголосокъ прошлаго, не то угрозу будущаго; иногда онъ поражаетъ буржуазію въ серце своимъ горькимъ, остроумно-ѣдкимъ сужденіемъ, но онъ производитъ комичное впечатлѣніе полной неспособностью своей понять ходъ

современной исторіи. Чтобъ собрать вокругъ себя народъ, онъ потрясалъ пролетарской нищенской сумой, какъ знаменемъ. Но всякій разъ, когда народъ слѣдовалъ за нимъ, онъ замѣчалъ на спинѣ его старые феодальные гербы и разбѣгался съ громкимъ непочтительнымъ смѣхомъ". Феодалы эксплоатировали при другихъ условіяхъ, чѣмъ буржуа, и условія эти уже нынѣ отжили; они указываютъ на то, что при ихъ господствѣ не было современнаго пролетаріата, они забываютъ только, что современная буржуазія явилась необходимымъ плодомъ ихъ общественнаго строя. „Впрочемъ, они вовсе не скрываютъ реакціоннаго характера своей критики, и главное обвиненіе, выдвигаемое ими противъ буржуазіи, заключается въ томъ, что режимъ послѣдней создалъ такой классъ, который совершенно уничтожитъ старый общественный порядокъ. Они упрекаютъ буржуазію не столько въ томъ, что она создала пролетаріатъ вообще, сколько въ томъ, что она создала пролетаріатъ революціонный. Поэтому, когда дѣло доходитъ до политической практики, они участвуютъ во всѣхъ насильственныхъ мѣрахъ противъ рабочаго класса, а въ повседневной жизни забываютъ о своихъ напыщенныхъ рѣчахъ и не упускаютъ случая нажиться; на мѣсто вѣрности, любви, чести становится спекуляція на шерсти, свекловицѣ и водкѣ". Христіанскій соціализмъ характеризуется въ манифестѣ, какъ простая разновидность феодальнаго; онъ играетъ роль святой воды, которой попъ окропляетъ озлобленіе аристократа.

Вторымъ изъ разсматриваемыхъ манифестомъ видовъ реакціоннаго соціализма является мелкобуржуазный соціализмъ, характернымъ представителемъ котораго во Франціи былъ Сисмонди. Въ тогдашней своей формѣ соціализмъ этотъ уже умеръ, но критика его, содержащаяся въ манифестѣ, до сихъ поръ не устарѣла. По мѣрѣ того, какъ обостряется антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, всякаго рода

мелкобуржуазный соціализмъ все болѣе концентрируетъ свое вниманіе на сохраненіи мелкой буржуазіи, среднихъ сословій, антиколлективистскаго крестьянства. Манифестъ характеризовалъ этотъ соціализмъ, какъ „реакціонный и въ то же время утопическій", и эта критика мелкобуржуазнаго соціализма подходитъ къ антисемитизму, увлеченію крестьянскими союзами, цехами такъ же хорошо, или даже еще лучше, чѣмъ къ соціализму Сисмонди.

Равнымъ образомъ германскій катедеръ-соціализмъ въ смыслѣ остроты и глубины принципіальной критики далеко не можетъ сравниться съ Сисмонди, но зато онъ далеко превосходитъ послѣдняго по неопредѣленности предлагаемыхъ имъ мѣръ. Манифестъ уже напередъ подвергаетъ критикѣ его конвульсивныя усилія высмотрѣть какое-нибудь надежное мѣстечко для среднихъ сословій: „Въ тѣхъ странахъ, гдѣ развилась современная цивилизація, образовалась и новая мелкая буржуазія, занимающая промежуточное положеніе между пролетаріатомъ и буржуазіей и постоянно вновь образующаяся, какъ дополнительная часть буржуазнаго общества; представители этой мелкой буржуазіи, подъ вліяніемъ конкурренціи, постоянно попадаютъ въ ряды пролетаріата; они видятъ, что развитіе крупной промышленности приближаетъ тотъ моментъ, когда они совершенно исчезнутъ въ качествѣ самостоятельной части современнаго общества и въ торговлѣ, промышенности и земледѣліи будутъ замѣнены надзирателями и прислужниками". Этотъ историческій процессъ въ настоящее время зашелъ уже такъ далеко, что „новое третье сословіе", о которомъ часто рѣчь идетъ въ профессорской литературѣ, дѣйствительно и состоитъ преимущественно изъ служащихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ и изъ жалкихъ остатковъ стараго карликоваго ремесла и старой карликовой торговли. Это то обстоятельство и является причиной того, что это среднее сословіе вовсе не пред-

ставляетъ собой того гранитнаго столпа капиталистической собственности, за какой его выдаютъ; его скорѣе можно сравнить съ гибкимъ тростникомъ, лишеннымъ корней прежняго ремесла, частной собственности на средства производства. Несомнѣнно, по сравненію съ пролетаріатомъ, это привиллегированный классъ, и трусливые умы могутъ найти въ немъ успокоеніе потому, что онъ не понимаетъ освободительной борьбы пролетаріата, а иногда и прямо враждебно относится къ ней; но этому классу не перестаетъ угрожать опасность, что съ усиленіемъ концентраціи капитала конкурренція толкнетъ его въ ряды пролетаріата. Вслѣдствіе этого въ немъ все болѣе и болѣе усиливается раздѣленіе на двѣ группы: меньшая изъ этихъ группъ занимаетъ высшія и лучше оплачивающіяся мѣста, а условія жизни большей и не перестающей расти группы все болѣе и болѣе приближаются къ пролетарскимъ. Первые становятся слугами буржуазіи, не имѣющими собственныхъ убѣжденій и менѣе всего могуть быть надежной опорой въ дни бури, вторые все болѣе и болѣе объединяются съ пролетаріатомъ. Въ большинствѣ случаевъ положеніе ихъ столь зависимо, что они не могутъ вести столь энергичной борьбы, какъ настоящіе наемные работники, однако, это „новое среднее сословіе“, столь хорошо понятое коммунистическимъ манифестомъ, несомнѣнно уже не можетъ считаться тѣмъ спасителемъ капиталистическаго общества, котораго желаетъ увидѣть въ немъ преклоняющаяся передъ нимъ академическая наука. Чѣмъ въ большей степени оно является замѣстителемъ стараго средняго сословія, тѣмъ сильнѣе колеблется основа частной собственности, и тѣмъ болѣе крѣпнутъ надежды пролетаріата на побѣду.

Третью форму реакціоннаго соціализма, тотъ „истинный“ соціализмъ, представителями котораго былъ Гессъ и Грюнъ, коммунистическій манифестъ анализируетъ особенно подробно и особенно строго въ виду

нѣмецкаго происхожденія его; но поскольку дѣло касалось намѣреній тогдашнихъ носителей его, критика эта не всегда справедлива. Онъ исчезъ чуть ли не одновременно съ появленіемъ манифеста, но историческая сущность его никогда не исчезала въ Германіи, хотя онъ давно уже не занимается переводомъ оборотовъ французской соціалистической рѣчи на дурной нѣмецкій языкъ гегельянства и сентиментально-любовнаго фантазерства. Марксъ и Энгельсъ мѣтко характеризовали его, раскрывъ корни его — спеціально нѣмецкое мѣщанство, боящееся серьезной классовой борьбы. Этотъ соціализмъ можетъ наряжаться, какъ ему угодно, и этической культурой, и натуралистической этикой и еще чѣмъ-нибудь, сущность его останется той же; какъ говорится въ манифестѣ, „онъ связанъ изъ спекулятивной паутины, вышитъ цвѣтами прекраснодушнаго краснорѣчія, пропитанъ росой любовныхъ настроеній". Среди представителей его встрѣчаются отдѣльныя здоровыя натуры, такъ напр., въ сороковые годы мы видимъ среди нихъ Моисея Гесса; но, по мѣрѣ того, какъ классовая борьба обостряется, они развиваются въ „грубыхъ разрушителей-коммунистовъ"; большинство же представителей „истиннаго" соціализма при тѣхъ же условіяхъ обратно падаетъ въ капиталистическое болото, выбравъ себѣ мѣстечко поглубже.

Это же обстоятельство---обостреніе классовой борьбы, становясь все болѣе и болѣе историческимъ фактомъ, было причиной исчезновенія консервативнаго и критико-утопическаго соціализма, которые коммунистическій манифестъ критически анализируетъ на ряду съ реакціоннымъ соціализмомъ. Какъ примѣръ наиболѣе выдающагося систематическаго произведенія консервативнаго соціализма, манифестъ приводитъ философію нищеты Прудона; прудонизмъ даже на родинѣ своей превратился въ забаву мелко-буржуазныхъ круговъ, въ Германіи же онъ уже нѣсколько десятилѣтій

имѣетъ только отдѣльныхъ приверженцевъ въ лицѣ того или иного чудака. Что же касается консервативнаго соціализма съ его хламомъ крючкотворныхъ реформъ, то онъ хотѣлъ бы сохранить буржуазію безъ пролетаріата, полагаетъ, что „пролетаріатъ останется существовать въ современномъ обществѣ, но откажется отъ своихъ враждебныхъ представленій о немъ", и формулируетъ свою доктрину такъ, что „буржуа суть буржуа въ интересахъ трудящихся классовъ"; практически этотъ соціализмъ имѣетъ значеніе прошлогодняго снѣга, какъ бы широковѣщательно не разрабатывалась теорія его на многотерпѣливой бумагѣ.

То же приходится сказать о критико-утопическомъ соціализмѣ, хотя изъ всѣхъ разновидностей буржуазнаго соціализма это какъ разъ та, которой принадлежатъ наиболѣе цѣнныя для научнаго коммунизма предварительныя работы. Это вполнѣ признаетъ и коммунистическій манифестъ, но послѣдній подчеркиваетъ еще и то, что значеніе критико-утопическаго соціализма находится въ обратномъ отношеніи къ историческому развитію. Сенъ-Симонъ, Фурье, Оуэнъ были революціонерами-мыслителями, сенъ-симонисты же, фурьеристы, овэниты стали реакціонными сектантами, потому что они закрывали глаза на несомнѣнные успѣхи пролетаріата и клялись словами покойныхъ учителей своихъ; точно такъ же и современный утопизмъ, въ какой бы формѣ онъ ни всплывалъ, отъ пошлаго реакціоннаго соціализма отличается только „болѣе систематическимъ педантизмомъ и фанатической вѣрой въ чудесное дѣйствіе своей соціальной науки".

Четвертая и послѣдняя часть манифеста занимается вопросомъ объ отношеніи коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ. Здѣсь, конечно, историческія измѣненія на протяженіи цѣлыхъ пятидесятилѣтій коренным образомъ измѣнили положеніе вещей, но выставленныя въ этой части положенія о коммунисти-

ческой тактикѣ прекрасно выдержали тяжелое испытаніе. Коммунисты борются за непосредственныя и ближайшія цѣли и интересы рабочаго класса, но въ то же время они уже въ настоящее время являются выразителями этого движенія въ будущемъ; они повсюду поддерживаютъ всякое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго общественнаго и политическаго строя; во всѣхъ этихъ движеніяхъ они въ качествѣ коренного вопроса выдвигаютъ вопросъ о собственности, въ той или другой болѣе или менѣе развитой формѣ; повсюду они работаютъ надъ объединеніемъ и соглашеніемъ демократическихъ партій всѣхъ странъ; положенія эти до сего дня сохранили все свое значеніе, предполагается только что они поняты въ томъ смыслѣ, какой они имѣютъ въ манифестѣ, т. е., что подъ революціоннымъ движеніемъ подразумѣваются не какія-нибудь дѣтскія покушенія и возстанія, но политико-экономическіе перевороты, а подъ демократическими партіями всѣхъ странъ имѣется въ виду пролетарская демократія; послѣдній пунктъ, конечно, въ настоящее время можетъ возбудить еще меньше недоразумѣній, чѣмъ тогда, такъ какъ за протекшее время еще разъ смѣнились всѣ виды буржуазной демократіи.

Переходя къ отдѣльнымъ странамъ, манифестъ рекомендуетъ примкнуть къ радикальнѣйшей части наличныхъ революціонныхъ элементовъ. Во Франціи коммунисты примыкаютъ къ соціалистически демократической партіи, къ партіи „Реформы“, находящейся въ оппозиціи къ консервативной и радикальной буржуазіи; это конечно, не лишаетъ ихъ права критически отнестись къ тѣмъ фразамъ и иллюзіямъ, которыя основываются только на революціонной традиціи. Въ Швейцаріи коммунисты поддерживали радикаловъ, не забывая при этомъ, что въ составъ этой партіи входятъ весьма противорѣчивые элементы, и что она состоитъ частью изъ демократическихъ соціалистовъ во французскомъ

смыслѣ слова, частью же изъ радикальныхъ буржуа. Въ Польшѣ коммунисты поддерживаютъ партію, ставящую аграрную революцію необходимымъ условіемъ національнаго освобожденія. „Въ Германіи коммунистическая партія борется совмѣстно съ буржуазіей противъ абсолютной монархіи, феодальной земельной собственности и противъ мѣщанства, всякій разъ, какъ буржуазія выступаетъ въ этой борьбѣ, какъ революціонная партія. Но она ни на минуту не забываетъ вырабатывать у рабочихъ возможно ясное сознаніе враждебнаго антагонизма, существующаго между пролетаріатомъ и буржуазіей. Это дѣлается съ той цѣлью, чтобы нѣмецкіе рабочіе тотчасъ же воспользовались, какъ оружіемъ противъ буржуазіи, тѣми общественными и политическими условіями, которыя будутъ созданы господствомъ буржуазіи, это дѣлается съ тою цѣлью, чтобъ сейчасъ послѣ сверженія реакціонныхъ классовъ въ Германіи могла начаться борьба противъ буржуазіи. Главное свое вниманіе коммунисты обращаютъ на Германію, потому что Германія стоитъ наканунѣ буржуазной революціи, а такъ какъ этотъ переворотъ совершается въ болѣе прогрессивныхъ условіяхъ европейской цивилизаціи и при гораздо болѣе высокомъ развитіи пролетаріата, чѣмъ въ Англіи семнадцатаго и во Франціи восемнадцатаго вѣка, то германская буржуазная революція можетъ быть только ближайшимъ прологомъ революціи пролетарской.“ Манифестъ заканчивается такими словами: „Коммунисты считаютъ позорнымъ для себя скрывать свои взгляды и намѣренія. Они открыто заявляютъ, что цѣли ихъ могутъ быть достигнуты только путемъ насильственнаго низверженія всего нынѣшняго общественнаго порядка. Пусть господствующіе классы трепещутъ передъ коммунистической революціей. Пролетаріямъ во время нея предстоитъ потерять только цѣпи свои, но зато завоевать предстоитъ цѣлый міръ. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Исторія „Коммунистическаго манифеста" чѣмъ дальше, тѣмъ все больше становилась исторіей современной интернаціональной соціалъ-демократіи. Въ первый моментъ появленія его съ энтузіазмомъ привѣтствовалъ небольшой отборный отрядъ развитыхъ пролетаріевъ и проницательныхъ идеологовъ; отборный отрядъ этотъ, какъ бы тамъ ни было, былъ очень малъ, потому что „Союзъ Коммунистовъ" врядъ ли насчитывалъ болѣе нѣсколькихъ сотенъ членовъ, если даже считать всѣ страны, гдѣ онъ только имѣлъ приверженцевъ. Затѣмъ манифестъ исчезъ, вмѣстѣ съ пронесшимися отливами революціоннаго рабочаго движенія. Но когда снова начала подыматься волна рабочаго движенія, она снова вынесла манифестъ, какъ лоцманскую лодку, нашедшую при помощи компаса вѣрный путь черезъ бушующую водную пустыню въ новый міръ труда. Въ настоящее время манифестъ является наиболѣе международнымъ, наиболѣе распространеннымъ произведеніемъ всей соціалистической литературы; это общая программа, которой добровольно обязуются на великую борьбу за освобожденіе своего класса милліоны рабочихъ всѣхъ странъ отъ Сибири до Калифорніи.

Довольно странно сложилась судьба манифеста въ буржуазномъ мірѣ. Нѣмецкую политическую экономію, которая до того времени питалась только крошками съ англійскаго и французскаго стола, онъ мощной рукой ввелъ въ кругъ европейскихъ культурныхъ народовъ. Однако, тотъ великій теоретическій смыслъ, который въ классическій періодъ этой литературы считался наслѣдственнымъ достояніемъ германской буржуазіи, былъ уже такъ основательно забытъ, что полныхъ тридцать лѣтъ манифестъ для буржуазныхъ классовъ Германіи значился только въ черной книгѣ политической полиціи. Какъ бы то ни было, Штиберъ еще находилъ въ немъ и „умъ и энергію". Не то случилось, когда первый нѣмецкій профессоръ универси

тета Эйзенгартъ въ Галле въ 1881 году счастливо открылъ существованіе манифеста. Въ своей „Исторіи Политической Экономіи“ онъ называетъ манифестъ „жалкой поддѣлкой подъ манифестъ бабувистовъ“; въ качествѣ цитаты изъ него онъ приводитъ имъ самимъ же придуманную безсмыслицу: „Мы стремимся къ равенству, хотя бы изъ за этого погибли всѣ искусства“. Съ тѣхъ поръ снова прошло не мало лѣтъ, и съ тѣхъ поръ совы ночныя научились щурить глаза на свѣтъ, нашли въ Манифестѣ стремленіе къ насильственному перевороту, а слѣдовательно, далеко еще неисчерпанный источникъ нравственнаго возмущенія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у авторовъ манифеста не было наивныхъ упованій на Бога, и они вовсе не ожидали, что современная буржуазія добровольно сойдетъ съ исторической сцены, какъ только пробьетъ ея часъ. Въ то время какъ идеологи буржуазіи въ „насильственномъ переворотѣ“ видятъ оскорбительное сомнѣніе въ добрыхъ намѣреніяхъ господствующихъ классовъ, ея суды и полиція выносятъ пролетаріямъ, мирно ведущимъ агитацію во имя освобожденія своего класса, такіе приговоры, какъ будто они были кровожадными революціонерами; такимъ образомъ вовсе не слѣдуетъ думать, что современные капиталисты сами экспропріируютъ себя. Впрочемъ, когда Марксъ и Энгельсъ писали свой Коммунистическій Манифестъ, европейская почва уже колебалась отъ предстоящаго взрыва колоссальной классовой борьбы, во время которой буржуазія безъ зазрѣнія совѣсти широко расположилась на той почвѣ, которую расчистилъ для нея пролетаріатъ „насильственнымъ ниспроверженіемъ“ абсолютистски-феодальнаго общественнаго и государственнаго порядка.

Въ дѣйствительности же жалкій вопль о „насильственномъ ниспроверженіи“ не заслуживаетъ серьезнаго вниманія, изъ подъ какого бы почтеннаго парика онъ ни раздавался. То что надо было сказать въ этомъ

отношеніи въ качествѣ исправленія и дополненія къ Манифесту, то Марксъ и Энгельсъ еще сами сказали. Изученіе революціоннаго періода Франціи на протяженіи 1789—1830 годовъ дало имъ глубокое пониманіе процесса измѣненія буржуазнаго общества, и это побудило ихъ слишкомъ буквально перенести формы буржуазной революціи на революцію пролетарскую. При опубликованіи Манифеста одному изъ авторовъ еще не было тридцати лѣтъ, и если въ старости они все еще были готовы поучаться на опытѣ исторической практики, то въ молодости они меньше всего уклонялись отъ этого.

Въ своемъ эпилогѣ къ „Классовой борьбѣ въ 1848—1851 году" [1] Марксъ находитъ уже глубокія отличія между ходомъ буржуазной и пролетарской революціи: „буржуазныя революціи быстрѣе идутъ отъ успѣха къ успѣху, онѣ изобилуютъ драматическими эффектами, люди и вещи представляются намъ какъ бы оправленными въ брилліанты, духовный экстазъ становится повседневнымъ явленіемъ, но онѣ кратковременны, скоро достигаютъ своего апогея, и общество долго переживаетъ состояніе похмелья, прежде чѣмъ сумѣетъ трезво отнестись къ результатамъ, достигнутымъ въ періодъ бури и натиска. Напротивъ, пролетарскія революціи постоянно подвергаютъ себя критикѣ, постоянно прерываютъ ходъ свой, возвращаются къ тому, что оказалось осуществленнымъ, для того, чтобы снова начать сначала, съ жестокой основательностью смѣются надъ половинчатостью, слабостью и мелочностью своихъ первыхъ попытокъ; кажется, что они повергаютъ въ прахъ своихъ противниковъ только для того, чтобы послѣдніе почерпнули изъ земли новыя силы, для того, чтобы они встали передъ ними еще болѣе могучими; они постоянно пу-

---

[1] „Классовая борьба во Франціи въ 1848—51 г." изд. Т-ва „Просвѣщеніе".

гаются неопредѣленной громадности своихъ собственныхъ цѣлей, пока дѣло не дойдетъ до того, что никакой возвратъ невозможенъ, а обстоятельства сами не начнутъ кричать: Hic Rhodos, hic salta. Затѣмъ парижская Коммуна показала, что „рабочій классъ не можетъ просто овладѣть государственной машиной и привести ее въ движеніе въ своихъ цѣляхъ"; разсматривая же историческое развитіе германской соціалъ-демократіи, Энгельсъ въ своей послѣдней работѣ показалъ, что въ силу исторической діалектики революціонный пролетаріатъ, принципіально ограничиваясь мирными и законными средствами борьбы, получаетъ красныя щеки и крѣпкіе упругіе мускулы, тогда какъ призванныя опоры порядка въ лихорадочномъ усердіи своемъ могутъ охрипнуть отъ криковъ о „насильственномъ ниспроверженіи" о „революціи сверху", о государственномъ переворотѣ, объ открытой военной диктатурѣ.

Нѣкоторые противники историческаго матеріализма любятъ выставлять его какимъ-то соціалистическимъ кудесникомъ; если же онъ не можетъ предсказать точно, что случится въ каждый день на сто лѣтъ впередъ, то они называютъ его лжепророкомъ. Честные люди знаютъ, что историческій матеріализмъ представляетъ собой прямую противоположность всякаго фокусничества и что это — научный методъ, который даетъ болѣе или менѣе точные результаты въ зависимости отъ силъ и средствъ, имѣющихся въ его распоряженіи. Сила, сдѣлавшая „Коммунистическій Манифестъ" міровымъ духовнымъ факторомъ, заслуживаетъ тѣмъ большаго удивленія, что при тогдашнемъ состояніи исторической науки средства, находившіяся въ ея распоряженіи, были очень несовершенны. Въ самомъ Манифестѣ говорится, что практическое примѣненіе его основныхъ положеній всюду и всегда будетъ зависѣть отъ наличныхъ историческихъ условій; но положенія эти остались непоколебленными въ са-

мыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Марксъ и Энгельсъ въ работѣ своей считались не съ годомъ, не съ десятилѣтіемъ, а съ цѣлымъ столѣтіемъ, и на протяженіи столѣтія вполнѣ подверждается то, что тотъ или иной годъ, то или иное десятилѣтіе дерзко пытались опровергнуть.

Развѣ не должно было казаться глубочайшимъ заблужденіемъ въ дни Кениигретца и Седана утвержденіе, что буржуазная революція въ Германіи только непосредственный прологъ пролетарской революціи? Но если мы сегодня оглядываемся назадъ на великій ходъ историческаго развитія, то мы видимъ, что иного значенія буржуазная революція дѣйствительно не имѣла.